

ISSN 2587-6953

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEORHIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2018

ТОМ 4

№ 16

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

1 800 4

>

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор

д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор

д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Астана, Казахстан)

д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев
(г. Тамбов, Российская Федерация)

д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)

д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Германия),

д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)

д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная
(г. Минск, Беларусь)

д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)

д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)

д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)

д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина
(г. Тамбов, Российская Федерация)

д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)

д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)

д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)

д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)

д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Казахстан)

д. филол. н., доц. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Казахстан)

д. филол. н., проф. В.К. Харченко
(г. Белгород, Российская Федерация)

д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Адрес редакции: 392000, Тамбовская обл.,

г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440

Эл. почта: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru

Веб-сайт: <http://www.journals.tsutmb.ru/neo-philology-about.html>; <http://journals.tsutmb.ru/neo-philology-eng.html>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

Подписной индекс 80303 в каталоге АО Агентства «Роспечать»

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2018

© Журнал «Неофилология», 2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2018

Т. 4, № 16

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 3

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Терских М.В., Быкова Е.О. Рекламные тексты как объект лингвистической экспертизы 5

Мусабекова У.А., Культурсынова Ф.Б. Национально-культурная специфика репрезентации концепта 'ЖУРЕК' (на материале произведений М. Жолдасбекова) 15

Андреева О.Н. Репрезентация языковой картины мира в этнолингвистических текстах (на материалах Тамбовской области) 20

Ду Чуньян. Перифраза в поэтическом тексте о луне: У. Стивенс «Лунный парафраз» 26

РУССКИЙ ЯЗЫК

Цурцилина Н.Н. К вопросу об обучении русскому языку как иностранному 32

Кулик Н.В. Экология языка как содержание образовательной программы в средней школе 39

Редакторы:
А. А. Манаенкова,
М. И. Филатова
Редакторы английских текстов:
С. Ю. Можаров, Т. А. Сустина
Компьютерное макетирование
Т. Ю. Молчановой
Дизайн обложки
Т. О. Прокофьевой

Для цитирования:
Неофилология. 2018. Т. 4, № 16. 92 с.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16

Подписано в печать 13.11.2018
Выход в свет 24.12.2018
Формат А4 (60×84 1/8)
Гарнитура «Times New Roman»
Печать на ризографе
Печ. л. 11,50
Усл. печ. л. 11,16
Тираж 1000 экз.
Заказ № 18272
Цена свободная

Адрес издателя:
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г. Р. Державина»

Отпечатано с готового оригинал-макета в
отделе оперативной печати
Издательского дома «Державинский»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина».
392008, Тамбовская обл.,
г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.
Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Мельник Ю.А., Кирова А.В. Креативизация лексикона
русского языка новейшего времени: «Слово года» 46

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Грудинина Е.В. Трансформация образа Иисуса Христа
в творчестве А. Блока: от ранней лирики к поэме «Две-
надцать» 54

Колчанов В.В. «Александр Семенович Рокк»: главком
РККА С.С. Каменев и его окружение в повести
М.А. Булгакова «Роковые яйца» 65

Потанина Н.Л., Горячева К.Ю. Поэтика «вставных
конструкций» в романе Б. Шлинка «Возвращение» 73

РЕЦЕНЗИИ

Потанина Н.Л. Рецензия на монографию С.Г. Исаева,
Н.Г. Владимировой «Актуальная поэтика: смена художе-
ственной парадигмы» (Великий Новгород: Изд-во НовГУ
им. Ярослава Мудрого, 2017. 482 с.) 81

Гутарин М.М. Рецензия на статью Ю.М. Полякова «Же-
лание быть русским» 85

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 90

Founder:

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Tambov State University named after G.R. Derzhavin" (392000, Tambov Region, Tambov, 33 Internatsionalnaya Street)

Editor-in-Chief

Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak (Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Doctor of Philology, Doctor of History
A.A. Burykin
(St. Petersburg, Russian Federation)

Executive Editor

I.V. Ilyina (Tambov, Russian Federation)

Editorial Board

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva (Astana, Kazakhstan)
 Doctor of Philology, Professor N.N. Boldyrev (Tambov, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor M.V. Gorbanevskiy (Moscow, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor R. Goldt (Mainz, Germany)
 Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva (Moscow, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor E.G. Zadornaya (Minsk, Belarus)
 Doctor of Philosophy, Associate Professor J. Curtis (Oxford, Great Britain)
 Doctor of Philology, Associate Professor O.N. Novikova (Ufa, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova (Tambov, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor N.L. Potanina (Tambov, Russian Federation)
 Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina (Tambov, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
 Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg (Penza, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun (Volgograd, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan)
 Doctor of Philology, Associate Professor A.B. Tumanova (Almaty, Kazakhstan)
 Doctor of Philology, Professor V.K. Kharchenko (Belgorod, Russian Federation)
 Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin (Tambov, Russian Federation)

Editorial address: 392000, Tambov Region, Tambov, 33 Internatsionalnaya Street
 Editorial telephone: (4752)-72-34-34 add 0440
 E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
 Web-site: <http://www.journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html>; <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). The mass media registration certificate ПИ № ФС 77-70137 of June 16, 2017

Subscription index in the catalogue of the Stock company Agency "Rospechat" is 80303

© FSBEI of HE "Tambov State University named after G.R. Derzhavin", 2018

© The journal "Neophilology", 2018

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

NEOPHILOLOGY

2018

Vol. 4, No. 16

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015

ISSUED 4 TIMES A YEAR

C O N T E N T S

LINGUISTICS

- Terskikh M.V., Bykova E.O.** Advertising texts as a linguistic expertise object 5
- Musabekova U.A., Kultursynova F.B.** National and cultural specifics of representation of the concept 'HEART' (on materials of M. Joldasbekov's works) 15
- Andreeva O.N.** Linguistic worldview representation in the ethnolinguistic texts (on materials of Tambov Region) 20
- Du Chunyang.** Periphrasis in a poetic text about the moon: W. Stevens "Lunar paraphrase" 26

RUSSIAN LANGUAGE

- Tsurtsilina N.N.** Russian language teaching as a foreign language 32
- Kulik N.V.** Ecology of language as an educational programme content in the secondary school 39
- Melnik Y.A., Kirova A.V.** Creativity in the contemporary Russian language vocabulary: "Word of the Year" 46

Editors:

A. A. Manaenkova, M. I. Filatova

English texts editors:

S. Y. Mozharov, T. A. Sustina

Computer layout

T. Y. Molchanova

Cover design

T. O. Prokofeva

For citation:

Neophilology. 2018. Vol. 4, no. 16. 92 p.

ISSN 2587-6953

DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16

Podpisano v pechat' 13.11.2018

Vykhod v svet 24.12.2018

Format A4 (60×84 1/8)

Garnitura «Times New Roman»

Pechat' na rizografe

Pech. l. 11,50

Usl. pech. l. 11,16

Tirazh 1000 ekz.

Zakaz № 18272

Tsena svobodnaya

Adres izdatelya:

392000, Tambovskaya obl., g. Tambov,

ul. Internatsional'naya, d. 33.

FGBOU VO «Tambovskiy

gosudarstvennyy universitet

imeni G. R. Derzhavina»

Otpechatano s gotovogo original-maketa

v otdele operativnoy pechaty

Izdatel'skogo doma «Derzhavinskiy»

FGBOU VO «Tambovskiy gosudarstvennyy

universitet imeni G. R. Derzhavina».

392008, Tambovskaya obl.,

g. Tambov, ul. Sovetskaya, d. 190g.

E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

STUDIES OF LITERATURE

- Grudinina E.V.** Jesus Christ's image transformation in the works by A. Blok: from early works to the poem "The Twelve" 54
- Kolchanov V.V.** "Aleksandr Semenovich Rokk": chief commander of the Workers' and Peasants' Red Army S.S. Kamenev and his surroundings in the novel by M. Bulgakov "The Fatal Eggs" 65
- Potanina N.L., Goryacheva K.Y.** Poetics of "inserted constructions" in the novel by B. Schlink "Homecoming" 73

REVIEWS

- Potanina N.L.** Review of the monograph by S.G. Isaev, N.G. Vladimirova "Current Poetics: the Change of the Artistic Paradigm" (Velikiy Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2017, 482 p.) 81
- Gutarin M.M.** Review on the article by Y.M. Polyakov "The Desire to be Russian" 85

RULES FOR THE AUTHORS 90

РЕКЛАМНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Марина Викторовна ТЕРСКИХ, Екатерина Олеговна БЫКОВА
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
644077, Российская Федерация, г. Омск, пр-т Мира, 55-А
E-mail: terskihm@mail.ru

Аннотация. Показана лингвистическая экспертиза спорных рекламных текстов как актуальное, но недостаточно разработанное направление в российской лингвоэкспертологии. Представлена классификация языковых нарушений в сфере региональной рекламной практики, рассмотрены современные методы лингвистической экспертизы, проблемные аспекты данного вида деятельности. Особое внимание уделено проблеме упрощения и «раскрепощения» стилистических норм в рекламной коммуникации, языковой игре как источнику провокативной рекламы; опираясь на опыт региональной практики лингвистической экспертизы спорных рекламных текстов, выделены способы формирования непристойного подтекста. Кроме того, рассмотрены рекламные сообщения, в основе которых лежит языковая дискредитация потребителей, не пользующихся предлагаемым продуктом. Также отмечено, что одним из современных каналов распространения дискредитирующей информации являются социальные сети, которые становятся площадками для продвижения в том числе недостоверной информации, порочащей репутацию компании-производителя и/или выпускаемого ею продукта; в качестве примера рассмотрена «фейковая» рекламная компания, реализованная в 2018 г. в социальной сети ВКонтакте. Материалом для данного исследования стала наружная реклама, преимущественно региональная (омская), и интернет-реклама (проанализировано более 50 текстов). В качестве базовых были использованы следующие методы анализа: контекстный, семантический, семантико-стилистический, коммуникативно-прагматический.

Ключевые слова: коммерческая реклама; рекламный текст; лингвистическая экспертиза; ненадлежащая реклама

Рекламисты постоянно сталкиваются с необходимостью совершенствования воздействующей силы рекламных текстов, что определяется самой природой рекламы как персуазивного дискурса. Причем очень важно, чтобы манипулятивный характер сообщений не вступал в противоречие с документами, регламентирующими данный вид коммуникации, в первую очередь, – с Федеральным законом «О рекламе». Данная задача определяет необходимость изучения и подробного анализа рекламных текстов, нарушивших требования данного закона или относящихся к разряду спорных с точки зрения соответствия рекламному законодательству [1–6].

С помощью одного из инструментов прикладной лингвистики – лингвистической экспертизы – можно противостоять распространению ненадлежащей и некачественной рекламы. Эксперту, проводящему языковую экспертизу, важно уметь анализировать композицию целого текста в соответствии с его жанровой спецификой. Стоит отметить, что требования к содержанию и форме реклам-

ных текстов сформулированы в международном и федеральном законодательстве (законах о средствах массовой информации, о рекламе и др.) и в документах корпоративного саморегулирования, созданных в творческих союзах журналистов и рекламистов.

Рекламное законодательство связано с законодательством об авторских правах, о правах на средства индивидуализации, о защите прав потребителей, о СМИ. При подробной процедуре экспертизы текста принимается во внимание не только содержание рекламных элементов материала, но также место, время, способы распространения и размещения рекламной информации. С точки зрения законодательства, реклама представляет собой набор следующих характеристик: информационная составляющая, обращение к определенной целевой аудитории, наличие объекта продвижения, ориентация на привлечение внимания и сохранение интереса к предмету рекламирования. Текст, который, согласно указанным характеристикам, можно отнести к рекламному, должен соответство-

вать всем требованиям рекламного законодательства. «Однако на переполненном рекламном рынке товаров и услуг их производителям и продавцам приходится бороться за деньги покупателей, используя разные маркетинговые инструменты, в том числе рекламное воздействие на грани закона и беззакония» [7, с. 356].

Основной целью федерального закона «О рекламе» является регулирование отношений между производителями и распространителями рекламы, которые возникают в процессе создания и реализации рекламного продукта. Кроме того, в рамках федерального законодательства в сфере рекламы осуществляется защита от недобросовестной конкуренции и предотвращение ненадлежащей рекламы.

Признаки нарушений можно объединить в одну из множества классификаций рекламных аспектов «вне закона». Некачественная реклама может ввести потребителя в заблуждение, возможно, нанести вред здоровью, имуществу, достоинству и, что чаще всего бывает, репутации конкурентной компании. Кроме того, материалы, нарушающие закон «О рекламе», могут задеть общественные интересы и моральные принципы.

Любая реклама может транслировать то или иное сообщение в разных формах: вербальной, звуковой, визуальной. Вербальное (с использованием слов или предложений) оформление рекламы нередко вступает в противоречие с законодательством Российской Федерации, а точнее, со статьями и пунктами Федерального закона «О рекламе» и Федерального закона «О русском языке».

В рамках языковой экспертизы подлежат анализу следующие рекламные компоненты продвигаемого предмета:

- 1) название продукта, торговой марки, компании;
- 2) слоганы;
- 3) рекламные тексты;
- 4) совокупность вербального и визуального ряда;
- 5) «бегущая строка»;
- 6) печатная, теле-, радио-, интернет-реклама.

Большое количество разнообразных методик исследования, а также подходы к изучению текста позволяют лингвисту-эксперту

рассматривать следующие обширные аспекты при исследовании рекламной продукции:

- толкование прямого и переносного значения слова или выражения, определение его контекста;
- определение явно выраженного/подтекстового значения слова (выражения), контекста;
- определение стилистической и языковой нормы оформления вербального сообщения в соответствии с определенным жанром;
- прогнозирование эффекта и реакции потенциальных потребителей, клиентов на рекламируемый продукт;
- оценку маркетинговой эффективности названия торговой марки, фирмы, компании и других наименований;
- исследование рекламной продукции в соответствии нормам правописания, грамматики, стилистики и культуры речи;
- оценку положительных/отрицательных эффектов при взаимодействии текстового, звукового и графического оформления в рекламном материале;
- анализ рекламной продукции на предмет соответствия законодательной базе и корпоративной документации;
- выявление повторения (плагиата) или эксплуатации чужого коммерческого знака.

Вместе с тем существует и более узкая трактовка сферы лингвистической экспертизы рекламного текста. Приведем, в частности, мнение Л.В. Балахонской и И.А. Быкова: «Как нам представляется, основной задачей лингвистической экспертизы должна стать оценка использования стилистико-языковых средств в разных типах текстов (в том числе и рекламных) на предмет их соответствия законодательным документам и этическим кодексам. Анализом же рекламных текстов с точки зрения объекта рекламирования (например, алкогольной, табачной продукции, медикаментов, предметов гигиены и т. п.), места и времени размещения, использования изображений эротического или агрессивного характера и т. п. должны заниматься правоведы и специалисты по этике. В то же время следует подчеркнуть необходимость привлечения лингвистической экспертизы в тех случаях, когда требуется оценить корректность взаимодействия вербальных и невербальных компонентов рекламного текста.

Если же рекламное сообщение содержит только визуальные образы, не подкрепленные словесным рядом, то оно не может быть объектом лингвистической экспертизы» [8, с. 44].

Нормативная база для исследования рекламного текста преимущественно состоит из законодательных документов: Федерального закона «О рекламе» от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ, Федерального закона «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ, «Закона о защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2300-1, Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ, «Российского рекламного кодекса», а также корпоративной документации, в которой прописываются основные правила использования того или иного рекламного элемента продвигаемого продукта.

Для полного и тщательного исследования рекламной продукции необходимо предоставить следующие материалы:

- аудио- и видеозаписи рекламных роликов, выступлений;
- газетные, журнальные и интернет-публикации;
- брошюры, плакаты, листовки, рекламные макеты и другую печатную продукцию;
- зафиксированные на цифровых носителях изображения рекламных щитов;
- материалы дела, которые имеют прямое отношение к предмету исследования (в случае если экспертиза проводится уже в условиях арбитражного или уголовного процесса).

При процедуре языковой экспертизы рекламного материала эксперту-лингвисту необходимо проводить анализ текста, языкового знака в первую очередь с точки зрения:

- оригинальности, неповторимости, новизны, индивидуальности;
- сходства до степени смешения на основе фонетических, семантических и графических признаков;
- определения толкования смысла.

Безусловно, права Г.А. Копнина, отмечающая, что в области лингвистической экспертизы по спорным рекламным текстам существует еще много проблемных аспектов, по большей части связанных с «размытостью» формулировок, содержащихся в законе «О

рекламе», и отсутствием общепризнанной методики проведения лингвистической экспертизы рекламного текста. Г.А. Копнина выделяет следующие «проблемные зоны»: отсутствие общепринятой методики проведения лингвоэкспертного анализа (дискуссионным остается вопрос о применении экспериментальных методов исследования; отсутствие общепринятой методики исследования манипулятивности текста); разграничение скрытой рекламы и пиар-текстов; вхождение/невхождение понятия языковой/речевой манипуляции в сферу правового регулирования; недостаточно четкое понимание термина «некорректное сравнение» в юриспруденции; размытость оснований для квалификации рекламы как неэтичной; противоречие между правовыми и профессиональными предписаниями, порождающее коммуникативные парадоксы [9, с. 135].

Как показывает практика, наиболее часто нарушение рекламного законодательства связано с провокативным характером рекламного текста (нарушением этических норм современного общества), дискредитацией конкурентов, а также потребителей, которые не пользуются представленным в рекламном сообщении продуктом. В современном языке рекламы и СМИ можно проследить тенденцию к упрощению и «раскрепощению» стилистических норм, а также к использованию разговорного стиля при создании и продвижении рекламного продукта. Стоит отметить, что создание рекламного текста прямым образом связано с языковой игрой, что обеспечивает реализацию эффекта обманутого ожидания, но вместе с тем в некоторых случаях нарушает литературные нормы и нормы морали, из-за чего реклама может стать предметом судебных исков.

Например, если в одних случаях потребитель декодирует задуманную автором языковую игру, получая интеллектуальное и эмоциональное удовольствие и запоминая рекламное сообщение, то при восприятии других рекламных материалов реципиент сталкивается с языковой игрой, которая вызывает у потребителя негативные эмоции и даже может нанести вред нравственности подрастающего поколения. Как правило, в этом случае речь идет о наличии в рекламе непристойного и/или оскорбительного образа,

что свидетельствует о нарушении части 6 статьи 5 Федерального закона «О рекламе». Причины, по которым автор рекламного сообщения прибегает к нарушению этических норм современного общества, очевидны: апелляция к сексуальному подтексту, использование обесцененной лексики, с одной стороны, вульгаризируют, опошляют рекламное сообщение, однако, с другой стороны, вызывают повышенный интерес реципиента к рекламному продукту такого рода. «Ради достижения максимальной выразительности рекламисты прибегают к сильным средствам языкового воздействия, используют шокирующие изображения, создавая провокативную рекламу с ее «эстетикой безобразного», агрессивностью и эротизмом» [10, с. 454].

Л.П. Амири относит использование шоковых приемов к разряду квазикреативных решений, привлекающих внимание к рекламному тексту, но при этом снижающих его эффективность: «Под квазикреативным творчеством в рекламе следует понимать использование шоковых способов воздействия, вызывающих у среднестатистического потребителя неприятие одного из составляющих компонентов рекламного сообщения (вербального или невербального по отдельности) или создаваемого смысла рекламного сообщения (который также может формироваться за счет превалирования вербального или невербального компонентов или складываться за счет их сочетаемости» [11].

Приведем несколько примеров из практики «Экспертного совета по рекламе» Омского УФАС. Как правило, непристойный подтекст создается за счет использования следующих способов: 1) обыгрывания прямого и переносного значений слов, в том числе тех, которые в жаргоне имеют значения, относящиеся к табуированной теме (рис. 1); 2) использования невербального компонента, который создает и/или усиливает двоякость смысла (рис. 2); 3) шрифтового выделения отдельных компонентов фразы: «**ХОЧУ ТЕБЯ пригласить в фитнес-клуб. КОНЧАЙ бездельничать, иди на тренировку! ОЧЕНЬ БОЛЬШИЕ шансы добиться результата. ДАВАЙ ЗАЙМЕМСЯ фитнесом**» (реклама фитнес-клуба «Линия жизни»)¹.

¹ Контент использован для проведения научного исследования.

Достаточно часто при экспертизе рекламных текстов на предмет соответствия их требованиям закона приходится сталкиваться с нарушением пункта 4 части 4 статьи 5 Федерального закона «О рекламе», согласно которому запрещено формирование негативного отношения к лицам, не пользующимся рекламируемым товаром. Так, ненадлежащей была признана реклама поселка «Курортный»: вербальный компонент «*Хватит жить в консервной банке*» в совокупности с визуализацией данного высказывания, с точки зрения Экспертного совета по рекламе при УФАС по Омской области, унижает человеческое достоинство лиц, проживающих в многоквартирных домах (рис. 3). Другим примером рекламного сообщения, дискредитирующего тех, кто не пользуется предлагаемым продуктом, является баннер компании «Аквафор», на котором изображен Дед Мороз с водоочистительным фильтром в руках; слоган – «*Будь мужчиной, купи «Морион»*».

В качестве примера применения методик ливгоэкспертизы рассмотрим интернет-рекламу, которая «порочит деловую репутацию».

В августе 2018 г. в социальной сети в ВКонтакте появился неофициальный паблик, посвященный преимуществам продукции Набережночелнинского картонно-бумажного комбината – туалетной бумаге.

За весьма короткое время ресурс «Однослойная. 50-метровая. Твоя» (рис. 4) набрал большое количество подписчиков (порядка 6 тысяч пользователей из России). Отметим при этом, что руководство предприятия «Набережночелнинский картонно-бумажный комбинат им. С.П. Титова» по данному факту заявило, что в социальной сети ВКонтакте уже более трех лет функционирует официальная группа «ЗАО «НП НЧ КБК им. С.П. Титова», где размещается контент о деятельности предприятия, а новый паблик является «фейковым» и никоим образом не относится к предприятию. По словам пресск-центра комбината, информация, которая размещалась на страницах неофициального паблика «Однослойная. 50-метровая. Твоя» не соответствует действительности и порочит деловую репутацию предприятия. В результате руководством картонно-бумажного комбината было принято решение обратиться с заявлением в правоохранительные органы.

Рис. 1. Реклама мужского салона «Лазурный берег»

Рис. 2. Реклама магазина автозапчастей «Большие детали»

Рис. 3. Реклама поселка «Курортный»

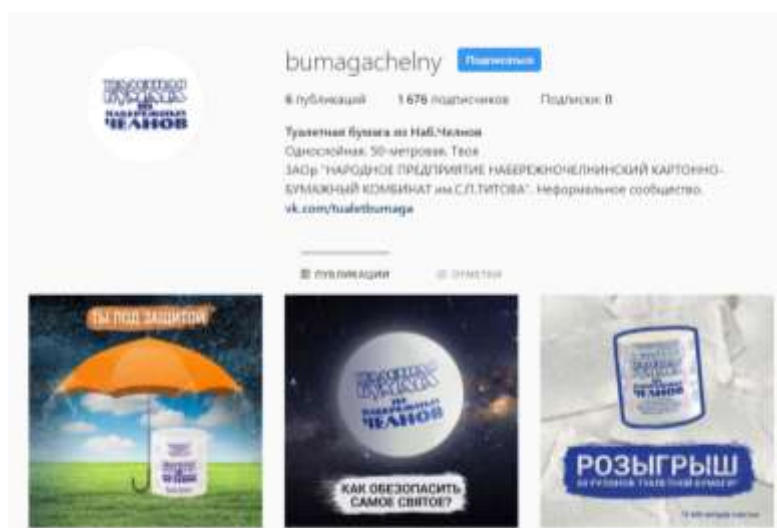

Рис. 4. Контент аккаунта «Туалетная бумага из Набережных Челнов»

Чтобы установить факт нарушения и доказать подрыв деловой репутации Набережночелнинского комбината, лингвисту необходимо ответить на следующий ключевой вопрос: *содержат ли тексты или изображения, размещенные в паблике, информацию, которая порочит деловую репутацию компании-производителя?*

В паблике «Туалетная бумага из Набережных Челнов» пользователей социальной сети информируют о том, сколько сантиметров бумаги нужно отрывать при использовании и как крепить бумагу без специальной втулки, кроме того, в группе проводился конкурс, в котором разыгрывалось 50 рулонов туалетной бумаги (рис. 5). Информация выражена в форме совета с использованием комментариев с ненормативной лексикой: *«Что думает покупатель: О, класс, экономия! Рулончик по 5 рублей! Врот&@бал брать дорожную бумагу по 13 рублей, да и зачем мне мягкая и душистая бумага, я ж не гомосексуал!»*. Кроме употребления брани в данном контексте прослеживается оскорбление представителей сексуальных меньшинств.

Далее ответим на вопрос: *какова коммуникативная установка у текстов и изображений, размещенных в данном паблике?*

Одна из основных коммуникативных установок текстов паблика «про туалетную бумагу» – стимулировать сбыт товара. В публикациях можно проследить следующие характерные признаки рекламного текста: *при-*

влекательность, информативность, побуждение и приглашение к совершению покупки.

Следующий вопрос, вытекающий из предыдущего: *есть ли в анализируемом материале признаки речевой стратегии дискредитации, способные нанести вред репутации производителя туалетной бумаги?* В публикациях паблика в ВКонтакте и аккаунта в Instagram, инициированных/якобы инициированных компанией-производителем, прослеживается речевая агрессия, в частности, в высказывании, поданном в форме мнения покупателя – свидетельства пользователя в пользу продукта. Таким образом, в представлении создателей данных ресурсов потребитель туалетной бумаги – это невоспитанный, позволяющий использовать в своей речи обесцененную лексику человек. Фразы с использованием ненормативной лексики позволяют сделать вывод о дискредитации потребителя, что приводит в результате к снижению авторитета компании. Умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме, согласно ст. 5.61 КоАП РФ, является в настоящее время административным правонарушением.

Важно также подчеркнуть, что данные тексты имеют публичный характер, поскольку они размещены в пабликах для продвижения продукта среди потребителей: *«Наш совет директоров принял решение о выходе нашего продукта «Туалетная бумага из Набережных Челнов» в социальные сети. Вот,*

так сказать, и приводим решение к исполнению. Здравствуйте, пользователи глобальной паутины!».

Рис. 5. Розыгрыш в группе «Туалетная бумага из Набережных Челнов» ВКонтакте

Как выяснилось, на самом деле данные паблики создавались специально рекламным агентством для демонстрации возможностей SMM, при этом объектом для продвижения был выбран реально существующий товар. С одной стороны, руководство комбината могло воспользоваться ситуацией и обратиться к креаторам с предложением об изменении стилистики текстов, о смягчении вербальной агрессии и о дальнейшем сотрудничестве. С другой же стороны, упоминание продукции без разрешения руководства компании может привести к административной или даже уголовной ответственности.

В условиях современных динамических изменений в социуме проблемы в области рекламы связаны с рядом аспектов: с адекватностью распространяемых сведений, со взаимоотношениями между конкурентами, с необходимостью регулировать распространение рекламы, предназначенной для ограниченной аудитории, со спецификой создания товарных имен и знаков и пр. В рекламных текстах активно работают не только смыслы, являющиеся результатом декодирования вербальных компонентов сообщения, но и паралингвистические средства – устные и письменные: звуки человеческой речи с ее интонацией, темпом и тембром голоса, бук-

вы во всем богатстве рисунков и размеров шрифта. «Задействованы» в ней и средства иных культурных кодов – изобразительно-графического, музыкального, драматического (сюжет, персонажи, являющие собой характерные общечеловеческие или национальные типы) и др.

По этой причине к рекламной экспертизе часто привлекают лингвистов: они владеют инструментами истолкования прямых или переносных, явно выраженных или подтекстовых значений фраз и контекстов, они знают языковые и стилистические нормы того или иного жанра, могут прогнозировать потенциальную маркетинговую эффективность коммерческого имени. Кроме того, они умеют оценить позитивные или негативные эффекты взаимодействия разноприродных знаковых систем, в совокупности создающих рекламное произведение. Для того чтобы избежать возможных негативных последствий в отношении рекламной продукции, а также выявить ее потенциальную эффективность, необходимо тестировать ее и определять степень влияния на когнитивные и ментальные структуры сознания человека, социальной группы.

Список литературы

1. Амири Л.П. К вопросу о лингвистической экспертизе текстов в рекламной коммуникации // В мире научных открытий. 2011. № 4-1. С. 611-618.
2. Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза рекламных текстов // Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. С. 624-633.
3. Чубина Е.А. Креативность и закон. Рекламный текст как объект судебной лингвистической экспертизы // Креатив в коммуникациях: теория и практика. М., 2014. С. 191-200.
4. Чубина Е.А. Современное состояние и перспективы развития судебной лингвистической экспертизы рекламы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 408-414.
5. Чубина Е.А. Судебная лингвистическая экспертиза рекламы: мифы и реальность // Российская школа связей с общественностью. 2015. № 6. С. 138-148.
6. Терских М.В. Цена слова в рекламе: «опасные» частицы // Речевая коммуникация в

- современной России: материалы 3 Международной конференции: в 2 т. / под ред. О.С. Иссерс. Омск, 2013. С. 493-498.
7. *Кара-Мурза Е.С.* Проблемы лингвистической экспертизы произведений коммерческой рекламы // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований.* 2016. Т. 12. № 3. С. 351-388.
  8. *Балахонская Л.В., Быков И.А.* Права человека и язык рекламных текстов в современной России // *Философия права.* 2011. № 4 (47). С. 42-47.
  9. *Копнина Г.А.* Лингвистическая экспертиза спорных рекламных текстов: российская практика // *Экология языка и коммуникативная практика.* 2015. № 2 (5). С. 121-142.
  10. *Надеждина О.Е.* Лингвистическая экспертиза рекламных текстов // *Актуальные проблемы российского права.* 2010. № 2. С. 453-458.
  11. *Амири Л.П.* Текстовые деликты, или «шоковые» способы воздействия на потребителя в креолизованных рекламных текстах // *Медиаскоп.* 2013. № 2. С. 10. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1304>.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Омской области в рамках научного проекта № 18-412-550001.

Поступила в редакцию 11.07.2018 г.
Отрецензирована 24.08.2018 г.
Принята в печать 26.09.2018 г.
Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Терских Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация. E-mail: terskihm@mail.ru

Быкова Екатерина Олеговна, магистрант по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью: современные медиатехнологии». Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация. E-mail: katerinafromomsk@gmail.com

Для корреспонденции: Терских М.В., e-mail: terskihm@mail.ru

Для цитирования

Терских М.В., Быкова Е.О. Рекламные тексты как объект лингвистической экспертизы // *Неофилология.* 2018. Т. 4, № 16. С. 5-14. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-5-14.

ADVERTISING TEXTS AS A LINGUISTIC EXPERTISE OBJECT

Marina Victorovna TERSKIKH, Ekaterina Olegovna BYKOVA

Dostoevsky Omsk State University
55-A Ave. Mira, Omsk 644077, Russian Federation
E-mail: terskihm@mail.ru

Abstract. We show linguistic expertise of controversial advertising texts as current but not enough developed direction in the Russian linguistic expertology. Linguistic violations classification in the sphere of regional advertising practice, linguistic expertise modern methods and problem aspects of this activity are shown. The issue of making stylistic norms easier and its liberation in advertising communication, linguistic game as a source of provocative advertisement is in the centre of attention. According to the experience of regional practice of linguistic expertise of controversial advertising texts we find ways of indecent overtone formation. Moreover there are advertising messages basing on linguistic discrimination of users who do not use the product. It is also noticed that one of the modern channels broadcasting discredit information are social networks, which became promotion platform for unreliable information, that discredit business reputation of the company or its product; as an example we use “fake” advertising company of 2018 in social network Vkontakte. Materials for the research are mostly regional (Omsk) outdoor and Internet advertising projects (50 texts are analyzed). As basic we use analysis methods such as contextual, semantic, semantic and stylistic, communicative and pragmatic.

Keywords: commercial advertising; advertising text; linguistic expertise; inappropriate advertising

References

1. Amiri L.P. K voprosu o lingvisticheskoy ekspertize tekstov v reklamnoy kommunikatsii [The linguistic expertise exhibited by advertising texts]. *V mire nauchnykh otkrytiy – In the World of Scientific Discoveries*, 2011, no. 4-1, pp. 611-618. (In Russian).
2. Kara-Murza E.S. Lingvisticheskaya ekspertiza reklamnykh tekstov [Linguistic expertise of advertising texts]. In: Volodina M.N. (ed.). *Yazyk sredstv massovoy informatsii [Mass Media Language]*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Alma Mater Publ., 2008, pp. 624-633. (In Russian).
3. Chubina E.A. Kreativnost' i zakon. Reklamnyy tekst kak ob"ekt sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy [Creativity and law. Advertising text as an object of forensic linguistic expertise]. *Kreativ v kommunikatsiyakh: teoriya i praktika [Creativity in communication theory and practice]*. Moscow, 2014, pp. 191-200. (In Russian).
4. Chubina E.A. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy reklamy [Current status and prospects of forensic examination of language of advertising]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2013, no. 4-2, pp. 408-414. (In Russian).
5. Chubina E.A. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza reklamy: mify i real'nost' [Forensic linguistic expertise of advertising: myths and realities]. *Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennost'yu [Russian School on Public Relations]*, 2015, no. 6, pp. 138-148. (In Russian).
6. Terskikh M.V. Tsena slova v reklame: «opasnye» chastitsy [The word price in advertising: “dangerous” particles]. In: Issers. O. (ed.). *Materialy 3 Mezhdunarodnoy konferentsii «Rechevaya kommunikatsiya v sovremennoy Rossii»: v 2 t. [Proceedings of the 3rd International Conference “Speech Communication in the Modern Russia”: in 2 vols.]*. Omsk, 2013, pp. 493-498. (In Russian).
7. Kara-Murza E.S. Problemy lingvisticheskoy ekspertizy proizvedeniy kommercheskoy reklamy [Problems of linguistic expertise of commercial advertisement]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy – Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 2016, vol. 12, no. 3, pp. 351-388. (In Russian).
8. Balakhonskaya L.V., Bykov I.A. Prava cheloveka i yazyk reklamnykh tekstov v sovremennoy Rossii [The human rights and the language of advertising texts in the Modern Russia]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*, 2011, no. 4 (47), pp. 42-47. (In Russian).

9. Koptina G.A. Lingvisticheskaya ekspertiza spornykh reklamnykh tekstov: rossiyskaya praktika [Linguistic examination of the controversial advertizing texts: Russian practice]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of language and communicative practice*, 2015, no. 2 (5), pp. 121-142. (In Russian).
10. Nadezhkina O.E. Lingvisticheskaya ekspertiza reklamnykh tekstov [Linguistic expertise of advertising texts]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*, 2010, no. 2, pp. 453-458. (In Russian).
11. Amiri L.P. Tekstovye delikty, ili «shokovye» sposoby vozdeystviya na potrebitelya v kreolizovannykh reklamnykh tekstakh [Textual delicts, or “shock” means of impact on the consumer in creolized advertising texts]. *Mediascope – Mediascope*, 2013, no. 2, p. 10. (In Russian). Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1304>.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research is fulfilled under financial support of Russian Foundation for Basic Research and Government of the Omsk Region according to the research project no. 18-412-550001.

Received 11 July 2018

Reviewed 24 August 2018

Accepted for press 26 September 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Terskih Marina Victorovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation. E-mail: terskihm@mail.ru
Bykova Ekaterina Olegovna, Master's Degree Student in “Advertising and Public Relations: Modern Media Technologies” Programme. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation. E-mail: katerinafromomsk@gmail.com
For correspondence: Terskih M.V., e-mail: terskihm@mail.ru

For citation

Terskih M.V., Bykova E.O. Reklamnye teksty kak ob"ekt lingvisticheskoy ekspertizy [Advertising texts as a linguistic expertise object]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 5-14. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-5-14. (In Russian, Abstr. in Engl.).

DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-15-19
УДК 81-2

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА 'ЖҮРЕК' (на материале произведений М. Жолдасбекова)

Урзада Абилкасимовна МУСАБЕКОВА, Фарида Балабековна КУЛЬТУРСЫНОВА

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
010008, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Мирзояна, 2
E-mail: mussabekovaua@jandex.kz

Аннотация. Выявлена специфика лингвокультурного концепта языковой вербализации 'ЖҮРЕК' (сердце) в казахской языковой картине мира на примере публицистических и художественных произведений М. Жолдасбекова. Интерес к этим изданиям достаточно высок: на их страницах дается оценка многих событий, свидетелями которых оказалось человечество и после прочтения которых вынуждено взглянуть на произошедшие события тех лет свежим взглядом. Вместе с тем, учитывая особый, индивидуальный стиль написания, нельзя было не попытаться осмыслить образность и эстетические отношения писателя к содержанию собственного текста, а также выделить осмысление базовых концептов казахской ментальности, в частности, концепта 'ЖҮРЕК' (сердце). Предметом данного исследования является концепт 'ЖҮРЕК' (сердце) в казахской языковой картине мира. Исследование определяется необходимостью лингвокогнитивного осмысления содержания концепта 'ЖҮРЕК' (сердце), выявлению особенностей функционирования концепта. Являясь базовым составляющим личности человека в сознании носителей казахского языка, концепт внутреннего мира значим для казахоязычного социума.

Ключевые слова: лингвокультурология; мифология; концептосферы; картина мира; национальная культура; метафоры

Идея концептуального исследования появилась давно. К одним из первых следует отнести работу Яски (автора труда, посвященного ассоциативным рядам слов, употребляемых в Ригведе). Мысль о том, что язык является главной деятельностью человеческого духа, пронизывающая собой все сферы человеческого бытия и познания, прослеживается в работах В. фон Гумбольдта [1]. Именно язык является зеркалом культуры, в котором отображаются все имевшие место представления (мифологические, религиозные, культурные) народа о мире, в котором он живет. С момента рождения человека на формирование его менталитета влияет народная мифология, фольклор, язык, философия всего народа, идеология, традиции и обычаи, то есть вся та система ценностей, которая объединяет людей в единую нацию. Поэтому лингвокультурные исследования национальной картины мира призваны выявить характерные черты языка и культуры казахов. В течение всей своей истории каждый народ накапливает устойчивые и воспроизводимые у следующих поколений образы мира, которые прослеживаются в обы-

чаях, традициях, фольклоре, стереотипах поведения представителей нации. Подобные структурные элементы, категоризирующие знания об окружающем мире, формируют национальную картину мира, определяющую универсальное видение реальной действительности всеми членами конкретной этноязыковой общности. Характер хозяйственной деятельности, географические особенности местожительства, природные и климатические условия, традиционный общественный уклад проецируются на повседневную жизнь, находя отражение в языковых единицах, интегрирующих и наслаивающих опыт многих сменяющих друг друга поколений людей. Хозяйственно-культурный тип, по словам Н.Ж. Шаймерденовой и Р.А. Аваковой, – это способ, с помощью которого народы приспосабливаются к природным условиям жизни в тропических лесах, арктической тундре и т. д. [2]. Авторские картины мира объединяет с языковой картиной мира то, что писатели используют традиционный, общепринятый языковой фонд, вводя в него свои собственные метафоры. При этом выбор тех или иных метафор обусловлен индивидуальным

мировидением автора. Писатели и поэты привносят свое осмысление общепризнанных и обыденных явлений человеческой культуры. Образ автора является центральной категорией филологического анализа художественного текста. По мнению В.В. Виноградова, образ автора – это центр художественно-речевого мира, обнаруживающий эстетические отношения автора к содержанию собственного текста [3]. Трансформированный в современной научной парадигме, он представляется как индивидуально-авторская картина мира и выражает суть художественного произведения, объединяет его формальные и содержательные особенности в неразрывное единство. Картина мира конкретного автора есть «субъективный образ объективного мира». Это образ мира, сконструированный сквозь призму сознания и языка писателя, результат его духовной активности [4]. На способность сердца реагировать на различные эмоциональные переживания обратили внимание уже давно, это и послужило логической предпосылкой для создания различных лексических образов, передающих соответствующие значения. Источником всех способностей и проявлений души человека, не только эмоциональных, но и интеллектуальных, считалось сердце [5–7]. А. Кунанбаев (Абай) первым в истории казахской философии изложил концептуальное видение сущности зрелой личности. По А. Кунанбаеву (Абаю), зрелой личностью человека делают три качества: разум, сердце и воля. Однако следует отметить, что в казахской лингвокультуре прежде сосредоточием чувств являлась печень. Сердце же в основном употреблялось в значении, близком к слову «мужественность». По замечанию А. Шарипа, великий гуманист А. Кунанбаев (Абай) наделил *жүрек* (сердце) всеми функциями, выполнявшимися прежде печенью [8]. Неслучайно в первых опубликованных толковых словарях понятийные признаки лексемы *жүрек* даны в меньшем количестве. Со временем понятийные признаки расширились, наполнялись новым внутренним содержанием. Понятийный слой концепта ‘ЖҮРЕК’ (сердце) определяет ценностные составляющие данного концепта для казахской языковой культуры, он представлен пословицами,

поговорками, фразеологизмами, в структуре которых есть лексема *жүрек* (сердце).

В творчестве М. Жолдасбекова концепт ‘ЖҮРЕК’ (сердце) реализуется в значениях, традиционных для казахской культуры, поскольку он представляет собой один из важнейших элементов концептосферы казахского языка. Это такие значения, как в следующих примерах.

1. Көкірек қуысының сол жағына орныққан бойға қан жүргізуші негізгі мүше: Өлеңді оқып болған соң: – Осы күні жүрек дейтін пәле шықты, мазалап жүр, – деп алып, жүрегін алақанымен уқалағаны әлі күнге көз алдымда (Жолдасбеков М. Жүздесу).

2. Иманның турағы: Адам бойындағы барша қасиет жүрек арқылы өтеді (Жолдасбеков М. Тәуелсіздік тағылымы).

3. Ой кісінің көңіл-күйінің рухани сезімдерінің бейнесі. Мен өз елінен шетқақпай көріп, жүрегіне өшпестей жара түскен асыл ағаның көңілін аулау үшін оны Қазақстанға шақырдым (Жолдасбеков М. Кісілік кітабы).

4. Бел боларлық, сүйікті орталық қорған, тірек. Астана – қазақ елінің лүпілдеп соғып тұрған жүрегі, тәуелсіздік тәбәрігі (Жолдасбеков М. Тәуелсіздік тағылымы). Елбасының киелі тағы – табанын тіреп Отан алдында ант бере алатын, сөзінде тұратын, елін мұратына жеткізетін және мұратқа жеткізудің жолдарын қапысыз меңгерген, халқының бақытына туған, қалың елдің тірегі, білегі, жүрегі бола алатын, елім-жұртым деп көкірегі қарыс айырылатын біртуар Азаматқа ғана бұйыратын орын (Жолдасбеков М. Тәуелсіздік тағылымы).

5. Қайнар көзі, тірегі: ...Халқым – менің тірегім, Құрбан жаным, жүрегім!.. (Жолдасбеков М. Тәуелсіздік тағылымы).

6. Көңіл: Осы күні Естайша, Біржан мен Ақанша, Әсет пен Кененше, Жүсіпбек пен Манарбекше кестелеп, сөзі мен әуені біте қайнасып, жүректі тербейтін, адамның миын тынықтыратын, демалыс сыйлайтын әндерді сағынатын болдық (Жолдасбеков М. Шіркін, дәурен).

Таким образом, в произведениях М. Жолдасбекова репрезентируются следующие признаки концепта ‘ЖҮРЕК’: *витальные*: ‘человек’, ‘чистота’, ‘жизнь’, ‘смерть’, ‘молодость’, ‘старость’, ‘младенчество’, ‘плач’,

'говорящее существо', 'обида', 'локализация', 'память', 'мужество'; *дом*: 'тепло', 'уют'; *стихия*: 'огонь', 'камень', 'землетрясение', 'земля' ('почва'); *вещество*: 'слеза', 'кровь', 'горючее вещество'; *свет*: 'светильник', 'звезда'; *артефакт*: 'сосуд', 'нить', 'сосуд для кипячения', 'зеркало', 'механизм'; *пища*: 'хлеб' ('мягкость'); *вместилище чувств*: 'эталон истины'; *антропоморфные признаки*: 'тело', 'опора', 'стержень'. Индивидуальная картина мира М. Жолдасбекова обозначена понятийными признаками, зафиксированными в толковых словарях. Следует отметить, что понятийные признаки менялись с течением времени, концепт обрстал новыми признаками. Наряду с вышеуказанными признаками в ходе анализа произведений выделен ряд метафор, которые репрезентируют именно авторское видение концепта 'ЖҮРЕК' (сердце). В качестве примера можно привести следующие признаки: 'мужество', 'сосуд', 'пища', 'механизм'.

Следовательно, все вышеперечисленные образные признаки, входящие в структуру концепта 'ЖҮРЕК' (сердце), свидетельствуют о его сложной организации и объемном содержании. Человек, познавая окружающий мир, сопоставляет и соизмеряет его в своем сознании. Проведенное исследование имеет свои перспективы: исследование концепта 'ЖҮРЕК' (сердце) в других произведениях автора, а также исследование других базовых

концептов казахской ментальности, таких как: 'АР' (совесть), 'АҚЫЛ' (ум), 'РУХ' (дух), 'ЖАН' (душа).

Список литературы

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 324 с.
2. Шаймерденова Н.Ж., Авакова Р.А. Язык и этнос. Алматы: Қазақ университеті, 2004. 248 с.
3. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Наука, 1971. 413 с.
4. Жанайдаров О. Мифы древнего Казахстана. Алматы: Аруана, 2006. 252 с.
5. Пименова М.В. Концепт *надежда* в русской языковой картине мира // Человек и его язык: к 75-летию проф. В.П. Неделкова / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2003. Вып. 4. С. 47-66.
6. Карасик В.И. Культурные концепты: проблема ценностей // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Парадигма, 1996. С. 3-16.
7. Урысон Е.В. Проблема исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
8. Шарип А. Алтын арқау: ғылыми – танымдық мақалалар. Алматы: Арыс баспасы, 2009. 128 б.

Поступила в редакцию 27.08.2018 г.

Отрецензирована 28.09.2018 г.

Принята в печать 24.10.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Мусабекова Урзада Абилкасимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркологии. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан. E-mail: mussabekovaua@jandex.kz

Культурсынова Фарида Балабековна, старший преподаватель кафедры русской филологии. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан. E-mail: mussabekovaua@jandex.kz

Для корреспонденции: Мусабекова У.А., e-mail: mussabekovaua@jandex.kz

Для цитирования

Мусабекова У.А., Культурсынова Ф.Б. Национально-культурная специфика репрезентации концепта 'ЖҮРЕК' (на материале произведений М. Жолдасбекова) // Неофилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 15-19. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-15-19.

**NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS OF REPRESENTATION
OF THE CONCEPT 'HEART'
(on materials of M. Joldasbekov's works)**

Urzada Abilkasimovna MUSABEKOVA, Farida Balabekovna KULTURSYNOVA

L.N. Gumilyov Eurasian National University
2 Mirzoyan St., Astana 010008, the Republic of Kazakhstan
E-mail: mussabekovaua@jandex.kz

Abstract. We reveal the specificity of the linguocultural aspect of language verbalization of the concept 'HEART' in the Kazakh language worldview on the example of M. Joldasbekov's publicistic and artistic works. The interest in these publications is quite high: they give an assessment of many events that humanity witnessed, and reading forces to take a fresh look at the events of those years. At the same time, taking into account the special, individual style of writing, it is impossible not to try to comprehend the imagery and aesthetic relations of the writer to the content of his own text, as well as to highlight comprehension of basic concepts of the Kazakh mentality, in particular the concept of 'HEART'. The source of this research is the concept 'HEART' in the Kazakh language worldview. The research is determined by the necessity for linguistic and cognitive understanding of the content 'HEART', revealing the features of the concept functioning. Being the basic component of a personality in the minds of native speakers of the Kazakh language, the concept of the inner world is significant for the Kazakh-speaking society.

Keywords: linguoculturology; mythology; conceptospheres; worldview; national culture; metaphors

References

1. Gumboldt W. von. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1984, 324 p. (In Russian).
2. Shaymerdenova N.Z., Avakova R.A. *Yazyk i etnos* [Language and Ethnos]. Almaty, Kazak univesiteti Publ., 2004, 248 p. (In Russian).
3. Vinogradov V.V. *O teorii khudozhestvennoy rechi* [On the Theory of Imaginative Speech]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 413 p. (In Russian).
4. Zhanaydarov O. *Mify drevnego Kazakhstana* [Myths of Ancient Kazakhstan]. Almaty, Aruana Publ., 2006, 252 p.
5. Pimenova M.V. Kontsept nadezhda v russkoy yazykovoy kartine mira [Concept hope in Russian linguistic world-view]. *Chelovek i ego yazyk: k 75-letiyu prof. V.P. Nedyalkova* [Human and His Language: to the 75th Anniversary of Professor V.P. Nedyalkov]. Kemerovo, Institution of Further Training "Grafika", 2003, no. 4, pp. 47-66. (In Russian).
6. Karasik V.I. Kul'turnye kontsepty: problema tsennostey [Cultural concepts: value issue]. *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty* [Linguistic Persona: Cultural Concepts]. Volgograd, Paradigma Publ., 1996, pp. 3-16. (In Russian).
7. Uryson E.V. *Problema issledovaniya yazykovoy kartiny mira: analogiya v semantike* [Issue of Worldview Study: Analogies in the Semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003, 224 p. (In Russian).
8. S'a'rip A. *Altyn arqay': g'ylymi' – tanyndyq maqalalar*. Almaty, Arys baspasy, 2009, 128 p. (In Kazakh).

Received 27 August 2018

Reviewed 28 September 2018

Accepted for press 24 October 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Musabekova Urzada Abilkasimovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Turkology Department. L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan. E-mail: mussabekovaua@jandex.kz

Kultursynova Farida Balabekovna, Senior Lecturer of Russian Philology Department. L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan. E-mail: mussabekovaua@jandex.kz

For correspondence: Musabekova U.A., e-mail: mussabekovaua@jandex.kz

For citation

Musabekova U.A., Kultursynova F.B. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika reprezentatsii kontsepta ‘ZHYREK’ (na materiale proizvedeniy M. Zholdasbekova) [National and cultural specifics of representation of the concept ‘HEART’ (on materials of M. Joldasbekov’s works)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 15-19. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-15-19. (In Russian, Abstr. In Engl.).

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
(на материалах Тамбовской области)****Ольга Николаевна АНДРЕЕВА**ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1

E-mail: olga06-78@mail.ru

Аннотация. Особое внимание уделено рассмотрению объективной и концептуальной сторон репрезентации языковой картины мира в этнолингвистических текстах. Язык как основной канал передачи информации, как информативный знаковый эквивалент бытия предназначен, прежде всего, для передачи смыслов культуры, для описания ее пространства. Вербализация сущности культурных явлений неотделима от попыток построения языковой картины мира, которая исходит из онтологической, так называемой «общей» картины мира. Языковая картина мира, аккумулируя духовные и материальные составляющие той или иной культуры, ярче всего проявляется в этнолингвистических текстах, так называемых «текстах культуры» – обрядах, обрядовых действиях, ритуалах, календарных праздниках и т. п. Обряд, ритуал, календарный праздник – это своего рода акциональное воплощение духовных оснований бытия, это сакральное действие человека на земле в целях воплощения духовной идеи. На примере молебна о ниспослании дождя, зафиксированного нами на территории Тамбовской области, были проанализированы семантико-семиотические компоненты обрядового текста, показаны материальные и духовные составляющие передачи смыслов данного явления культуры. Описана акциональная сторона молебна о дожде с позиций лексико-семантических констант объективной стороны языковой картины мира. Проведен анализ духовной составляющей указанного обряда с позиций концептуальной стороны языковой картины мира.

Ключевые слова: культура; языковая картина мира; обряд; акциональные составляющие; онтология; этнолингвистические тексты; Тамбовская область; молебен

Язык как важнейшее средство человеческого общения, как способ и форма передачи мысли, ее воплощения и знаковой закреплённости неоднозначно проявляется в культуре, культурной традиции народа. Культуру следует рассматривать как явление семиотического плана, как систему шифрования, кодирования и передачи в социальной среде смыслов определенных явлений и процессов. Культура как явление и процесс может пониматься неоднозначно в силу базисных аспектов своего проявления: явления и процессы могут рассматриваться как в материальном, так и в духовном планах. Неверной будет являться трактовка однозначности проявления культурных планов (материального или духовного), так как должны учитываться взаимосвязь и взаимозаменяемость культурных пластов. В практической деятельности человека материальный и духовный аспекты культуры проявляются как единое целое, взаимосвязанное явление, это своего рода

единая система ценностей, взглядов, мировоззрений, мироощущений.

Материальный аспект культуры может быть выражен, в частности, в акциональной составляющей, то есть в любом действии, сделанном человеком. Онтологически материальная культура имеет более глубокие основания, так как любое действие вытекает из потребности, желания, пожелания, то есть семиотического рычага извне. Внутреннее желание что-то сделать, обусловленное многочисленными факторами внешней среды, выходит в конкретное материальное действие (действие). Духовная составляющая – это основа так называемой онтологической картины бытия. Материальная и духовная сферы жизни человека связаны между собой по определенным каналам – вербальным и невербальным. Язык как основной канал передачи информации, как информативный знаковый эквивалент бытия предназначен, прежде всего, для передачи смыслов культуры, для опи-

сания ее пространства. Вербализация сущности культурных явлений неотделима от попыток построения языковой картины мира, которая исходит из онтологической, так называемой «общей» картины мира. По мнению исследователя Е Линь, «ядром общей картины мира является языковая картина мира, которая имеет две стороны – объективную и концептуальную. Объективная картина мира материализуется в лексико-семантической структуре языка, концептуальная – в системе концептов, приобретающих форму» [1, с. 20]. Язык, таким образом, непосредственно репрезентирует картину мира, описывает ее, позволяет создавать условия для взаимодействия и взаимопроникновения ее элементов [2, с. 123]. Основой существования языковой картины мира являются онтологические составляющие, так называемые элементы бытия, элементы духовной и материальной культуры, создающие общую картину мира, которая строится на базовых составляющих культуры как семантического основания бытия [3, с. 23-24; 4, с. 58].

Языковая картина мира, аккумулируя духовные и материальные составляющие той или иной культуры, ярче всего проявляется в этнолингвистических текстах, так называемых «текстах культуры» – обрядах, обрядовых действиях, ритуалах, календарных праздниках и т. п. Обряд, ритуал, календарный праздник – это своего рода акциональное воплощение духовных оснований бытия, это сакральное действие человека на земле в целях воплощения духовной идеи, может быть рассмотрено как функционирование символа независимо от какого-либо сходства со своим объектом [5, с. 93].

Одним из важнейших обрядовых комплексов был молебен. Под молебном понимают «церковное богослужение, содержание которого составляет моление, обращенное к Богу, Богородице или святым. Молебен совершался для прославления Бога и святых, для испрошения их помощи в нуждах, для благодарения за помощь. По содержанию молебен является сокращением утрени» [6, с. 337-338]. Одни молебны могли совершаться по обету в память об освобождении от какого-либо бедствия, целью которых было благодарение Бога за милость, они могли со-

вершаться в поле. Во время этих молебнов каждый из хозяев клал колос со своей половицы, приговаривая: «Благослови, Христос» [6, с. 215]. Другие молебны, направленные на испрошение помощи Бога и святых в нуждах, требуют более детального рассмотрения их семантико-семиотической структуры, что позволит правильно проанализировать значение обрядового комплекса.

Действия, направленные на вызывание дождя, относятся к обрядам окказионального типа, поскольку совершались по необходимости и не имели постоянного темпорального закрепления. Этот факт позволяет рассматривать молебны как действия непрерывные, как процесс, обуславливающий взаимовлияние и взаимодополнение компонентов структуры. Молебном такого порядка является моление о ниспослании дождя, приуроченное к Ильину дню, которое, тем не менее, проводится весь летний сезон практически на всех территориях России в дни Господских и Богородичных праздников, а также в дни, связанные с почитанием святых ангелов, апостолов, пророков, великих святителей, мучеников и других святых [7, с. 191; 8, с. 121]. Молебствование нецерковное (обход полей с иконами и проведение молений на полях, у родников) – преобладающий тип обрядов во второй половине XIX – начале XX века, хотя в России в Ильин день совершались также молебны и в часовнях, посвященных Илье.

Так называемые «народные молебны», характерные также и для первой половины XX века, проводились и на территории Тамбовской области. Используемый в статье полевой материал был собран автором во время экспедиций на территории Тамбовской области в 2000–2005 гг.

[Када бываить засуха, ходять молебствовать. Мы (я вот девчонкой была) по ночам ходили, молилися, просили, и по полям хадили и там, иде кто-то пагибал, кого убили – по тем местам. Батюшка не ходил. Соберемся (наш порядок), со старшими ходили, панихитку атслужим. Остановимся и поем: «Даждь дождь, земле жажду, а душе спасе». Просили и Илью-пророка и, бывало, по мощицу нашу Божью Матерь и Спасителя. Иконы брали, какие у кого есть. Илью-пророка тоже просили, чтоб Илья-пророк дал нам дождя, и помоги, и спаси] (Филатова А.И.,

1929 г. р., с. Рождественское, Рассказовский р-н Тамбовской обл.).

[У мене мама хадила молебствовать, она служила. Собирались, манашика у нас была, она охотная, без батюшки ходили, по деревне. Они боялися все как-то, старенькие были. Хадили фсю ночь, станет рассветать немножко, и они приходять. Молитвы читали: «Отче наш...», «Богородицу», «Святый Боже...». На Ильин день тожа хадили, по сваей ахоте] (Руднева А.И., 1920 г. р., с. Саюкино, Рассказовский р-н Тамбовской обл.).

[Молебен заказываем, батюшка читать, ходим по полю, потом где-нибудь остановимся, там и молитвы читаем, и молимся: «Илья-пророк, моли Бога, шоб дождик пошел, помоги нам, грешным!»] (Осипова М.Ф., 1925 г. р., с. Ивановка, Сампурский р-н Тамбовской обл.).

[Седня, дождей нет. Все утром идуть в церкву рано, обедню отслужать и собираются кресным ходом. Иконы спяцально, какие есть, бяруть их, кресты и маленые иконцы. И молятся на поле. Батюшка – во главе, все пели, молились. Отслужать – дождь поидеть. Засуха такая была, я вспоминаю, так все выходили молиться. Приборы бяруть] (Постникова А.К., 1920 г. р., с. Яблонька, Знаменский р-н Тамбовской обл.).

[Када нет дождя, идем в поле. А народу с иконами идеть много, иконы разные. На перекрестках всегда служат] (Чурилова В.И., 1928 г. р., с. Кулябовка, Мучкапский р-н Тамбовской обл.).

[Вот когда дождя нет, бабки ходили к реке или в лощину, просили дождя, прям на речку с крестным ходом, поп был свой. Собирались бабки] (Гавричкина З.Д., 1934 г. р., с. Черняевка, Мордовский р-н Тамбовской обл.).

[Дождь. Мы просим Господа о дожде. Служим молебен: «Даждь нам, Господи, дождь». Как остановимся, просим Господа. Ходим по полю, игде трава. Остановимся, читаем молебну (акафист), Илье-пророку. Там много икон: Матерь Божия, Спаситель, святой апостол, крест, Илья-пророк (если у кого какие есть иконы, такие и бяруть). Читаем акафист Илье-пророку, дальше идем и говорим: «Даждь дождь, Господи, земле жаждуцей, Спасе!» Можно акафист и Спасителю, и Матери Божией читать. К

ночи ходим, как зьяруца с коровами, часам к 11 уже заканчиваем. Ана бы и днем ня плохо. Раньше с батюшкой и днем ходили, в любой день] (Маторина А.В., 1927 г. р., с. Анновка, Сампурский р-н Тамбовской обл.).

[Можно сказать, без корот служили. Ходили по полю, повозка ехала с водой, всех детей вели, иконы подымали, как кажуть] (Каширина М.М., 1928 г. р., с. Шульгино, Мордовский р-н Тамбовской обл.).

[Хадили с иконами по улицам, нясут иконы и моляца, просят Илью: «Помоги нам, дай дождя». Какие брали бывало иконы – кто какие выносил из дома, такие и нясли] (Хадаева А.А., 1937 г. р., с. Саюкино, Рассказовский р-н Тамбовской обл.).

Молебен о ниспослании дождя – особый вид моления, обращения людей к Богу, святым; в самом молении шифруются (кодируются) глобальные смыслы, выражающиеся в знаковой форме. Само прошение направлено на утоление жажды (жажды телесной и духовной); просят воды как символа жизни, орошения как продолжения рода.

В середине XIX века молебствование о дожде в основном проходило в следующей форме: обычно по решению сельского схода староста договаривался со священником о молебне в церкви, устройении крестного хода вокруг полей и водосвятии. Испрошение дождя как Божьей милости могло происходить в несколько этапов в течение от одного до трех дней, при этом менялось место молебна: сначала в церкви, позднее на деревенской улице, поле, у местных родников и уже потом в крестьянских домах. Участниками обряда, как правило, были все жители деревни, но в некоторых губерниях иногда практиковались отдельные по полу и возрасту молебствования. Так, в Калужской губернии известен случай проведения четырех в разные дни молебств от засухи при участии:

- 1) женщин;
- 2) мужчин;
- 3) девушек и парней;
- 4) всех жителей.

Обычно этот обряд проводился так: впереди крестного хода шли священник со старостой. Во время шествия по деревне с иконами все дети, а также взрослые, страдающие какой-либо болезнью, проходили под иконами для получения здоровья как Божьей Бла-

годати. Во время молебна, проводившегося обычно на поле, ставились столы, один или несколько, которые покрывались скатертью, на них раскладывались караваи хлеба, иногда чаши с семенами зерновых, а также ведро с водой. Молебен проходил при зажженных восковых свечах, молились на коленях. После молебна с водосвятием священник кропил поле водой. Если вблизи поля были родники, то молебны проводились около них.

В структуру молебна иногда включались ритуальные компоненты (в южнорусских губерниях): после молебна принято было обливать священника водой на поле или деревенской улице. Иногда для этого женщины, которые проводили эти действия, приходили в дом священника с тем, чтобы облить его водой [6, с. 96].

Следует отметить, что только на территории Тамбовской области одним из распространенных обрядов на Ильин день являлся обряд «обливания водой» («обливушки»). [*На Ильин день обливаются с ног до головы. Вот идешь, а тебя ребята как обольют, все смеются*] (Троянова К.А., 1934 г. р., с. Никольское, Знаменский р-н Тамбовской области). [*На Ильин день водой обливались, ничего не признают, они прямо из колодца – кто кружкой, кто ведром обольют, кто и нарядный, кто и в обычной одежде*] (Налетова Е.К., 1915 г. р., с. Бурнак, Жердевский р-н Тамбовской области) [9, с. 7].

Семантику этих ритуальных компонентов нужно видеть в столкновении двух стихий – официального православия и народного христианства. Русская православная церковь во многих случаях шла вслед за народным христианством, поддерживая его. Обливание священника или «куклы» водой как разновидность «обливушек», которые в Купальском обряде считались очистительными, символизирует приобщение официальной церкви к народнохристианским обрядам.

Особо значимыми были молебны, проводившиеся на Ильин день. После этого дня нередко в течение недели крестьяне продолжали свои моления от засухи [7, с. 194]. Во время молебнов Ильина дня приглашали священника «провеличить Илию на плодородие хлеба» [10, с. 310]. У македонцев было принято ходить с процессией и молиться о летнем дожде в Юрьев и Ильин день.

Молебен о ниспослании дождя в семантико-семиотическом плане – одно из проявлений развития христианства в его древней форме. Богослужение, совершаемое во время молебна, есть прообраз молений восточных славян о небесных силах природы, которые проходили обычно на открытой местности – на полях, около рек и родников, в лесах.

Молебны окказионального типа как действия непрерывные, как процесс, обуславливающий взаимовлияние и взаимодополнение компонентов культуры, репрезентируют объективную и концептуальную стороны языковой картины мира, материальные и духовные составляющие передачи смыслов данного явления.

Список литературы

1. *Е Линь*. Синонимические ряды с заимствованными словами в русском языке // Неофилология. 2018. Т. 4. № 15. С. 17-24. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-15-17-24.
2. *Никитина Е.С.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 189 с.
3. *Андреева О.Н.* Онтологические и семантические составляющие культурно-языковой картины мира восточных славян (на примере обрядовых комплексов с сакрально-семантическим компонентом «вода») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-1 (24). С. 23-26.
4. *Булгакова О.А.* К вопросу о взаимосвязи языка и культуры // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвуз. сб. науч. тр.: в 3 ч. / отв. ред. Е.В. Рябцева. Тамбов: Изд-во «Грамота», 2007. Ч. 2. С. 57-59.
5. *Пирс Ч.* Начала прагматизма: в 2 т. / пер. с англ., предисл. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. филос. фак-та СПбГУ; Алетейя, 2000. Т. 1. 352 с.
6. Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. О.Г. Баранова, Т.А. Зиминая, Е.Л. Мадлевская, А.Б. Островский, Н.Н. Соснина, В.Г. Холодная. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 672 с.
7. *Кузнецов С.В.* Религиозно-этические взгляды крестьян на землю и труд // Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 1999. С. 189-197.
8. *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М.: Паломникъ, 2000. 541 с.

-
-
9. Андреева О.Н. Обрядовый комплекс как текст в аспекте семиотического анализа (на материалах Тамбовской области) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 1. С. 5-8.
10. Коринфский А.А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Смоленск: Русич, 1995. 656 с.
- Поступила в редакцию 21.08.2018 г.
Отрецензирована 17.09.2018 г.
Принята в печать 24.10.2018 г.

Информация об авторе

Андреева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и гуманитарных дисциплин. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Тамбовский филиал, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: olga06-78@mail.ru

Для цитирования

Андреева О.Н. Репрезентация языковой картины мира в этнолингвистических текстах (на материалах Тамбовской области) // Нефилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 20-25. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-20-25.

DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-20-25

LINGUISTIC WORLDVIEW REPRESENTATION IN THE ETHNOLINGUISTIC TEXTS (on materials of Tambov Region)

Olga Nikolaevna ANDREEVA

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82–1 Vernandskiy Ave., Moscow 119571, Russian Federation
E-mail: olga06-78@mail.ru

Abstract. We consider objective and conceptual representation sides of linguistic worldview in the ethnolinguistic texts. Language as the main channel of information transmission, as an informative sign equivalent of being, is intended primarily to transfer the meanings of culture, to describe its space. Verbalization of the cultural phenomena essence is inseparable from attempts to build a linguistic worldview, which comes from the ontological, so called “general” worldview. Language worldview accumulates spiritual and material components of a culture and is most clearly manifested in ethnolinguistic texts, the so called “cultural texts” – about rites, ritual acts, rituals, calendar holidays, etc. Rite, ritual, calendar holiday is a kind of action, the embodiment of the spiritual basis of existence is a sacred action of men on earth to translate spiritual ideas. On the example of the prayer for rain recorded by us in the Tambov Region, we analyze the semantic and semiotic components of the ritual text, show the material and spiritual components of the transfer of the meanings of this phenomenon of culture. We describe the action side of the prayer for rain from the lexical and semantic constants of the objective side of the language worldview. The analysis of the spiritual part of this rite is from the conceptual side of the language worldview.

Keywords: culture; linguistic worldview; rite; action parts; ontology; ethnolinguistic texts; Tambov Region; prayer

References

1. E Lin. Sinonimicheskiye ryady s zaimstvovannymi slovami v russkom yazyke [Synonymic rows with loanwords in the Russian language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 15, pp. 17-24. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-15-17-24. (In Russian).
2. Nikitina E.S. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral Folk Culture and Language Mind]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 189 p. (In Russian).

3. Andreeva O.N. Ontologicheskie i semanticheskie sostavlyayushchie kul'turno-yazykovoy kartiny mira vostochnykh slavyan (na primere obryadovykh kompleksov s sakral'no-semanticheskim komponentom «voda») [Ontological and semantic constituents of eastern slavs' cultural-language picture of the world (by the example of ritual complexes with sacred-semantic component "water")]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2013, no. 6-1 (24), pp. 23-26. (In Russian).
4. Bulgakova O.A. K voprosu o vzaimosvyazi yazyka i kul'tury [To the issue of language and culture corelation]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. Yazykoznanie i literaturovedenie v sinkhronii i diakhronii: v 3 ch.* [Almanac of Contemporary Science and Education. Language and Literature Studies in the Synchrony and Dyachrony: in 3 parts]. Tambov, Gramota Publ., 2007, part 2, pp. 57-59. (In Russian).
5. Pirs C. *Nachala pragmatizma: v 2 t.* [Origins of Pragmatism: in 2 vols.]. St. Petersburg, Laboratory of Metaphysical Researches of Philosophical Faculty of Saint-Petersburg State University Publ., Aletyya Publ., 2000, vol. 1, 352 p. (In Russian).
6. Baranova O.G., Zimina T.A., Madlevskaya E.L., Ostrovskiy A.B., Sosnina N.N., Kholodnaya V.G. (compilers). *Russkiy prazdnik. Prazdniki i obryady narodnogo zemledel'cheskogo kalendarya. Illyustrirovannaya entsiklopediya* [Russian Festival. Festivals and Ceremonies of Peoples Agricultural Calendar. Illustrative Encyclopaedia]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2002, 672 p. (In Russian).
7. Kuznetsov S.V. Religiozno-eticheskie vzglyady krest'yan na zemlyu i trud [Religious and ethical peasants opinions about the earth and labour]. *Russkie* [Russian People]. Moscow, 1999, pp. 189-197. (In Russian).
8. Gromyko M.M., Buganov A.V. *O vozzreniyakh russkogo naroda* [About Russian People Opinions]. Moscow, Palomnik Publ., 2000, 541 p. (In Russian).
9. Andreeva O.N. Obryadoviy kompleks kak tekst v aspekte semioticheskogo analiza (na materialakh Tambovskoy oblasti) [A ceremonial complex as a text in the aspect of the semiotic analysis (based on the materials of Tambov Region)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2013, no. 1, pp. 5-8. (In Russian).
10. Korinfskiy A.A. *Narodnaya Rus'. Krugliy god skazaniy, poveriy, obychaev i poslovits russkogo naroda* [Russian Folk. Year-Round of Legends, Beliefs, Customs and Proverbs of Russian People]. Smolensk, Rusich Publ., 1995, 656 p. (In Russian).

Received 21 August 2018

Reviewed 17 September 2018

Accepted for press 24 October 2018

Information about the author

Andreeva Olga Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of State Administration and Humanities Department. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Tambov Branch, Tambov, Russian Federation. E-mail: olga06-78@mail.ru

For citation

Andreeva O.N. Reprezentatsiya yazykovoy kartiny mira v etnolingvisticheskikh tekstakh (na materialakh Tambovskoy oblasti) [Linguistic worldview representation in the ethnolinguistic texts (on materials of Tambov Region)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 20-25. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-20-25. (In Russian, Abstr. in Engl.).

**ПЕРИФРАЗА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ О ЛУНЕ:
У. СТИВЕНС «ЛУННЫЙ ПАРАФРАЗ»****Чуньян ДУ**ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: duchunyang92@bk.ru

Аннотация. На материале поэтического текста стихотворения Уоллеса Стивенса «Лунный парафраз» устанавливается, что парафразы имеют номинативный характер, обладают функцией замены, замещения слова «луна», обладают метафоричностью по отношению к заменяемому слову, имеют описательный и иносказательный характер, отличаются уникальной индивидуально-авторской метафоричностью. Обосновывается, что формирование перифрастических образований обеспечивается когнитивными способностями человека, среди которых выделяются такие, как выбор объекта наблюдения, чувственное восприятие, внимание, собственно мыслительные операции. Происходит процесс профилирования, в результате которого фокусируется внимание человека на определенном концептуальном признаке, высвечивающим конкретный участок и формирующим паремическое образование. Появление парафразы тесно связано с отражением нашего восприятия действительности в языке, которое регулируется когнитивными и языковыми механизмами. Парафразы «мать жалости и пафоса», «мать пафоса и сострадания», «мать скорби и сострадания», «мать жалости и грусти» отражают принцип вариативности в толковании ЛУНЫ разными высказываниями, которые, безусловно, отражают субъективное восприятие текста переводчиком. Явление парафразирования в русском языке обуславливает семантическую и формальную структуру описательной конструкции. Предполагается, что можно говорить о сосуществовании единичных авторских парафраз,

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; лексикализация; парафраз; Уоллес Стивенс «Лунный парафраз»

На современном этапе изучения языка ученые подчеркивают, что «членение внешнего мира, осуществляемое с помощью языка, отражается, прежде всего, в лексике. Лексикализация понятия свидетельствует о его особой значимости для данной культуры. Следовательно, лексика языка играет особую роль в формировании языковой картины мира» [1, с. 4].

Лексикализация ярко проявляется в феномене парафразы. Заметим, что в лингвистической литературе до сих пор нет однозначной терминологии: используются термины «парафраз», «парафраз», «парафраз», «парафраз» [2]. Как известно, лингвистический термин «парафраз» (в переводе с греческого означает «окольная речь») являет собой описательную конструкцию (словосочетание, предложение), оборот речи (слово, слова), служащий для замены общепризнанного (общепринятого) наименования. Эта описательная конструкция, будучи высказыванием в виде элементарной единицы, имеет

законченный смысл, обусловленный интенцией говорящего.

Такие признаки, как эквивалентность слову, эмотивная окраска, метафоричность значения, непереводаемость на другие языки, стабильность лексического состава описательной единицы отражают следствие всех основных указанных дифференциальных признаков. Большую роль в формировании поэтического текста играет фразеология в широком понимании этого лингвистического термина по отношению к парафразам [3, с. 6].

По мнению А.Б. Новикова, парафраз понимается как особый тип устойчивых сочетаний [4, с. 5]. Лингвистические издания дают следующее определение: «Парафраз, парафраз – описательное обозначение предмета, понятия, явления, лица, предполагающее не прямое, косвенное именование через подчеркивание, выделение какой-либо стороны, качества, признака, особенностей проявления (или деятельности) объекта описания, существенных, актуальных в данном контексте, ситуации. Подобное описательное

обозначение используется как стилистический прием: в художественной, публицистической, ораторской речи в целях усиления выразительности текста: в аффективной речи (в том числе в речи разговорной) для усиления воздействия высказывания, реплики (в диалоге) на адресата речи; в официально-деловой речи, чтобы избежать прямой номинации, отражающей действительную сущность обозначаемого, или дать его наиболее обобщенное наименование» [5, с. 334].

С помощью перифразы можно описать предмет как по одному признаку (например, *Поднебесье – Китай*), так и по целому ряду, например: *страна красных драконов – Китай* (дракон – могущественный символ Китая, а красный дракон – это символ, которому ежегодно посвящают празднование, во время которого люди катаются на лодках. На востоке станы бытует много интересных рассказов об этом сказочном животном).

Таким образом, отличительными признаками перифразы являются вторичность номинации и заменяемость первичного образа (денотата) новым перифрастическим описанием. В этом случае используются приемы метафоры и метонимии, позволяющие описательным конструкциям моделировать новые высказывания, которые по смыслу опираются на ранее высказанные суждения.

Из этого следует, что интенции говорящего в процессе перифразирования тесно связаны с такими явлениями, как «ассоциации по смежности и «ассоциации по схожести», поскольку описательные конструкции воспринимаются как идентичные и служат они для отнесения их в сознании человека к близким или тождественным понятиям.

Появление перифразы тесно связано с отражением нашего восприятия действительности в языке, которое регулируется когнитивными и языковыми механизмами. Когнитивные механизмы действуют на уровне формирования описательных единиц, понимаемых нами как упорядоченные мыслительные процессы, которые обуславливают семантическую и формальную структуру иносказательного выражения, то есть перифразы, а также отраженные в ней стереотипные представления восприятия и осмысления действительности. Вспомним известное всем «ночное светило» – это ЛУНА.

Формирование перифрастических образований обеспечивается когнитивными способностями человека, среди которых выделяются такие, как выбор объекта наблюдения, чувственное восприятие, внимание, собственно мыслительные операции. Иными словами, происходит процесс профилирования, в результате которого фокусируется внимание человека на определенном концептуальном признаке, в результате чего высвечивается конкретный участок.

Так, слово ПОДНЕБЕСНАЯ восходит к слову НЕБО, которое в культуре Китая имеет особое значение и в наши дни. Оказавшись в столице Китая, можно своими глазами увидеть храм неба в Поднебесной, который входит храмово-монастырский комплекс, построенный еще XV веке. Ежегодно на протяжении почти пяти веков действующий император Поднебесной один раз в году должен был приносить дары небу. Это считалось залогом благополучия и процветания китайской империи.

При выяснении ответа на вопрос, почему Китай называют Поднебесной страной, следует обратиться к работам китайского философа Дун Чжуншу, который «описывает императора Поднебесной, как посредника между небом и человеком. Для Дун Чжуншу император являлся посланником неба на земле, и небо должно было, по его мнению, направлять императора на верный путь. Если правитель Поднебесной допускал ошибки в правлении, небо указывало ему на это, учиня наводнения, землетрясения и другие катаклизмы.

Соответственно, советники во главе с Дун Чжуншу должны были правильно интерпретировать послания неба и объяснять императору, как следует поступить в той или иной ситуации» (blogger-trip.ru/aziya/kitaj/158-pochemu-kitaj-nazyvayut-podnebesnoj-otvet-prost.html).

Ю.В. Рапаева при описании структуры перифразы и ее типов обращает внимание на полисемию термина, «которая связана с его широким использованием в разных областях научного знания (литературоведение, логика, стилистика, риторика, социолингвистика, морфология, музыка), что позволяет рассматривать перифразу не только в рамках лингвистического анализа» [6, с. 90]. Ученый

считает, что «перифразу можно определить как неоднословную вторичную номинацию описательного, преимущественно эмоционально экспрессивного, оценочного характера, представляющую собой семантически неделимое выражение, косвенно указывающее на существенные, отличительные либо субъективно выделенные носителем языка признаки (признак) обозначаемого объекта или явления действительности» [6, с. 90].

Безусловно, в русском языке преобладают неоднословные вторичные номинации описательного характера. Однако перифраза может быть и однословной с вторичной номинацией. В этом случае возникает синонимическая перифраза, или «синонимы-замены». Ср.: *Китай – Поднебесная*.

В этом случае «употребление синонимов в языке регулируются когнитивными и языковыми факторами. Первые действуют на уровне репрезентативной функции языка и определяют отношение между синонимами как словами, в значении которых содержится информация, достаточная для обеспечения доступа к одной и той же части концептуальной системы» [7, с. 312].

Заметим, что в образовании перифраз особое место отводится перифразе-символу. Символ, близкий к метафоре, передается через насыщенную семантику перифразы, он способен вместить в себя иносказание с любой сложной символикой.

Согласно теории познания в сознании человека процесс отражения окружающей

действительности происходит через посредство чувственных, тактильных ощущений, зрительного восприятия [8, с. 585]. В этом случае возникает представление о каком-либо предмете. Это представление создает когнитивную основу для классификационной деятельности мысли, осуществляющей необходимые операции выделенности, выдвижения, целостности восприятия (гештальтное восприятие) объекта, фокусирования, сравнения и сопоставления его с другими объектами.

Обратимся к стихотворению представителя модернистской поэзии XX века американского поэта Уоллеса Стивенса «Толкование луны», «Объяснение луны», или «Лунный парафраз». Заметим, что поэзия У. Стивенса стала «одним из факторов, определяющих вектор стилистических изменений поэзии раннего Бродского» [9, с. 160].

Стихотворение привлекает к себе внимание не только своим названием, где слова «объяснение», «толкование», «парафраз» выстраиваются в синонимический ряд с тем, чтобы дать толкование слову ЛУНА. Это стихотворение одновременно привлекает к себе читателя и отталкивает своей непонятностью. В разных переводах с английского языка появляются перифрастические высказывания: *мать жалости и пафоса, мать пафоса и сострадания, мать скорби и сострадания, мать жалости и грусти*.

* * *

Луна – **мать жалости и пафоса.**

Когда в ослабевшем конце ноября
Ее дряхлый свет скользит по веткам,
Немощно, медленно, полагаясь на них.
Когда тело Иисуса висит, бледнея,
По-человечески близко, и Мария
Тронутая инеем, исчезает в убежище
Листьев, сгнивших и павших.
Когда над домами золотая иллюзия
Возвращает ранние времена покоя
Успокаивающих снов в спящих во мраке –
Луна – **мать жалости и пафоса.**

Луна – **мать пафоса и сострадания.**

Когда усталым вечером ноябрьским
Она скользит своим лучом по веткам,
Едва касаясь неподвижных веток,
Когда распятый бледный Иисус
Нам предстает так близко – и Мария,
Чуть тронутая инеем, таится
В пещерке из увядших палых листьев,
Когда меж туч сиянье золотое
На миг дарит иллюзию тепла
И сладостные сны приносит спящим
Луна – **мать жалости и грусти.**

* * *

Луна – это **мать скорби и сострадания**
Когда в конце изматывающего ноября
Ее старый свет растекается по веткам –
Слабый, медленный, припадающий к ним,
Когда тело Христово висит бледное,
По земному близкое, а Мария подернулась инеем
и отшатнулась в сень гниющей, падающей листвы,
Когда золотой призрак там над домами
Вызывает у спящих во мраке сны
о прошлой поре покоя и успокоения
Луна – мать скорби и сострадания.

(С английского перевел А. Пустогаров)

Это стихотворение содержит яркие концептуальные поэтические образы, запутанные синтаксические построения, сравнения и переносы, превращая поэзию в философскую прозу. В перифразах «*мать жалости и пафоса*», «*мать пафоса и сострадания*», «*мать скорби и сострадания*», «*мать жалости и грусти*» отражается уникальность перифразы, о чем свидетельствует принцип вариативности в толковании ЛУНЫ разными высказываниями, которые, безусловно, отражают субъективное восприятие текста переводчиком.

Думается, что, несмотря на то, что перифразирование являет собой частотность употреблений, можно предположить существование единичных авторских перифраз, поскольку приведенные перифразы – это креативное творчество, индивидуальный продукт деятельности конкретного носителя языка в определенной ситуации.

Таким образом, в поэтическом тексте перифразы имеют номинативный характер, обладают функцией замены, замещения слова ЛУНА, обладают образностью по отношению к заменяемому слову, имеют описательный и иносказательный характер, отличаются индивидуально-авторской метафоричностью.

Луна – **мать жалости и грусти**
Когда в изнуренье ноября,
Ее старческий свет скользит меж ветвей,
Медленен, хил, он зависит от них;
Когда тело Христа висит в бледном свете
По-человечески близко, и фигура Марии
Убеленная инеем, сникает в убежище
Из опавших гниющих листьев;
Когда над домами золотая иллюзия
Возвращает раннюю пору покоя
И тихих грез тех, кто дремлет во тьме, –
Луна – мать жалости и грусти.
Люди, которые падают.
Бог и ангелы песней убаюкивают мир,
Сейчас, когда луна встает, пыла полна.
И сверчки вновь шумят в траве. Луна
Пылает в сознание утраченными
воспоминаниями. Он ложится, и ночь...

Список литературы

1. *Кретов А.А., Воеводская О.М., Меркулова И.А., Титов В.Т.* Единство Европы по данным лексикологии. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2016. 412 с.
2. *Теучеж З.Г.* Структурно-семантическая и коммуникативно-прагматическая специфика лингвистической парафразы (на материале русского и французского языков). Майкоп, 2008.
3. *Григораши А.М.* Филология с географией. Словарь географических перифраз. Киев: Знання України, 2012.
4. *Новиков А.Б.* Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М.: Русский язык, 2004.
5. *Бельчиков Ю.А.* Перифраза // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Дрофа, 2003.
6. *Рапаева Ю.В.* Структура перифразы и ее типы // Современная филология (II): материалы Междунар. заочн. науч. конф. Уфа: Лето, 2013. С. 90-91.
7. *Пупынина Е.В.* Роль синонимов в коммуникативной деятельности человека // Когнитивные исследования. Вып. VIII. Проблемы языкового сознания / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 312-315.
8. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

9. Соколов К.С. Уоллес Стивенс в художественном восприятии Иосифа Бродского // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. 2010. № 4. С. 157-162.

Поступила в редакцию 11.07.2018 г.
Отрецензирована 22.08.2018 г.
Принята в печать 26.09.2018 г.

Информация об авторе

Ду Чуньян, аспирант, кафедра русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: duchunyang92@bk.ru

Для цитирования

Ду Чуньян. Перифраза в поэтическом тексте о луне: У. Стивенс «Лунный парафраз» // Нефилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 26-31. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-26-31.

DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-16-26-31

PERIPHRAISIS IN A POETIC TEXT ABOUT THE MOON: W. STEVENS “LUNAR PARAPHRASE”

Chunyang DU

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: duchunyang92@bk.ru

Abstract. Based on the material of the poetic text of the poem by Wallace Stevens “Lunar Paraphrase” we establish that the periphrasis has a nominative character, has the replacing function, replacing the word “moon”, has metaphorical in relation to the replaced word, a descriptive and allegorical character, a unique individual author's metaphoricity. We prove that the peripheral education formation is provided by the cognitive abilities of a person, among which are such as the choice of the object of observation, sensory perception, attention, proper mental operations. There is a process of profiling, as a result of which focuses the attention of a person on a certain conceptual feature, highlighting a specific area and forming a paremic education. The appearance of periphrasis closely linked to a reflection on our perception of reality in language, which is governed by the cognitive and linguistic mechanisms. Periphrasis “mother of pity and pathos”, “mother of pathos and compassion”, “mother of sorrow and compassion”, “mother of pity and sadness” reflect the principle of variability in the interpretation of the MOON by different statements, which, of course, reflect the text subjective perception by the translator. The phenomenon of periphrasis in the Russian language determines the semantic and formal structure of the descriptive structure. It is assumed that we can talk about the coexistence of individual author's peripherals.

Keywords: cognitive linguistics; lexicalization; periphrasis; Wallace Stevens “Lunar Paraphrase”

References

1. Kretov A.A., Voyevudskaya O.M., Merkulova I.A., Titov V.T. *Edinstvo Evropy po dannym leksiki* [European Unity According to Lexis]. Voronezh, Publ. House of Voronezh State University, 2016, 412 p. (In Russian).
2. Teuchezh Z.G. *Strukturno-semanticheskaya i kommunikativno-pragmaticheskaya spetsifika lingvisticheskoy parafrazy (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Structural-Semantical and Communicative-Pragmatical Specifics of Linguistic Periphrasis (Based on Material of Russian and French Languages)]. Maykop, 2008. (In Russian).
3. Grigorash A.M. *Filologiya s geografiyey. Slovar' geograficheskikh perifraz* [Philology with Geography. Dictionary of Geographical Periphrasis]. Kiev, Znaniya Ukrainy Publ., 2012. (In Russian).

4. Novikov A.B. *Slovar' perifrasy russkogo yazyka (na materiale gazetnoy publitsistiki)* [Dictionary of Periphrasis in the Russian Language (on Materials of the newspaper journalistic)]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2004. (In Russian).
5. Belchikov Y.A. Perifraza [Periphrasis]. In: Karaulov Y.N. (ed.). *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopaedia]. Moscow, Drofa Publ., 2003. (In Russian).
6. Rapayeva Y.V. Struktura perifrasy i ee tipy [Periphrasis structure and its types]. *Materialy Mezhdunarodnoy zaachnoy nauchnoy konferentsii «Sovremennaya filologiya (II)»* [Proceedings of the International Extramural Scientific Conference "Modern Philology (II)"]. Ufa, Leto Publ., 2013, pp. 90-91. (In Russian).
7. Pupynina E.V. Rol' sinonimov v kommunikativnoy deyatel'nosti cheloveka [Synonyms role in communicative personal activity]. In: Kubryakova E.S. (ed.-in-chief), Boldyrev N.N. (executive editor). *Kognitivnyye issledovaniya. Vyp. 8. Problemy yazykovogo soznaniya* [Cognitive Research. Vol. 8. Issues of Linguistic Consciousness]. Moscow, Institute of Linguistics of RAS Publ., Tambov, Publ. House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2011, pp. 312-315. (In Russian).
8. Lakoff J., Johnson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. Moscow, Editorial URSS, 2004. (In Russian).
9. Sokolov K.S. Uolles Stivens v khudozhestvennom vospriyatii Iosifa Brodskogo [Wallace Stevens in artistic perception of Iosif Brodsky]. *Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvoznaniya* [Issues of Philology, Culturology and Art Studies], 2010, no. 4, pp. 157-162. (In Russian).

Received 11 July 2018

Reviewed 22 August 2018

Accepted for press 26 September 2018

Information about the author

Du Chunyang, Post-Graduate Student, Russian Language Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: duchunyang92@bk.ru

For citation

Du Chunyang. Perifraza v poeticheskom tekste o lune: U. Stivens «Lunnyy parafraz» [Periphrasis in a poetic text about the moon: W. Stevens "Lunar paraphrase"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 26-31. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-26-31. (In Russian, Abstr. in Engl.).

К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**Наталья Николаевна ЦУРЦИЛИНА**ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
214000, Российская Федерация, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
E-mail: tsounamity@mail.ru

Аннотация. Приведены рекомендации по использованию аутентичных материалов в обучении русскому языку как иностранному. Особое внимание уделено текстовому подходу. Даны рекомендации для методического отбора и организации художественных/поэтических текстов в целях формирования иноязычной коммуникативной компетенции. Рассмотрена специфика обучения коммуникации на иностранном языке. Отдельное внимание уделено вопросу понимания и продуцирования речи на иностранном языке. Обосновано, что преподаватель должен владеть средствами для анализа как аутентичных художественных/поэтических текстов, которые тот вводит в обучение, так и текстов, произведенных самими обучающимися, для того, чтобы советовать, поддерживать, помогать и консультировать. Цель преподавателя состоит прежде всего в том, чтобы обеспечить обучающимся знакомство с максимальным количеством различных образцов текстов на иностранном языке, а затем помочь им структурировать эти данные, организуя их презентацию, и усвоить их, предлагать различные виды деятельности, прибегая к различным лингвистическим и когнитивным операциям, наконец, оценивать и создавать условия для самооценки их собственной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: обучение; русский язык как иностранный; аутентичный текст; коммуникативная компетенция; методический отбор; текстовый подход

Трудность приобщения к иноязычной речевой деятельности на начальном этапе обучения делает существенным строгий методический отбор лингвистического материала [1, с. 97].

В качестве единиц организации рекомендуется отбирать предложения (фразы), имеющие обобщенно-типизированную грамматическую структуру и представляющие собой отдельные акты коммуникации (название предмета, его качество, совершаемое действие и т. п.). При отборе, кроме коммуникативных, необходимо учитывать их структурно-семантические и дидактико-психологические характеристики [1].

В соответствии с основными лингвистическими закономерностями слово является исходной единицей организации материалов по отношению к типовой фразе. Слово организует единицы еще более низкого порядка (звуки, морфемы). Единицами организации более высокого по отношению к слову порядка являются текст, тема и ситуация.

Согласно дидактическим гипотезам, синтезирующим данные психолингвистических и социолингвистических исследований о понимании и продуцировании речи, процесс, лежащий в основе понимания как

письменной, так и устной речи, предполагает, что когнитивная система обучающегося функционирует одновременно на нескольких уровнях: на перцептивном (в физиологическом смысле) и на лексическом, грамматическом, семантическом, прагматическом и дискурсивном. Так как выделить один из этих уровней и представить относящиеся к нему системные упражнения – задача практически не выполнимая в учебных условиях, единственным возможным может быть текстовый подход [2].

Аутентичный текст на иностранном языке как продукт речи является единицей более высокого порядка. Составляющие его единицы представляют речь различной степени развернутости: от фрагментов высказывания на уровне словосочетаний и высказывания на уровне предложения до связного развернутого высказывания и свернутого, вероятностного текста (темы) [1, с. 186].

Прагматическими единицами персональной коммуникации (коммуникации, которая осуществляется с помощью внутренней речи и так называемого кодового языка мышления при наличии индивидуальной когнитивной потребности в решении какой-либо проблемы, и коммуникации как формы

социального общения) являются коммуникативные акты. Они осуществляются посредством речевых действий, обуславливают ситуации устной и письменной речи и проявляются во внешнем языке в виде текста [3, с. 117-118; 4].

При подборе аутентичных текстов для методической организации содержания обучения русскому языку как иностранному следует придерживаться антропологического принципа как наиболее ориентированного на коммуникативно-познавательные интересы обучающихся. Упражнения, направленные на формирование звукопроизносительных навыков, навыков чтения, навыков диалогической и монологической речи, должны строиться в пределах тем и коммуникативных ситуаций, создающих условия для творческой реализации личности (продуцирование текста).

Тема служит средством упорядочения, организации и развития в содержательном плане устной и письменной речи и должна соответствовать реальной действительности, отраженной в знаниях обучающихся с помощью языка [5].

Ознакомление обучающихся с иноязычным фонетическим, лексическим, грамматическим материалом в процессе выполнения упражнений для развития навыков в различных видах речевой деятельности побуждает их к наблюдениям, умозаключениям и выводам, помогая ориентироваться в иноязычной речевой деятельности, подготавливает к ней, а также обеспечивает активное ее исполнение (при условии осуществления контроля и самоконтроля) [6].

Сформированность учебных умений предполагает умение самостоятельно использовать различные приемы познания, поиска и фиксации значимой информации (работа с книгой), осуществлять семантизацию языковых средств с помощью словарей разного типа, различных справочных изданий, пользоваться страноведческими материалами, использовать перевод, умение осуществлять самообразование [6, с. 19-21].

Обучение коммуникации на иностранном языке кардинальным образом отличается от обучения коммуникации на родном языке. Если в устной интеракционной (диалогической) речи понимание и продуцирование не-

разделимы, то понимание устной и письменной монологической речи скорее предшествует ее продуцированию.

В основном образцы для продуцирования речи носят повествовательный характер. В коммуникативном подходе к чтению при выборе текстов нужно учитывать знания и умения, полученные обучающимися в родном языке и, возможно, других иностранных языках. В том случае, когда начало коммуникации на новом языке базируется на чтении текстов, обучающимся приходится периодически сталкиваться с необходимостью отдавать себе отчет о своих собственных стратегиях чтения на родном языке, а также о необходимости различать лингвистическую компетенцию узнавания (необходимую для операции по идентификации в понимании) от компетенции продуцирования речи.

Продуцирование иноязычной речи предполагает учет определенных ситуационных параметров. В соответствии с требованиями коммуникативного подхода для дальнейшего создания текстов необходимо определить такие характеристики, как:

- тема/понятия, отсылающие к теме (референциальная компетенция);
- содержание высказывания (лингвистическая компетенция);
- адресат, время и место (использование операций, зависящих от пространственно-временных отношений, а также от отношений, существующих между субъектами высказывания: лингвистическая, референциальная и прагматическая компетенции);
- речевые действия субъекта (речевые акты, выбор формулировок и иллокутивных функций: социокультурная компетенция) и т. д.

Необходимо также оценить образец речи в дискурсивном плане: фразовый и текстовый синтаксис (отношения знаков между собой – то, от чего будут зависеть когезия и развитие текста); семантика (связь знаков с тем, что они обозначают, и кореференциальные связи); прагматика (отношения знаков с субъектами высказывания и с условиями продуцирования – то, от чего будет зависеть когерентность речи) [7].

Если рассматривать продуцирование письменной речи как всеобъемлющую коммуникативную деятельность, то следует

иметь в виду, что все эти языковые операции происходят одновременно. Следовательно, преподаватель должен владеть средствами для анализа как аутентичных художественных/поэтических текстов, которые он вводит в обучение, так и текстов, произведенных самими обучающимися, для того, чтобы советовать, поддерживать, помогать и консультировать.

Теоретики обучения иностранным языкам и создатели педагогических материалов подсказывают преподавателю стратегию (методику, процесс, упражнения) применения на уроке содержания обучения и формы презентации аутентичных документов. Однако, начиная с того момента, когда преподаватель (частично, если он использует готовый материал, или полностью, если он разрабатывает занятие сам) участвует в отборе материалов, которые он будет предъявлять на уроке, – только он в последней инстанции может определить свои собственные стратегии, так как только он один взаимодействует с учениками на протяжении всего курса и только он один может наблюдать их достижения в учебе, эволюцию их мотивации, запросов и ожиданий.

Следовательно, нельзя а priori ни отвергать, ни рекомендовать каких-либо нетрадиционных форм: цель преподавателя состоит прежде всего в том, чтобы обеспечить ученикам знакомство с максимальным количеством различных образцов иностранного языка, а затем помочь им структурировать эти данные, организовав их презентацию, и усвоить их, предлагая различные виды деятельности, прибегая к различным лингвистическим и когнитивным операциям, наконец, оценивать и создавать условия для самооценки их собственной коммуникативной компетенции (сравнивая продукты их собственной речевой деятельности с представленными образцами носителей языка и других обучающихся, а также с произведенными ими самими ранее).

Методика использования аутентичных текстов в обучении русскому языку как иностранному заимствует элементы других методик: аудиовизуальной, суггестопедической и др. Например, развитие речевой деятельности с опорой на зрительные образы – заимствование из аудиовизуальных методик – по-

зволяет разнообразить упражнения по одному и тому же речевому акту в зависимости от условий ситуации. Метод активизации возможностей личности и коллектива (Г.А. Китаргородская) делает акцент на развитии факторов позитивной мотивации в обучении иностранным языкам (например, стремление иметь значимую роль в группе), чем нельзя пренебрегать в обучении коммуникации. Обучение в группе дает возможность оценить речевые интенции каждого члена группы, прежде чем приступить к систематизации обучения [7].

Микростратегиями, направленными на организацию процессов обучения, позволяющими продуцировать речь в ситуациях общения, являются следующие:

- групповая работа, способствующая коммуникации между обучающимися (в этом случае вовлеченные в осуществление какой-либо творческой задачи они меньше сосредотачиваются на форме высказывания, больше – на его функции и развивают коммуникативные стратегии для того, чтобы высказать свою точку зрения);

- творческие приемы, мобилизующие воображение, развивают у обучающихся стратегические компенсаторные способности;

- активные методы переключают внимание обучающегося с изучения только лингвистических правил, фокусируя его внимание на выполнении конкретной задачи (стихотворный перевод, изготовление поэтического комикса, иллюстрация стихотворения, изготовление коллажа, декламация, написание сценария и постановка минифильма и т. п.).

Другие стратегии позволяют принимать в расчет иные аспекты коммуникативной компетенции, развивающиеся, например, в самостоятельной работе с аутентичными документами (письменными, устными или видео) по индивидуальным заданиям с использованием таких вспомогательных средств, как словари, глоссарии и т. д., что развивает способности к самообучению. Все упомянутые стратегии отличаются от классических форм обучения, где любой продукт речи концентрируется на преподавателе, то есть применяется классическая стратегия, отвечающая формуле: задание → ответ → реакция.

Вышеперечисленные стратегии реализуются на материале аутентичного художе-

ственного/поэтического текста в таком виде упражнений, направленных на формирование и совершенствование коммуникативной компетенции или какого-либо ее аспекта на иностранном языке, как текстовые упражнения. Данные упражнения в отличие от собственно фонетических, лексических, грамматических опираются не на отдельные языковые единицы, а на текст как результат речевой деятельности и подразделяются на: 1) работу с аутентичным текстом; 2) составление текста самими обучающимися (творческие упражнения). Текстовые упражнения являются устными и письменными, аудиторными и домашними, коллективными/групповыми и индивидуальными. Они могут быть *одноязычными*, при выполнении которых не прибегают к использованию родного языка, и *двухязычными/переводными*, которые являются средством сопоставления фактов родного и иностранного (русского) языка. Текстовые упражнения имеют целью: 1) подготовку к речевой деятельности (подготовительные/языковые); 2) обеспечение участия в речевой деятельности (речевые/коммуникативные) [7].

На начальном этапе реализации практических целей обучения русскому языку как иностранному могут способствовать специально отобранные для активизации и пополнения лексического запаса, формирования грамматических навыков, обучения конкретным видам речевой деятельности – чтению, аудированию, письму, переводу – небольшие по объему стихотворения русских поэтов. Например: «Осень. Ох, лето красное! любил бы я тебя...» А.С. Пушкина; «Утес», «Парус» М.Ю. Лермонтова; «Чудная картина», «На заре ты ее не буди» А.А. Фета; «Утро туманное...» И.С. Тургенева; «Сначала в бездну свалился стул...» И.А. Бродского и т. д. Приведем в качестве примера рекомендации по работе с текстом одного короткого стихотворения А.А. Фета.

Чудная картина

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна.

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокый бег.
1832 [4].

В *предтекстовых упражнениях* (упражнения на понимание, упражнения в ориентировке, предполагающие операции по распознаванию, категоризации) к этому стихотворению преподаватель объясняет значение новых слов (равнина, небеса, снег, сани) и грамматических явлений: краткая форма прилагательного – «родна». Просит образовать его полную форму по аналогии с прилагательными «чудная», «белая», «полная» и краткую форму перечисленных прилагательных; назвать полную форму женского рода прилагательного «блестящий» и краткую форму прилагательного «одинокый»; просит определить падеж прилагательных «высоких», «далеких» и просклонять во всех падежах словосочетания с этими прилагательными. Далее осуществляется тренировка в их употреблении в сочетании с существительными, взятыми из текста стихотворения (одинокая/блестящая/белая/высокая/чудная/далекая луна), и т. д. Если возникают страноведческие и содержательные трудности в понимании текста, следует объяснить фоновую лексику («сани»).

В рамках *притекстовых упражнений* задается коммуникативная установка на чтение данного аутентичного поэтического текста с извлечением максимально возможной информации, что нацеливает обучающихся на необходимые мыслительные операции, стимулирует работу воображения. Для иллюстрации можно использовать показ (на слайде) редкой картины И.К. Айвазовского «Зимний обоз в пути» (1857 г.), хранящейся в Смоленской картинной галерее.

Контроль качества обработки смысловой информации, необходимой для понимания прочитанного текста, осуществляется в ходе выполнения *послетекстовых упражнений* (вопросно-ответные упражнения, упражнения по воспроизведению текста по картинкам/рисункам и т. д.). Упражнения с лакунами, построенные на материале небольших по объему и простых по форме стихотворений, способствуют их «моментальному» запоминанию: преподаватель стирает с доски сначала

ла по одному слову из каждой строчки стихотворения и просит учащихся восстановить текст полностью. Наконец на доске остается по одному слову в каждой строчке, и обучающиеся без труда воспроизводят текст всего стихотворения. Многократно произнесенное вслух по очереди всеми учащимися группы стихотворение быстро запоминается уже во время занятия, и учащиеся выходят из учебной аудитории, испытав эстетическое наслаждение от приобщения к поэзии, удовлетворенные собственными мнемическими способностями.

Коммуникативные/творческие упражнения обеспечивают формирование речевых умений и наиболее высокого уровня практического владения иностранным языком. Например, репродуктивные упражнения, приводящие в действие операции по ориентированию во времени и пространстве, упражнения в описании воображаемого видеоряда, подсказанного содержанием стихотворения. Дискуссионные упражнения, направленные на обсуждение содержания текста и тем, заданных текстом. Даже на начальном этапе обучения учащиеся смогут проявить творческие способности, умение выразить чувство, применяя минимум слов, при создании собственных поэтических образцов на манер хайку/хокку, проиллюстрировав их рисунками, выполнив в форме коллажа, каллиграммы [6]. В качестве материала для творческих упражнений можно предложить совсем простое по форме, но отнюдь не по содержанию, стихотворение Иосифа Бродского.

Сначала в бездну свалился стул...

Сначала в бездну свалился стул,
потом – упала кровать,
потом – мой стол. Я его столкнул
сам, не хочу скрывать.
Потом учебник «Родная речь»,
фото, где вся моя семья.
Потом четыре стены и печь.
Остались пальто и я.
Прощай, дорогая. Сними кольцо,
выпиши вестник мод.
И можешь плюнуть тому в лицо,
кто место мое займет.
1966 [8].

Обучающий контроль (проверка знаний, навыков, умений) может осуществляться как в ходе тренировочных упражнений, в том числе комплексных, предназначенных для тренировки нового фонетического, грамматического или лексического явления, так и в творческих упражнениях в устной и письменной речи при создании собственных текстов с выходом в творческую деятельность (драматизация стихотворений/выпуск «Бюллетеня переводчика» и др.) [5; 7; 9; 10].

Список литературы

1. Бим И.Л. Немецкий язык: базовый курс: концепция, программа. М.: Новая школа, 1995. 127 с.
2. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам как наука: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 1. С. 22.
3. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов. СПб.: Златоуст, 1999. 472 с.
4. Фет А.А. Чудная картина: стихотворения. СПб.: Лениздат, 2013. 157 с.
5. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: Аркти-Глосса, 2003. 165 с.
6. Бим И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: Проблемы и перспективы. М.: Просвещение, 1988. 255 с.
7. Цурцилина Н.Н. Поэтический текст как средство развития индивидуальной культуры подростка: на материале обучения французскому языку в средней школе: дис. ... канд. пед. наук. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2004. 221 с.
8. Бродский И. Сначала в бездну свалился стул... URL: <https://brodskiy.su/stihi-o-lyubvi/snachala-v-bezdnu-svalilsya-stul/> (дата обращения: 11.06.2018).
9. Maley A. Illusion du réel et réel de l'illusion // Le Français dans le monde. 1980. № 153. P. 58-71.
10. Schifflert L. Pour un enseignement interactif des langues étrangères: Langues et apprentissage des langues. P.: Hatier-Crédif, 1984. 157 p.

Поступила в редакцию 20.08.2018 г.

Отрецензирована 21.09.2018 г.

Принята в печать 24.10.2018 г.

Информация об авторе

Цурцилина Наталья Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры французского языка. Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация. E-mail: tsounamity@mail.ru

Для цитирования

Цурцилина Н.Н. К вопросу об обучении русскому языку как иностранному // Неофилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 32-38. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-32-38.

DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-32-38

RUSSIAN LANGUAGE TEACHING AS A FOREIGN LANGUAGE

Natalya Nikolayevna TSURTSILINA

Smolensk State University
4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russian Federation
E-mail: tsounamity@mail.ru

Abstract. We advise to use authentic materials in Russian language teaching as a foreign language. We focus on the textual approach. We give recommendations for methodical selection and literary and poetic text organization to form a foreign language communicative competence. We consider the specificity of communication in a foreign language teaching. The understanding and producing speech in a foreign language is also important. The teacher should have the means to analyze not only the authentic artistic/poetic texts he/she introduces into the teaching but also the texts produced by the students themselves in order to advise, support, assist and consult. The teacher's aim is firstly to ensure that students are familiar with the maximum number of different texts samples in a foreign language, and then to help them to structure these data, to organize their presentation, and learn the data, to offer different activities using various linguistic and cognitive operations, finally to evaluate and to create conditions for self-assessment of their own communicative competence.

Keywords: teaching; Russian as a foreign language; authentic text; communicative competence; methodical selection; text approach

References

1. Bim I.L. *Nemetskiy yazyk: bazovyy kurs: kontseptsiya, programma* [German Language: Basic Course: Concept, Programme]. Moscow, Novaya shkola Publ., 1995, 127 p. (In Russian).
2. Galskova N.D. *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam kak nauka: problemy i perspektivy* [Modern methodology of teaching foreign languages: problems and prospects]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Herald of Moscow State Regional University*, 2013, no. 1, p. 22. (In Russian).
3. Azimov E.G., Shchukin A.N. *Slovar' metodicheskikh terminov* [Dictionary of Methodical Terms]. St. Peterburg, Zlatoust Publ., 1999, 472 p. (In Russian).
4. Fet A.A. *Chudnaya kartina: stikhotvoreniya* [Marvellous picture: poems]. St. Peterburg, Lenizdat, 2013, 157 p. (In Russian).
5. Galskova N.D. *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Modern Methodology of Foreign Languages Teaching]. Moscow, Arkti-Glossa Publ., 2003, 165 p. (In Russian).
6. Bim I.L. *Teoriya i praktika obucheniya nemetskomu yazyku v sredney shkole: Problemy i perspektivy* [Theory and Practice of German Language Teaching in the Secondary School: Issues and Prospects]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1988, 255 p. (In Russian).
7. Tsurtsilina N.N. *Poeticheskiy tekst kak sredstvo razvitiya individual'noy kul'tury podrostka: na materiale obucheniya frantsuzskomu yazyku v sredney shkole: dis. ... kand. ped. nauk* [Poetic Text as a Way for Individual Culture Development of a Teenager: on Materials of French Language Teaching in the Secondary School. Cand. ped. sci. diss.]. Izhevsk, Udmurtsk State University Publ., 2004, 221 p. (In Russian).

8. Brodskiy I. *Snachala v bezdnu svalilsya stul...* [First, the chair plunged into the void...] (In Russian). Available at: <https://brodskiu.su/stihi-o-luubvi/snachala-v-bezdnu-svalilsua-stul/> (accessed 11.06.2018).
9. Maley A. Illusion du réel et réel de l'illusion. *Le Français dans le monde*, 1980, no. 153, pp. 58-71. (In French).
10. Schifflert L. *Pour un enseignement interactif des langues étrangères: Langues et apprentissage des langues*. Paris, Hatier-Crédif, 1984, 157 p. (In French).

Received 20 August 2018

Reviewed 21 September 2018

Accepted for press 24 October 2018

Information about the author

Tsurtsilina Natalya Nikolayevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of French Language Department. Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation. E-mail: tsounamity@mail.ru

For citation

Tsurtsilina N.N. K voprosu ob obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu [Russian language teaching as a foreign language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 32-38. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-32-38. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА КАК СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Наталья Викторовна КУЛИК

МКОУ «Ненашевская СОШ»

301016, Российская Федерация, Тульская область, Заокский район, с. Ненашево, ул. Кирова, 11а
E-mail: natalya-kulik@list.ru

Аннотация. Предпринята попытка рассмотреть факультативный учебный курс «Экология русского языка», который может иметь свое место в образовательной программе обучения школьников в 10–11 классах. Обосновано, что курс «Экология русского языка» содержит не только сведения о понятии «норма», «нормированность» языковых явлений, предназначенных для подготовки учащихся 11 класса к сдаче выпускного экзамена по русскому языку в форме Единого государственного экзамена, но и служат для углубления знания учащихся в области такого научного лингвистического направления, как лингвоэкология, которое понимается как экология языка и языковая экология. Обосновано, что учебный курс «Экология русского языка» предусматривает приобщение к исследовательской работе учащихся, что позволяет им приобрести необходимую лингвистическую эрудицию и учебные исследовательские навыки в одной из наиболее уязвимых сфер функционирования языка: интернет-общения, средств массовой информации, языкового оформления сайтов, общения в системных играх и др. Установлено, что реализация проекта может осуществляться в два этапа: коллективное исследование и индивидуальное. В случае коллективной разработки теоретико-методологического основания учебного исследования акцент делается на определенных положениях, которые осмысливаются учащимися в ходе занятий.

Ключевые слова: русский язык; экология языка; образовательная программа; средняя школа

В многообразии проблем, связанных с функционированием русского языка в новых геополитических условиях, с появлением новых форм и возможностей коммуникации, проблемы экологии языка и языковой культуры все больше волнуют учителей русского языка и литературы.

Безусловно, в настоящее время блогосфера и социальные сети занимают важное место в формировании языковой культуры. Порожденное внешней реальностью интернет-пространство представляется реальным, живым, человеческим мышлением, воплощенным в виде текста в его новом обличье [1; 2].

Как и в реальной действительности, в Интернете существуют и взаимодействуют живые люди, каждый из которых принадлежит к своей социальной группе и обладает характеристиками ее речевого портрета. В то же время, безусловно, существует целый ряд особенных характеристик, дополняющих речевой портрет представителя веб-аудитории.

Разнообразие форм и сфер виртуального сообщества не позволяет создать некий единый речевой портрет представителя комму-

никативного веб-пространства. Однако, если говорить о речевом портрете современного школьника-выпускника средней школы, то отмечается снижение традиционных литературных норм устной и письменной речи и вульгаризация бытовой сферы общения. Снижение общего культурного уровня и, прежде всего, речевой культуры учащихся очевидно: общение в социальных сетях не требует знания правил орфографии и, тем более, пунктуации, появляется и новая стилистика текста, например, стилистика эпистолярного жанра.

Проблемы экологии языка, став фактом отражения языковой действительности, могут войти в факультативный учебный курс обучения школьников в 10–11 классах при овладении предметной областью «Филология» в соответствии с государственными образовательными стандартами. Школьный учебный курс «Экология русского языка» предполагает углубленное изучение современного состояния функционирования русского языка с позиций экологии.

Речь идет о том, что чистота языка должна быть обязательным требованием. Это

требование ч и с т о т ы применительно к языку все больше расширяет внутреннее содержание, в которое включается правильность, информированность и точность выбора языковых единиц разных уровней для конкретного коммуникативного акта. Речь идет о правильности написания слов, соблюдении орфоэпических, акцентологических, грамматических, лексических, синтаксических, стилистических норм. Иными словами, среди разнообразных норм важную роль играет точность и контекстная однозначность смысла выбранной для речевого отрезка единицы, поскольку точность выраженной мысли – это залог коммуникативной удачи в речевом акте, в речевом поведении молодого человека.

С этих позиций школьный учебный курс «Экология русского языка» включает углубленное изучение языковых норм, знание которых проверяется на Едином государственном экзамене:

- орфоэпические нормы (правильное ударение);
- лексические нормы (употребление слов в соответствии с их значением);
- морфологические нормы (склонение, спряжение);
- синтаксические нормы (построение словосочетаний, предложений и текста);
- стилистические нормы.

В то же время весь курс должен быть организован как исследовательский проект. Каждый учащийся проводит учебное исследование в одной из наиболее уязвимых сфер функционирования языка: интернет-общения, СМИ, языкового оформления сайтов, общения в системных играх и др.

Реализация проекта осуществляется в два этапа: коллективное исследование и индивидуальное. В процессе коллективной разработки теоретико-методологического основания учебного исследования акцент делается на следующих положениях.

1. Развитие общества предопределяет эволюционные процессы в языке. Разные периоды развития общества характеризуются разной интенсивностью развития языка. На пике революционных изменений в обществе происходят и революции в языке. И если одна революция (социальная) накладывается на другую (экономическую), и даже на третью

(информационную), тогда в языке появляются «ураганы», ломающие нормы, вызывающие панику эстетов, специалистов и просто пользователей языка.

2. Беспокойство по поводу современного состояния русского языка, а точнее, того «урагана», который ломает нормы и оставляет после себя осколки слов, словоформ, фраз, выражающих осколки мысли, объединяет ученых в новое лингвистическое направление, которое обозначено понятиями – экология языка, лингвоэкология, лингвистическая экология, эколлингвистика.

Размышляя над терминами «эколлингвистика» и «лингвоэкология», Н.А. Курашкина отмечает: «Если отечественные лингвоэкологи озабочены проблемами русского языка, то эколлингвисты стремятся вовлечь в исследовательское пространство материалы, созданные на разных языках, с возможностью их сопоставительной интерпретации» [3, с. 144]. Ученый подчеркивает, что это междисциплинарная научная сфера, которая « уходит от экологических метафор и метафорической концепции самого языка в сторону разумного баланса между его биологической и социокультурной природой. Погруженность языка в различные среды (символическую + природную + социокультурную + когнитивную = гуманитарную)» обуславливает его системное, натурализованное, динамическое бытие (*naturalized languaging*) [3, с. 151-152]. По мнению Н.А. Курашкиной, лингвоэкология должна пониматься как экология языка и как языковая экология.

Свою озабоченность состоянием языковой среды А.В. Кравченко объясняет прямой связью языковой среды и развития человеческого разума, сознания, интеллекта. «Состояние общественного сознания на каждом отдельном этапе развития социума напрямую зависит от состояния сознания отдельных индивидов, это общество образующих, при этом онтогенез индивидуального сознания человека разумного невозможен без и вне языковой (общественной) среды. В этой связи можно и нужно говорить о языковой среде, используя экологические понятия и термины: она может быть благоприятной или неблагоприятной, она может подвергаться загрязнению, над ней можно проводить (часто бездумные и опасные) эксперименты, не

отдавая себе отчета о возможных последствиях для вида *homo sapiens* и его филогенеза в целом...» [4, с. 61].

3. Относительно недавнее появление этого лингвистического направления проявляется в нечеткости формулировки предмета исследования, в отсутствии специфической системы методов исследования и в неформальности его понятийно-категориального аппарата. «Современная российская эколингвистика находится в процессе систематизации накопленного теоретического и практического знания в данной междисциплинарной сфере» [3, с. 143].

В научной литературе к лингвоэкологическим относят проблемы бюрократизации языка и речи, наплыв заимствований, жаргонизацию и вульгаризацию речевого общения, легализацию сквернословия, соотнося их с понятием «предмет исследования» [5; 6]. В спектре болевых точек речевой культуры оказываются проблемы: семантического искажения в сфере ментальной лексики и фразеологии; разрыва культурной традиции русского литературного языка в отношении его церковнославянской составляющей; «языкового расширения» (по А.И. Солженицыну); информационной безопасности и языкового насилия во всех его многообразных проявлениях; культуры топонимов в контексте исторической памяти; культуры русского языка как языка межнационального общения и др.

Исходя из этого можно считать, что правомочным можно поставить вопрос о становлении и развитии нового направления в лингвистике – лингвистической экологии.

4. Такая разноплановость проблем вызывает сомнения в их соотнесенности с тем, что принято считать предметом исследования. Следовательно, рассматривать экологию языка только как нарушение языковых и речевых норм, наверное, будет неправильно. Есть классическое направление (культура речи), которое занимается этими проблемами. Если исходить из того, что «экология – это наука, изучающая взаимоотношение объекта (то есть языка) со средой своего обитания» [7, с. 533], то понятием нормы эта среда не определяется. Скорее, соблюдение/нарушение нормы есть следствие взаимоотношения языка и среды его обитания.

Перед учащимися ставится вопрос: что же составляет среду обитания языка, и какие формы принимает их взаимоотношение? Для выяснения этого вопроса в рамках учебного курса «Экология русского языка» можно провести учебное исследование методом когнитивного картирования.

Когнитивное картирование представляет собой процедуру систематической репрезентации причинных утверждений, которые способствуют решению конкретной научной проблемы. Основными элементами репрезентации в процедурах когнитивного картирования являются понятия, объединенные в цепочки на основе причинно-следственных отношений, которые графически представлены входящими стрелками, символизирующими доминирование причинных отношений, и выходящими, указывающими на следственные отношения.

Картирование как собственно рефлексия над проектированием знания, обоснованием и подтверждением той или иной научной гипотезы позволяет эксплицировать мыслительные процессы по обработке исследуемого материала в системе базовых понятий, установить между ними причинно-следственные отношения. Вербализация этих отношений, с одной стороны, ретранслирует рефлексиию, а с другой – позволяет интерпретировать результаты исследования в виде аналитической модели, на основе которой выстраиваются каузальные утверждения, умозаключения и формулируется вывод, то есть новое знание. Таким образом, рефлексия как способ осознания и преобразования системных отношений языка, действительности и сознания участвует в порождении нового знания которое может быть сконструировано в виде когнитивной карты. А сама карта выполняет функцию инструмента проектирования процесса лингвистического познания.

Разработка когнитивной карты взаимоотношения языка со средой своего обитания может осуществляться в системе следующих процедур.

Прежде всего, были определены ключевые понятия проблемы. Поскольку язык присущ только человеку, то, естественно, первым базовым понятием после языка был человек. Именно этот факт был использован А.Д. Потаповым для исключения возможно-

сти какого-либо отношения языкознания к экологии: «...есть области человеческих отношений и человеческой деятельности, которые не имеют никакого отношения к предмету экологической науки, в частности, языкознание, что присуще только человеку, или культура – столь широкое общественное понятие, которое само по себе стоит выше и экологии, и многих других наук» [8, с. 12].

Человек как биологическая сущность, как порождение природы реализует свое назначение в социуме. Это определило включение понятий природа и социум в когнитивную карту. Природа наградила человека уникальной способностью – мышлением, а социум породил не менее уникальный продукт – культуру.

Таким образом, для выявления параметров среды обитания языка и форм взаимоотношения языка со средой своего обитания базовыми понятиями будут являться следующие: ЯЗЫК, ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, СОЦИУМ, КУЛЬТУРА, МЫШЛЕНИЕ, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

В соответствии с технологией картирования эмпирически определяются причинно-следственные отношения между этими понятиями. Элементарный подсчет входящих (причинных) и выходящих (следственных) стрелок показывает, что центральными понятиями являются человек и язык.

На их основе выстраивается центральное каузальное утверждение о том, что естественной средой обитания языка является человек. Ближайшую периферию составляет каузальная цепочка из понятий: КУЛЬТУРА, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СОЦИУМ, МЫШЛЕНИЕ.

Таким образом, формирование человека как естественной среды обитания языка осуществляется под влиянием социума и культуры. Следствием такого воздействия является речевая деятельность человека. Если механизмы мыслительных процессов обеспечивают порождение речи, то культура определяет ее содержание. Изменения в социуме и культуре неизбежно сказываются на человеке. Наиболее уязвимой и зависимой становится его речевая деятельность.

Дальнюю периферию составляет понятие природа. Биологическая природа мыслительной деятельности обеспечивает речепорождающий процесс (рис. 1).

Как показывает карта, взаимоотношение языка и человека как сферы его обитания составляет суть экологических проблем. Поскольку человек есть субъект социума, он реализует свою языковую способность через мыслительную деятельность в речевой деятельности в рамках определенной культуры, которая является, в свою очередь, следствием развития социума.

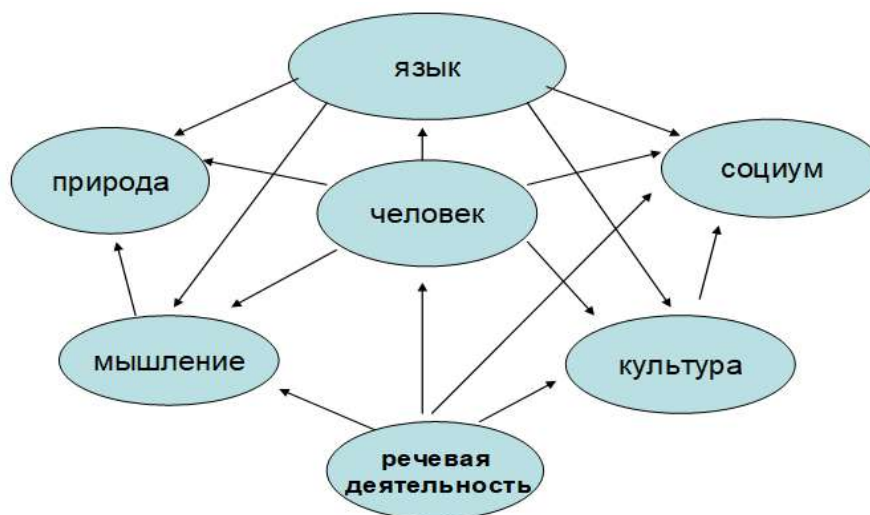

Рис. 1. Когнитивная карта взаимоотношения языка со средой своего обитания [9]

Таким образом, предмет экологии языка должен быть спроецирован на человека и через него опосредован социальными и культурными нормами или их нарушениями в его речевой деятельности. И только в последнюю очередь можно говорить о пагубном влиянии на мозг человека как биологическую сущность.

Индивидуальная часть учебного исследования ставит целью выявить болевые точки функционирования языка в определенной сфере, проанализировать их, определить причины, тенденцию дальнейшего развития и возможные формы профилактики. Защита индивидуальной части проекта осуществляется в рамках школьной научной конференции.

Список литературы

1. Трофимова Г.Н. Проблемы интернет-коммуникации: межкультурный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 1. С. 8-14.
2. Bazanova A.E., Gishkaeva L.N., Trofimova G.N., Urazova S.L. Transformation of a media text genre structure in the modern media education // "Education Environment for the Information Age": International Conference. M., 2017. P. 141-149. DOI dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.08.18.
3. Курашкина Н.А. Эколингвистика или лингво-экология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2 (5). С. 143-156.
4. Кравченко А.В. Бытие человека и экология языка // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы 10 Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2005. С. 59-63.
5. Сенько Е.В. Диггерство, стритрейсинг и прочие увлечения // Русская речь. 2014. № 4. С. 73-75.
6. Сенько Е.В., Кисарова Э.Г. Заимствование на современном этапе развития русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-1 (58). С. 152-154.
7. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991.
8. Потапов А.Д. Экология. М., 2002.
9. Екшамбеева Л.В. Когнитивное картирование лингвистического знания. Алматы: Бастау, 2009. 133 с.

Поступила в редакцию 19.08.2018 г.

Отрецензирована 13.09.2018 г.

Принята в печать 24.10.2018 г.

Информация об авторах

Кулик Наталья Викторовна, учитель русского языка и литературы. Ненашевская СОШ, с. Ненашево, Заокский р-н, Тульская обл., Российская Федерация. E-mail: natalya-kulik@list.ru

Для цитирования

Кулик Н.В. Экология языка как содержание образовательной программы в средней школе // Неофилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 39-45. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-39-45.

ECOLOGY OF LANGUAGE AS AN EDUCATIONAL PROGRAMME CONTENT IN THE SECONDARY SCHOOL

Natalya Viktorovna KULIK

Nenashevo Secondary General School

11a Kirova St., Nenashevo 301016, Zaoksky District, Tula Region, Russian Federation

E-mail: natalya-kulik@list.ru

Abstract. We consider an optional training course “Ecology of the Russian language”, which may have its place in the educational programme of students from 10–11 grade. The course “Ecology of the Russian language” contains not only information about the concept of “norm”, “normalization” of the language phenomena intended for preparation of students from of the 11th grade for final examination in the Russian language in the form of the Unified State Exam, but also serve for deepening of knowledge of pupils in the field of such scientific linguistic direction as linguoecology which is understood as ecology of language and language ecology. We prove that the training course “Ecology of the Russian language” introduce students to the research work, which allows them to acquire the necessary linguistic erudition and educational research skills in one of the most vulnerable areas of the language: internet communication, media, language design sites, communication in system games, etc. Project can be in two stages: collective research and individual. In the case of collective development of the theoretical and methodological basis of educational research the emphasis is on certain provisions that are interpreted by students during the course of classes.

Keywords: Russian language; ecology of language; educational programme; secondary school

References

1. Trofimova G.N. Problemy internet-kommunikatsii: mezhkul'turnyy aspekt [Internet communication issues: cross-cultural aspect]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2012, no. 1, pp. 8-14. (In Russian).
2. Bazanova A.E., Gishkaeva L.N., Trofimova G.N., Urazova S.L. Transformation of a media text genre structure in the modern media education. *Proceedings of International Conference “Education Environment for the Information Age” (EEIA-2017)*. Moscow, 2017, pp. 141-149. DOI dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.08.18.
3. Kurashkina N.A. Ekolingvistika ili lingvoekologiya? Terminologicheskaya dilemma mezhdistsiplinarnoy nauchnoy oblasti [Ecology of language or linguoecology? Terminological dilemma of interdisciplinary scientific area]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of language and communicative practice*, 2015, no. 2 (5), pp. 143-156. (In Russian).
4. Kravchenko A.V. Bytiye cheloveka i ekologiya yazyka [Human existence and language ecology]. *Materialy 10 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Lingvisticheskiye paradigmy i lingvodidaktika»* [Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference “Linguistic Paradigms and Linguodidactics”]. Irkutsk, 2005, pp. 59-63. (In Russian).
5. Senko E.V. Diggerstvo, stritreyzing i prochiye uvlecheniya [Urban caving, street racing and other amusements]. *Russkaya rech' – Russian speech*, 2014, no. 4, pp. 73-75. (In Russian).
6. Senko E.V., Kisarova E.G. Zaimstvovaniye na sovremennom etape razvitiya russkogo yazyka [Adoption at the modern stage of development of the Russian language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. Tambov, Gramota Publ., 2016, no. 4-1 (58), pp. 152-154. (In Russian).
7. Frolov I.T. (ed.). *Filosofskiy slovar'* [Philosophic Dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. (In Russian).
8. Potapov A.D. *Ekologiya* [Ecology]. Moscow, 2002. (In Russian).
9. Ekshembeyeva L.V. *Kognitivnoye kartirovaniye lingvisticheskogo znaniya* [Cognitive Mapping of Linguistic Knowledge]. Almaty, Bastau Publ., 2009, 133 p. (In Russian).

Received 19 August 2018

Reviewed 13 September 2018

Accepted for press 24 October 2018

Information about the author

Kulik Natalya Viktorovna, Russian Language and Literature Teacher. Nenashevo Secondary General School, Nenashevo, Zaoksky District, Tula Region, Russian Federation. E-mail: natalya-kulik@list.ru

For citation

Kulik N.V. Ekologiya yazyka kak sodержaniye obrazovatel'noy programmy v sredney shkole [Ecology of language as an educational programme content in the secondary school]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 39-45. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-39-45. (In Russian, Abstr. in Engl.).

КРЕАТИВИЗАЦИЯ ЛЕКСИКОНА РУССКОГО ЯЗЫКА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: «СЛОВО ГОДА»

Юлия Александровна МЕЛЬНИК¹⁾, Анастасия Владимировна КИРОВА²⁾

¹⁾ ФГКВБОУ ВО «Военный университет Министерства обороны Российской Федерации»
123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14
E-mail: uliya0783@mail.ru

²⁾ ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
644077, Российская Федерация, г. Омск, пр-т Мира, 55-А
E-mail: anastasia.kirova@gmail.com

Аннотация. В современном русском языке происходит активизация процесса неологизации, связанная с популярностью Интернета. Значительный вклад в процесс изменения лексики вносят как средства массовой информации, так и обычные люди – пользователи Сети. Новые слова, появляющиеся в медиа-дискурсе, попадают в словотворческие рейтинги интернет-проекта «Слово года». Рейтинговые списки, с одной стороны, являются индикаторами социальных изменений, с другой – отражают лингвокреативный потенциал субъектов, принимающих участие в формировании данных списков. Креативная речедетельностная активность связывается с языковой игрой. Одним из главных правил такой игры является понимание условности того или иного речевого (игрового) кода как создателем слова, так и его собеседником. Проведенный анализ показывает, что наиболее часто авторами используются модели компрессивного словообразования, что свидетельствует о творческом потенциале, раскрепощенности речевого поведения и наличии лингвистического вкуса у носителя языка, стремящегося к самовыражению посредством создания нового слова. Новообразования, созданные при помощи приемов паронимической аттракции и контаминации, сохраняют смысловую связь с исходными словами, то есть включают в свое значение семантику мотивирующих слов, получая преимущество перед описательными выражениями. Таким образом, в современном словотворчестве оказываются востребованными такие способы словообразования, которые позволяют описать события общественно-политической жизни страны и личной жизни человека при помощи нового яркого слова, содержащего оценочный компонент.

Ключевые слова: неологизм; «Слово года»; лексика; языковая игра; оценочность; словотворчество; словообразование

Активизация общественно-политических, культурных, социальных процессов является мощным стимулом новаций в лексическом составе языка и неизбежно приводит к появлению новых слов и актуализации ранее существующих: одни служат для именования совершенно новых реалий, другие приобретают новое значение, третьи входят в лексический состав языка путем заимствования в силу процессов глобализации и интеграции культур. За последние десятилетия лингвисты наблюдают дестабилизацию лексического фонда русского языка, отмечая подъем словообразовательной активности в современном коммуникативном пространстве [1–7]. Как отмечает М.А. Кронгауз, «в последнее время в русском языке появилось столько новых слов, что лингвисты не успевают следить за ними и издавать словари, а обычные

люди часто просто не понимают, о чем идет речь» [4, с. 14].

Активизация процесса неологизации современного русского языка связана с появлением и распространением сети Интернет, так как значительный вклад в процесс изменения лексики вносят как средства массовой информации (СМИ), в том числе новые медиа, так и обычные люди – пользователи Сети. В языке Интернета отражаются изменения во всех сферах жизни общества. Здесь в первую очередь и появляются новые слова, образованные различными способами, некоторые из которых попадают в рейтинги словотворческого интернет-проекта «Слово года», данные которого (за 2015 и 2016 гг.) послужили материалом для нашего исследования¹.

¹ Слово года. URL: <https://www.facebook.com/groups/slovogoda> (дата обращения: 30.05.18).

Ежегодный конкурс «Слово года» проводится в России с 2007 г. вслед за подобными конкурсами, ставшими традиционными в Германии, США, Франции, Германии, Финляндии и других странах. «Слово года» в России выбирают народным голосованием в социальной сети Facebook (слово может предложить любой желающий), после чего специалисты – группа писателей, лингвистов, журналистов – определяют победителей и достойных для вхождения в итоговые рейтинги, основываясь на собственных предпочтениях, а также на способах происхождения той или иной лексемы, возможности ее дальнейшего функционирования в языке и т. д. Как отмечает О.С. Иссерс, подобные социолингвистические проекты чрезвычайно важны: «Это взгляд на языковую жизнь российского общества, ограниченную четкими календарными рамками одного года: по нескольким словам можно судить о том, какова была атмосфера того времени» [3, с. 25]. В разные годы победителями становились слова: *гламур* (2007), *кризис* (2008), *антикризисный* (2009), *жара* (2010), *полиция* (2011), *Болотная* (2012), *госдура* (2013), *крымнаш* (2014), *беженцы* (2015), *брекзит* (2016), *реновация* (2017). По мнению исследователей современного русского языка, слова в рейтинговых списках отражают специфику общественного мнения, являясь маркерами системы ценностей, индикаторами социальных изменений новейшего времени [8, с. 49]. Также рейтинги «Слова года» отражают лингвокреативный потенциал определенной группы мыслящих, активно рефлексирующих членов российского общества. Т.А. Гридина, связывающая языковую игру с креативной речедетельностной активностью языковой личности, говорит о том, что языковая игра есть особая форма лингвокреативной деятельности, отражающей стремление (интенцию) говорящих к обнаружению собственной компетенции в реализации языковых возможностей – при понимании условности совершаемых речевых ходов, но в то же время рассчитанных на «опознание» реципиентом негласно принятых правил (игрового кода) общения» [9, с. 26]. Транслируя какую-либо идею, автор стремится выразить ее как можно более ярко, емко и включается в языковую игру. При этом он осознает новизну и

необычность вновь созданного слова, но эта игра становится еще более увлекательной, когда и другой человек, собеседник, понимает и принимает правила этой языковой игры, пытается поддержать ее и вскрыть глубинные намерения автора, эту игру предложившего [10, с. 64]. Принимая правила языковой игры, создатель слова стремится найти новое значение для ранее известного слова или создать новое слово, которое поможет выразить свое отношение к явлениям внеязыковой действительности. В последние годы словотворчество и языковые игры становятся все более популярными и модными. То или иное событие, или акт мыслительной деятельности индивида воспринимается через призму индивидуального мировоззрения и становится источником словотворчества. Происходит поиск и создание нового слова, позволяющего наиболее точно выразить свою идеологическую позицию и показать личную социальную роль. Критическое осмысление социальных реалий проявляется в социально-языковом креативе и приводит к формированию лексических новообразований [3].

Таким образом, творческие способности языковой личности и его прагматические установки лежат в основе словообразовательной игры, результатом которой являются новые слова. По словам создателя проекта «Слово года» М. Эпштейна, «...начался процесс сознательного возвращения общества в родной язык, оживление вкуса к языкотворчеству, словотворчеству <...> Мы возвращаемся уже взрослыми в тот язык, которому принадлежим по факту рождения в нем, и уже сознательно участвуем в его обрядах, заново открываем смысл в тех словах, правилах и грамматических структурах, которые раньше употребляли автоматически, по привычке» [цит. по: 11]. По-другому этот процесс можно назвать «народным словотворчеством», когда слова образуются по случаю, в конкретных условиях речевой коммуникации как реакция на конкретные события, которые понятны носителям языка. К. Кнорре-Дмитриева, журналист: «Если рекламщику для самовыражения нужен заказ, то для народа поводом сочинять прекрасные слова является реальность, данная ему в ощущении. Например, запретят ввозить на территорию страны сыры и хамон, и, пожалуйста – тут же появ-

ляются «санционка», «запрещенка», быстро и легко вошедшие в язык. На показательное уничтожение сыров перед камерой народ отозвался новым словом «сыроцид». Поскольку лучшим сувениром из заграничных поездок стал хамон или сыр, то появилась прекрасная «хамондировка» (Новая газета. 2015. 23 нояб.). *Хамондировка* (заграничная командировка с целью приобретения и поедания на месте санкционных продуктов) и *сыроцид* (уничтожение санкционного сыра) – слова, созданные при помощи приема паронимической аттракции, который становится все более востребованным в современном языкотворчестве.

Основным признаком использования данного приема является замена в сознании говорящих первичной мотивации, которая ложится в основу образования слова, представлением о мотивационной связи слова со словом, не связанным с рассматриваемым словообразовательными отношениями, или со словом другого этимологического гнезда. Изменение мотивации может сопровождаться изменением значения слова и его структуры. Как отмечает О.С. Иссерс, «подобные оценочные новообразования, построенные на основе сходства в звучании отдельных компонентов двух «сближаемых» слов, очень характерны для социальной критики: они высвечивают наиболее острые проблемы общественной жизни» [2, с. 11]. При помощи приема паронимической аттракции были образованы слова *соцсед*, *соцседка* – «приятель, сосед по социальной сети» или «тот, кто постоянно сидит в социальной сети», *лайчуций* – «жаждущий лайков» (пароним к алчущие), *нипричемыши* – «скучные, тихие люди, находящиеся вдали от любых общественных волнений, то есть, кто вечно ни при чем», *зловцо* – «злое словцо», *божемяка* – очень усердно верующий, тот, кто хочет быть героем-змееборцем, как Никита Кожемяка. Также прием паронимической аттракции лежит в основе политического неологизма 2016 г. с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей *моченосцы*. Выборы президента США, в которых победил Д. Трамп, стали отправной точкой для появления большого количества новых слов, образованных от фамилии нового главы государства, некоторые из которых были соз-

даны при помощи рассматриваемого нами приема: *трампункт* («Белый дом»), *трампномика*, *трамплантация*, *трампотрясение*. Также в списке «слов года» оказались такие неологизмы, как *трампизм*, *трампист*, *антитрамповский*, *трампанутый*, *трампофилы*, *трампировать*, созданные узуальными способами – аффиксацией и сложением, а также путем семантического переосмысления: *ТРАМПлин*, *трам-пам-пам*. Неологизм *трампизм*, с одной стороны, стал использоваться в значении «индивидуально-авторское слово Трампа», с другой – как обозначение нового вектора развития американской политики.

В связи с высоким темпом современной жизни поддерживается и усиливается закон экономии речевых усилий, что проявляется в активном использовании моделей компрессивного способа словообразования, когда новые слова создаются на базе словосочетаний и предложений. Произведенные таким образом слова никогда полностью не утрачивают смысловую связь с исходными словами, то есть включают в свое значение семантику мотивирующих слов. Модели компрессивного словообразования включают в себя контаминацию, которая наиболее часто встречается в построении современных новообразований. Н.Д. Цыганова отмечает, что контаминация является «ведущим способом словотворчества участников специальных интернет-сайтов» [12, с. 16]. Контаминанты имеют метафорический оттенок значения, характеризуются стилистической маркированностью, игровой природой и низким уровнем узуализации, воспринимаются в контексте, при этом большинство из них являются телескопическими, то есть конец одного слова накладывается на начало другого, таким образом, рождается языковая игра. По данной модели образованы, например, такие слова из исследуемых списков: *плебсикон* – «словарный запас человека с низкой речевой культурой», *лайкдорфин* – гормон «фейсбучного» счастья, вырабатывающийся при большом количестве лайков под постом, *советошь* – «нечто ветхое, оставшееся еще с советских времен», *пересидент* – «слишком долгое время, с превышением сроков, исполняющий свои обязанности президент», *обсириться* – контаминация жаргонизма «обсе-

риться» (в значении «опозориться») и топонима Сирия. Окказионализм *кадыринг* можно рассматривать как формально-семантическую контаминацию фамилии Р.А. Кадыров и слова митинг (как название прошедшего в Чечне митинга в поддержку главы республики). Это мероприятие получило различную оценку в сети Интернет, в том числе неодобрительную. Можно предположить, что данное слово было создано по примеру используемого оппозиционно настроенными гражданами (с 2008 г.) неологизма *путинг* (митинг в поддержку главы Российской Федерации). Это значение существовало и существует исключительно в контексте конкретных событий с целью их пропагандистской интерпретации, характерной для определенных политических сил. Отметим, что особую популярность данная модель (в несколько ином значении) приобрела в политическом дискурсе некоторое время назад. Тогда оказался актуализированным дискредитирующий потенциал модели: например, *мизулинг*, *пехтинг*. В данном контексте сформировалось новое словообразовательное значение – это социальное явление, поведение, чаще всего негативно оцениваемое, типичное, как правило, для какого-либо известного человека, названного по фамилии. Как отмечает Е.А. Земская, для языков характерно использование в качестве базовых основ имен лиц собственных, что обусловлено усилением личностного начала [13, с. 99].

Исследователи отмечают, что в российских рейтингах «Слово года», в отличие от зарубежных, фиксируется как политически маркированная лексика, так и неполитизированная, но большинство слов имеют яркую общественно-политическую окраску (также об этом: [14]). Исключения составляют немногочисленные лексические вкрапления, касающиеся темы личной жизни человека, в том числе в сети Интернет, а также оценочные единицы, описывающие новые бытовые явления или развлечения. В списки 2015–2016 гг. вошли такие слова, как *лабутены* (название дорожных туфель известного бренда, стали широко известны после выхода ставшей популярной песни группы «Ленинград» под названием «На лабутенах», породившей огромное количество шуток и пародий) и *Карл*, ставшее мемом. Шутка с обращением к

Карлу стала настолько популярной, что об этом писали в СМИ: «В Интернете распространился мем «Карл»: редкий пост обходится без фразы типа «Сегодня на завтрак мы ели кашу. Кашу, Карл!» (Московский комсомолец. 2015. 28 мая). Мем появился после выхода сериала «Ходячие мертвецы». В одной из серий третьего сезона главный герой общается со своим сыном Карлом, который молчит и никак не реагирует на слова отца. Так, Рик, отец, понимает, что его супруга умерла, начинает рыдать и падает на землю. Многие пользователи Интернета сочли, что шаблон мема, когда отец что-то объясняет, пока сын молчит, после чего драматически повторяет последнюю фразу, добавляя «Карл!», является очень юмористическим. Наиболее широкое распространение мем получил весной 2015 г.: «Известна вариация, где сын жалуется на что-либо отцу, а Рик Граймс отвечает: дескать, в наше время было еще хуже, еще хуже, Карл. Например:

– Пап, мой телефон уже устарел. Я хочу айфон.

– Карл, когда я был в твоём возрасте, мы брали два пластиковых стаканчика, протягивали между ними нитку, шли в разные комнаты и говорили через них. Через пластиковые стаканы, Карл!» (Московский комсомолец. 2015. 28 мая). Итак, вследствие сетевых трансформаций визуальная составляющая исчезла, осталась только фраза «<...>, Карл!», эмоционально прибавляемая к финалу любого высказывания, для акцентирования внимания на очевидных вещах.

Некоторые слова, вошедшие в рейтинговые списки, отмечены единичным употреблением в интернет-дискурсе. В основном, это индивидуально-авторские неологизмы. Другие, напротив, часто встречаются на страницах газет, в телепередачах, в блогах. Это приводит к тому, что носители языка начинают терять ощущение новизны слова и используют его в реальной жизни и при общении в социальных сетях. Именно закрепление слова в общем употреблении и вхождение в лексическую систему языка, в разряд общеупотребительной лексики, а также активное включение его в процессы языковой коммуникации является важным признаком востребованности неологизма, маркером его актуальности для носителей языка. Так, сло-

во из топа рейтингов 2015 г. – *селфи* – прочно вошло в повседневный обиход. На его основе создаются такие новые слова, как *анти-селфи*, *селфиться*, *селфетишизм*, *селфилитики*, *селфи-палка*, *селфи-пати*, появляется калька *себяшка*. Дополнительным объективным свидетельством повышения популярности слова, которое оказывается «у всех на слуху», становится появление его в метаязыковых высказываниях говорящих. Языковой рефлексии по поводу нового слова подвержены не только рядовые носители языка, журналисты, но и политики. Так, политик В.В. Жириновский призвал молодежь отказаться от употребления иноязычного слова, заменив его на русское *себяшки*, на что СМИ тут же отреагировали подобными заголовками: «Сделать «себяшку»: Жириновский предложил отказаться от слова «селфи» (ntv.ru, 24.07.2015).

Итак, те или иные изменения в жизни современного общества мгновенно инициируют появление новых слов, в первую очередь, в интернет-дискурсе, что вызывает активизацию процесса неологизации современного русского языка. Отмечено, что большой вклад в процесс изменения и пополнения лексического состава языка вносят участники медиа-дискурса: журналисты, блогеры, люди с активной гражданской позицией, творческая интеллигенция и другие пользователи. Анализ новейшего материала рейтинговых списков проекта «Слово года» позволяет провести лингвистическую диагностику динамики общественных процессов на определенном этапе сквозь фокус сознания некоторой группы креативно мыслящих субъектов. Выявлено, что их основное внимание сосредоточено на внутренних экономических и политических проблемах, некоторые слова возникают в контексте конкретных событий, лингвистически интерпретируемых в выгодном для создателя (или создателей) слова свете. Источником словотворчества, стимулом для начала лингвокреативной деятельности может стать как какое-либо событие социальной, общественно-политической жизни страны, современные реалии, так и акт мыслительной деятельности человека, воспринятый через призму индивидуального мировоззрения. Проведенный анализ показывает, что для создания новых

слов, в первую очередь – авторских неологизмов, – наиболее часто используются модели компрессивного словообразования, что говорит о творческом потенциале, свободе речевого поведения и наличии лингвистического вкуса у носителей языка, стремящихся к самовыражению посредством создания нового слова. Прием паронимической игры с внутренней формой слова отражает современную действительность, высвечивая темы, являющиеся наиболее интересными для создателя слова, касается актуальных сторон общественной жизни. В это же время словообразовательная модель контаминации обладает сильным воздействующим потенциалом, а контаминанты позволяют автору нового слова более полно, точно, ярко, оригинально выразить свою мысль или чувство, видение, понимание явления действительности и дать ему оценку.

Список литературы

1. Венрева И.Т., Купина Н.А. Очередь на Серова: феномен русскости // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 2. С. 95-108.
2. Иссерс О.С. Дискурсивные игры «Болотного периода» // *Русистика*: сб. науч. тр. Киев, 2013. Вып. 13. С. 10-13.
3. Иссерс О.С. От серьезного – до смешного: игровой потенциал русского слова года // *Политическая лингвистика*. 2015. № 4 (54). С. 25-31.
4. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Астрель, 2011. 480 с.
5. Маркова Е.М., Рацибурская Л.В., Иссерс О.С., Мельник Ю.А., Зайцева И.П., Сипко Й., Радченко М.В. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2017. № 1. С. 1-12.
6. Мустайоки А., Вальтер Х., Венрева И. Феномен актуального слова 2015 года // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 4. С. 121-133.
7. Чернейко Л.О. Проблема дискурса в свете концепции внутренней формы слова, языка, речи // *Текст: структура и семантика: материалы Междунар. конф. М., 2005*. С. 154-166.
8. Иссерс О.С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // *Политическая лингвистика*. 2014. № 4 (50). С. 48-53.
9. Гридина Т.А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность // *Язык. Система. Лич-*

- ность. Языковая игра как лингвокреативная деятельность. Формирование языковой личности в онтогенезе. Екатеринбург, 2002. С. 26-27.
10. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
11. Архангельский А.А. Язык политизируется там, где отсутствует политика // Огонек. 2012. № 51. С. 20.
12. Цыганова Н.Д. Полиаспектное описание не-лексем (по материалам словотворческих интернет-сайтов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015. 22 с.
13. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90-141.
14. Цонева Л. Слово года «крымнаш» в русском медиадискурсе // Studia Russico Slovaca: Universitas Catholica Rosenbergensis. Ružomberok, 2015. P. 30-38.

Поступила в редакцию 17.08.2018 г.
Отрецензирована 25.09.2018 г.
Принята в печать 24.10.2018 г.
Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Мельник Юлия Александровна, преподаватель кафедры русского языка. Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: uliya0783@mail.ru

Кирова Анастасия Владимировна, аспирант, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, преподаватель кафедры иностранных языков. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация. E-mail: anastasia.kirova@gmail.com

Для корреспонденции: Кирова А.В., e-mail: anastasia.kirova@gmail.com

Для цитирования

Мельник Ю.А., Кирова А.В. Креативизация лексикона русского языка новейшего времени: «Слово года» // Нефилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 46-53. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-46-53.

DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-46-53

CREATIVITY IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE VOCABULARY: “WORD OF THE YEAR”

Uliya Aleksandrovna MELNIK¹⁾, Anastasia Vladimirovna KIROVA²⁾

¹⁾ Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow 123001, Russian Federation
E-mail: uliya0783@mail.ru

²⁾ Dostoevsky Omsk State University
55-A Mira Ave., Omsk 644077, Russian Federation
E-mail: anastasia.kirova@gmail.com

Abstract. The neologization with the popularity of the Internet occurs actively in the contemporary Russian language. Not only mass media but also common people, Internet users contribute significantly. New words from the media discourse get into word creating rates of Internet project “Word of the Year”. On the one hand, ranked lists are the indicators of social changes, on the other hand, they reflect linguo-creative potential of people, who participate in lists formation. Creative speech activity relates to language game. One of the main rules of such a game is the understanding of conditions of a certain speech (game) code both by a creator of a word and by an interlocutor. Conducted analysis shows that authors mostly use the model of compressive word creation and it proves high creative potential, freedom of speech behavior and linguistic sense of native speakers, who strive to the self-expression with word creation. New formations created by methods of paronymic attraction and blend words save semantic links with original words. So they

have semantic of motivating words in their meaning and have advantage over descriptive constructions. Thus, methods of word creation, which allow describing social and political events of a country or a personal life with a new bright word with evaluative element in it, are popular in the contemporary word creative activity.

Keywords: neologism; “Word of the Year”; vocabulary; language game; valuativity; word creation; word formation

References

1. Vepreva I.T., Kupina N.A. Ochered na Serova: fenomen russkosti [The queue for Serov: the phenomenon of Russian-ness]. *Quaestio Rossica*, 2016, vol. 4, no. 2, pp. 95-108. (In Russian).
2. Issers O.S. Diskursivnye igry «Bolotnogo perioda» [Discursive game of “Bolotnyy period”]. *Rusistika* [Russian Studies]. Kiev, 2013, no. 13, pp. 10-13. (In Russian).
3. Issers O.S. Ot seryoznogo – do smeshnogo: igrovoj potencial rossijskogo slova goda [From serious stuff – to funny things: language pun potential of the Russian “Word of the year”]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2015, no. 4, pp. 25-31. (In Russian).
4. Krongauz M.A. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian Language on the Verge of Nervous Breakdown]. Moscow, Astrel Publ., 2011, 480 p. (In Russian).
5. Makarova E.M., Ratsibyrskaya L.V., Issers O.S., Melnik Y.A., Zaytseva I.P., Sipko Y., Radchenko M.V. Rol’ SMI v demokratizatsii i kreativizatsii sovremennogo russkogo yazyka (krugliy stol) [The role of mass media in the democratization and creativitization of the modern Russian language (round table)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of Moscow State Regional University*, 2017, no. 1, pp. 1-12. (In Russian).
6. Mustayoki A., Valter H., Vepreva I. Fenomen aktualnogo slova 2015 goda [Word of the year 2015]. *Quaestio Rossica*, 2016, vol. 4, no. 4, pp. 121-133. (In Russian).
7. Cherneyko L.O. Problema diskursa v svete kontseptsii vnutrenney formy slova, yazyka, rechi [Problem of discourse in the light of the concept of inner shape of a word, language, speech]. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Tekst: struktura i semantika»* [Proceedings of International Conference “Text: Structure and Semantics”]. Moscow, 2005, pp. 154-166. (In Russian).
8. Issers O.S. V poiskakh obshego slovarya: diskursivnye praktiki novejshego vremeni tcherez prizmy proektov «Slovo goda» [In the search of common vocabulary: contemporary discursive practices through the prism of projects “Word of the year”]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2014, no. 4 (50), pp. 48-54. (In Russian).
9. Gridina T.A. Yazykovaya igra kak lingvokreativnaya deyatel’nost’ [Language game as a linguo creative activity]. *Yazyk. Sistema. Lichnost. Yazykovaya igra kak lingvokreativnaya deyatel’nost. Formirovanie yazykovoy lichnosti v ontogeneze* [Language. System. Personality. Language Game as a Linguocreative Activity. Formation of Linguistic Persona in Ontogeny]. Ekaterinburg, 2002, pp. 26-27. (In Russian).
10. Sannikov V.Z. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian Language in the Mirror of Language Game]. Moscow, Yazyky slavyanskoy kultury Publ., 2002, 552 p. (In Russian).
11. Arkhangel’skiy A.A. Yazyk politiziruetsya tam, gde otsutstvuet politika [Language politicizes there, where politics is absent]. *Ogonek* [Light], 2012, no. 51, p. 20. (In Russian).
12. Tsyganova N.D. *Poliaspektnoe opisanie neoleksem (po materialam slovotvorcheskikh internet-saytov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Polyaspect Description of Neo-Lexical Units (Based on the Materials of Word Creative Internet Web-Sites. Cand. philol. sci. diss.]. Abakan, 2015, 22 p. (In Russian).
13. Zemskaya E.A. Aktivnye protsessy sovremennogo slovoпроизводства [Active processes of modern word creation]. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian Language of Late 20th Century (1985–1995)]. Moscow, Yazyky russkoy kultury Publ., 1996, pp. 90-141. (In Russian).
14. Tsoneva L. Slovo goda «krymnash» v russkom mediadiskurse [Word of the Year “Crimea is our” in Russian media discourse]. *Studia Russico Slovaca Universitas Catholica Rosenbergensis*. Ružomberok, 2015, pp. 30-38. (In Russian).

Received 17 August 2018

Reviewed 25 September 2018

Accepted for press 24 October 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Melnik Uliia Aleksandrovna, Lector of Russian Language Department. Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: uliya0783@mail.ru

Kirova Anastasia Vladimirovna, Post-Graduate Student, General and Applied Linguistics Department, Lecturer of Foreign Languages Department. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation. E-mail: anastasia.kirova@gmail.com

For correspondence: Kirova A.V., e-mail: anastasia.kirova@gmail.com

For citation

Melnik Y.A., Kirova A.V. Kreativizatsiya leksikona russkogo yazyka noveyshego vremeni: «Slovo goda» [Creativity in the contemporary Russian language vocabulary: “Word of the Year”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 46-53. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-46-53. (In Russian, Abstr. in Engl.).

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ИИСУСА ХРИСТА В ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА:
ОТ РАННЕЙ ЛИРИКИ К ПОЭМЕ «ДВЕНАДЦАТЬ»****Елена Валерьевна ГРУДИНИНА**Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования «Тамбовская духовная семинария
Тамбовской епархии Русской православной церкви»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3
E-mail: evgrudinina@mail.ru

Аннотация. Представлен опыт анализа образа Иисуса Христа в ранней лирике и финальных главах поэмы А. Блока «Двенадцать» с точки зрения православной духовной мысли. Проведенное исследование позволяет заключить, что поэт, невзирая на специфическую творческую манеру символизма, весьма точно передает в своих ранних произведениях не только кризисное мироощущение, свойственное обществу на рубеже XIX и XX столетий, но и глубокое личное постижение сути православно-го вероучения. В результате сопоставления образа Христа в рассмотренных лирических произведениях с финальным образом в поэме «Двенадцать», получившим множество разнообразных трактовок в литературной критике, а также трудах философов и богословов, сделано заключение, что Александр Блок, обладающий тонким поэтическим слухом и духовным зрением, с поразительной точностью изобразил нравственную пустоту людей, сотворивших себе кумира из ложной идеи. Стихия разрушения, снежного вихря, породившая «нежный» образ лжехриста, на самом деле таит смертельную опасность для человеческой души.

Ключевые слова: Александр Блок; ранняя лирика; образ Христа; поэма «Двенадцать»; художественное своеобразие; образ-символ; аллегорический смысл; добро и зло

Поэма Александра Блока «Двенадцать», ставшая финальным аккордом его творчества, создавалась автором в январе 1918 г., в разгар революционной бури, в преддверии Гражданской войны. Произведение в полной мере отражает нестройную «музыку революции», которую поэт призывал всем сердцем слушать своих современников. Среди контрастных цветовых сочетаний («черный вечер», «белый снег», «красный флаг») и полифонии разнообразных голосов в финале поэмы является как будто вовсе не свойственный месту и времени, едва уловимый образ «Иисуса Христа», над загадкой которого на протяжении столетия размышляют не только литературоведы, но и философы, богословы. Главным предметом этой научной дискуссии является вопрос о правомерности соотнесения данного художественного образа с образом Христа Спасителя, Богочеловека. Для ответа на него необходимо обратиться к раннему творчеству А. Блока.

Следует отметить, что в творческом наследии русского поэта-символиста образ Иисуса Христа занимает важное место. В первом томе его «Трилогии Вочеловечения», где

доминирует любовная лирика, посвященная абстрактному идеалу воплощенной женственности – Прекрасной Даме, Христос упоминается довольно часто. Однако этот образ в большинстве случаев носит столь же отвлеченный и символический характер, что и Прекрасная Дама. Это дает основание многим исследователям утверждать, что Христос у А. Блока имеет скорее традиционно эстетическое, а не религиозное значение.

Современник поэта К.И. Чуковский высказывал противоречивое суждение о его ранних произведениях. С одной стороны, он считал, что «Его первая книга была самая религиозная книга из всех за десятки лет. В ней, особенно на ее первых страницах, чувствовалась еще сохранившаяся детская вера»: «С глубокою верою в Бога / Мне и темная церковь светла». С другой стороны, К.И. Чуковский отмечал: «Христианство А. Блока было почти без Христа. Даже в тех стихах его первого тома, где сказались его надежды на второе пришествие, внушенные ему Влад. Соловьевым и Андреем Белым, не было упоминания о Христе. Христос хоть и

присутствовал в книге, но еле угадывался в тумане» [1, с. 121].

Воспитанный в благочестивом духе традиционной дворянской семьи, Александр Блок с детства был устремлен к высоким христианским идеалам и чистоте. Поэтому вся несравненная нежность Христа, выше которой ничего не может быть, небывалым образом озаряет поэта в переживании первой любви к Любови Менделеевой [2]:

Ты была светла до странности
И улыбкой – не проста.
Я в лучах твоей туманности
Понял юного Христа [3, с. 110].

Однако такое соединение земной любви с любовью к Господу представляется, с точки зрения православного богословия, весьма опасным, поскольку вводит человека в состояние прелести, удаляет от истинного богопознания. Поэтому вполне закономерно, что дальнейшее развитие мировоззрения А. Блока связано с жестоким борением в его душе юношеских романтических идеалов и неприглядных реалий окружающего мира. Н.С. Кондаков считает, что в стихотворении «Мы все уйдем за грань могил» (1900) поэт открыто сомневается в возможности людей жить по учению Христа и следовать Его заповедям. Говоря о слабости человека, А. Блок имеет в виду склонность его природы к злу [2]:

Любить и ближних, и Христа
Для бедных смертных – труд суровый.
Любовь понятна и проста
Душе неведомо здоровой.

У нас не хватит здравых сил
К борьбе со злом, повсюду сущим,
И все уйдем за край могил
Без счастья в прошлом и в грядущем [3, с. 75].

На наш взгляд, данное стихотворение во многом наследует лермонтовскую традицию осмысления судьбы современного поэту поколения в романе «Герой нашего времени» (1838–1841) и в стихотворении «Дума» (1838):

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее – иль пусто, иль темно <...>
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад [4, с. 87].

При этом у А. Блока, в отличие от М.Ю. Лермонтова, осмысление данной проблемы перенесено из социально-политической плоскости в сферу духовно-нравственную. Поэта-символиста волнует не суд потомков, которые произнесут печальный приговор над «охладелым прахом» его поколения, а то, что его современникам «не хватает здравых сил в борьбе со злом, повсюду сущим». И причина этого духовного бессилия коренится именно в оскудении любви к Богу и людям, то есть в нарушении основополагающих заповедей Христовых.

Важно подчеркнуть, что источник зла А. Блок видит не только во внешнем мире, но и в собственной душе. Стремясь восстановить утраченную душевную гармонию, с 1902 г. поэт в своих произведениях все чаще обращается к религиозной теме, осмысливая значение Иисуса Христа в истории человечества и собственной жизни. В стихотворении «Кто плачет здесь? На мирные ступени» (март 1902), А. Блок словно возвращается к ощущению детской и чистой радости, переживая чудо Рождества Христова. Он видит в этом событии не только исполнение ветхозаветных пророчеств, но и Божественное откровение, благодать, дарованные всем людям на все времена. Ибо с приходом Христа в грешный мир каждому человеку открылся истинный Свет, надежда на милость Божию, спасение и вечную жизнь:

Здесь места нет победе жалких тлений,
Здесь всё – Любовь. В открытые врата
Входите все. Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа [3, с. 229].

Н.С. Кондаков справедливо отмечает, что в этом произведении А. Блок «провождает нас Великую истину о том, что Христос принимает всякого, кто захочет прийти к Нему, признать Его своим Господом и Спасителем, поклониться Ему и принести в дар свое сокрушенное сердце и душу» [2].

Однако трагедия порабощенного грехом человека в том, что, по точному определению Ф.И. Тютчева, «безверием томим и иссушен, невыносимое он днесь выносит: и сознает свою гибель он, и жаждет веры, но о ней не просит» [5, с. 290]. Трагическое раздвоение личности показано в стихотворении,

написанном А. Блоком месяц спустя, в апреле 1902 г.

Люблю высокие соборы,
 Душой смиряясь, посещать,
 Входить на сумрачные хоры,
 В толпе поющих исчезать.

Боюсь души моей двуликой
 И осторожно хороню
 Свой образ дьявольский и дикий
 В сию священную броню.

В своей молитве суеверной
 Ищу защиты у Христа...
 Но из-под маски лицемерной
 Смеются лживые уста [3, с. 234].

Многие исследователи на основании данных строк делают вывод о том, что поэт «не в силах бороться со второй половиной своей души, которая непрестанно зовет его к греховной действительности существующего мира» [2]. М.М. Дунаев связывает духовное смятение лирического героя А. Блока с общим умонастроением эпохи декаданса: «Он и ко Христу склоняется, и о дьяволе память не оставляет. Не все ли равно, кому поклоняться! – так возглашает «век» [6, с. 236]. Нельзя не согласиться: духовные проблемы эпохи отразились в творчестве А. Блока, однако, следует отметить, что приведенное выше стихотворение свидетельствует о полном осознании лирическим героем трагического раздвоения своей личности. А понимание глубины своей греховности есть первая ступень к нравственному восхождению человека.

Теме духовного прозрения и богопознания посвящено стихотворение «Вот Он – Христос – в цепях и розах...», написанное в 1905 г., в год Первой русской революции, и входящее в одноименный поэтический цикл и сборник «Нечаянная радость» (1906). Название сборника вовсе не случайно совпадает с наименованием известной чудотворной иконы Пресвятой Богородицы: художественную структуру иконографического и поэтического текста объединяет общий прием – обрамление, то есть «икона в иконе». Как отмечает искусствовед И.К. Языкова, по принципу «сюжетного включения иконы внутрь происходящего действия построена «Нечаянная радость». Здесь обычно представлен коленапоклоненный человек, мо-

лящийся перед образом Богородицы Одигитрии, давшей ему нравственное прозрение и исцеление [7, с. 98]. Духовное преображение, открытие истинного пути Христова – ведущий мотив стихотворения А. Блока.

Это лирическое произведение, в целом полностью соответствующее художественному методу символизма, содержит в себе множество аллюзий и прямых реминисценций из Священного Писания. Однако в нем, в отличие от большинства произведений эпохи модерна, автор не преследует цели творить «новую прекрасную реальность» в искусстве, оттолкнувшись от знакомых библейских образов. Стихотворение, напротив, поражает неискаженным отражением сути сотериологического учения, которое является фундаментом православного богословия.

Обратимся к лингвостилистическому анализу данного стихотворения.

Вот Он – Христос – в цепях и розах –
 За решеткой моей тюрьмы.
 Вот агнец кроткий в белых ризах
 Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В первом стихе образ Христа предстает перед лирическим героем в неоднозначном контексте: цепи – символ пленения, несвободы и розы – символ почитания (именно белыми розами чаще всего в праздники украшают иконы Спасителя). Во втором стихе мотив несвободы усиливается, но теперь акцент перенесен на самого лирического героя: за решеткой тюрьмы находится он сам, а «агнец кроткий в белых ризах» – символ крестной жертвы Спасителя – смотрит на него с внешней стороны окна. Само тюремное окно – граница миров: с одной стороны – душа лирического героя, а с другой – горний мир, откуда пришел Христос. И цепи, сковывающие Его, символически связаны с темницей души лирического героя, который, созерцая Спасителя, не может впустить Его в свое сердце.

В простом окладе синего неба
 Его икона смотрит в окно.
 Убогий художник создал небо.
 Но лик и синее небо – одно.

Во второй строфе стихотворения изображаемый абстрактный образ Христа кон-

кретизируется: это уже икона, перед которой стоит лирический герой. Небесно-синий фон, традиционно окружающий Лик Господа, и весь Его образ, созданный «убогим художником», призваны переносить человека в горный мир. Профессор Н.И. Ильинская отмечает, что «в системе византийско-христианской символики синий цвет передает Божественное начало, непостижимость тайны, глубину откровения. Лик Христа и небеса у А. Блока сливаются в единое целое, символизируя тайну запредельного» [8, с. 68]. Не случайно иконы называют окном в небесные обители. Таким образом, между лирическим героем и Спасителем две преграды – тюремное окно (закрытая для Бога душа) и «простой оклад» иконы, духовный смысл которой он не способен постичь.

Единый, светлый, немного грустный –
За ним восходит хлебный знак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

В данном четверостишии обращает на себя внимание ряд определений, относящихся к образу Христа: «Единый, Светлый, немного грустный». В них сосредоточена важная мысль о двойственной природе Спасителя – Божественной и человеческой: «Единый» – подчеркивает нераздельность Святой Троицы, второй ипостасью Которой является Бог Сын; «Светлый» – характеризует Господа как источник добра и благодати: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1, 5). Третье же определение указывает на вторую – человеческую природу Христа, Его способность испытывать естественные чувства, в том числе грусть.

Рассматриваемое четверостишие, по мнению Н.И. Ильинской, демонстрирует «динамику переживаний лирического героя – от зрительного восприятия образа Христа к Его духовному постижению в окружающей природе как иконе Бога [8, с. 67]. Интересен тот факт, что пейзажную зарисовку в данном стихотворении, по его собственному признанию, А. Блок создал под влиянием известной картины М.В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею», которая тоже построена по принципу сюжетного включения Богородичной иконы: на полотне изображается Божественное откровение, ставшее началом под-

вижнического пути преподобного Сергия Радонежского. В свою очередь, художник вспоминал об истории создания своей картины: «Как-то с террасы абрамцевского дома моим глазам неожиданно представилась такая русская-русская красота: слева лесные холмы, под ними извилистая аксаковская Воря, там де-то розовеют дали, вьется дымок, а ближе – капустные малахитовые огороды. Справа – золотистая роща» [9, с. 483]. Параллелизм живописного и поэтического пейзажей очевиден. Таким образом, привычная и простая русская природа становится своеобразным внешним окладом, обрамлением иконописного Лица Христа, живой картиной, написанной рукой Создателя.

Глубокую символику заключает в себе образ «хлебного злака», «восходящего» за Иисусом Христом. С одной стороны, это указание на «хлеб насущный», необходимый всем людям, в чем также подчеркивается человеческая природа Спасителя. С другой стороны, «хлебный знак» прочно ассоциируется в сознании христианина с целым рядом Евангельских сюжетов: с насыщением апостолов зерном в день субботний, с притчами о сеятеле, о жатве, наконец, о смерти зерна. При этом следует подчеркнуть, что в Евангельских аллегорических повествованиях злаковое семя, зерно имеет два значения. Во-первых, оно символизирует слово Божие, которому суждено или прорасти в душе человека, либо погибнуть, не затронув его сердца. Во-вторых, прорастающее зерно символизирует «хлеб животный», Тело Христово, подаваемое человеку в Таинстве Евхаристии, чтобы он имел жизнь вечную, ибо Спаситель говорит: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6, 54).

Несмотря на прозрачность символики, принять учение Христово в сердце и следовать за ним – нелегкий нравственный выбор, который должен сделать каждый человек по собственной воле. Данная мысль является отправной точкой первых двух строк следующей строфы:

И все так близко и так далеко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего ока,
Пока не станешь сам как стезя...

В третьей строке автор применяет синекдоху, именуя Христа «синее око». Как было отмечено выше, синий цвет подчеркивает непостижимость и глубину образа, о происхождении которого интересную мысль высказывает Н.И. Ильинская: «Возможно, по аналогии с иконой Спас Ярое Око А. Блок называет свою «синее око». Однако, в отличие от Христа Вседержителя, его Иисус «трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит» (Ис. 42, 3; Мф. 12, 20). Представленные А. Блоком характеристики Русского Христа укоренены <...> в народном сознании... Они ассоциируются с крестом, кротостью, искупительными страданиями Спасителя» [8, с. 67].

Подтверждением справедливости такого суждения служит условная конструкция предложения, в которую включены 3 и 4 стихи строфы: «...не постигнешь..., пока не станешь сам как стезя». На наш взгляд, это прямая реминисценция из Евангельского текста: «Ибо он тот, о котором сказал пророк Исаия: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мф. 3, 3; Лк. 3, 4). Призывая следовать этому завету, А. Блок указывает единственное условие, при котором будет разрушена темница человеческой души, – проложить в своем сердце стезю, по которой сможет войти в него Христос, что в православном вероучении именуется синергией.

Заключительная строфа стихотворения раскрывает смысл предшествующей строки: что значит стать стезей для Господа?

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый знак.

Эти строки адресуют читателя к Заповедям блаженства (Мф. 5, 3-12), важнейшей части Нагорной проповеди Иисуса Христа, которая совершила переворот в общественном сознании ветхозаветного мира. В соответствии с учением Спасителя Царство Божие уготовано тем, кто в земной жизни не стяжал славы, богатства и почета, но обрел смирение, познав свою духовную нищету: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 3) – такова первая Заповедь блаженства. В стихотворении А. Бло-

ка мы видим ее реминисценцию: «Пока таким же нищим не будешь». Девятая (последняя) Заповедь блаженства – «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5, 11) – в поэтической интерпретации звучит так: «Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг». В данном случае в слове «истоптан» сосредоточен обобщенный смысл и закономерный результат упоминаемых в Евангелии действий: «поносить», «гнать», «злословить».

Самой трудной для понимания современного читателя является строка «Обо всем не забудешь и всего не разлюбишь...», поскольку, на первый взгляд, она противоречит заповеди Спасителя о любви к ближним (Мф. 22, 39; Мк. 12,31; Лк. 10, 27; Ин. 13, 34). Однако в рассматриваемом контексте речь идет, прежде всего, о пути следования за Христом, который требует от человека полного самоотвержения, вплоть до разрыва связей с миром. Заповедь о любви к Богу, безусловно, должна в сознании христианина быть выше любви к ближним и самому себе. Поэтому указанная стихотворная строка логически связана с иным Евангельским наставлением Спасителя: «Кто любит отца и мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня...» (Мф. 10, 37-38). Возникающее мнимое противоречие прекрасно разрешил святитель Иоанн Златоуст: «Из всех заповедей Его главная заповедь: возлюбиши Господа Бога твоего, и ближнего твоего яко сам себе. Итак, если любить Бога – значит любить ближнего, так как Спаситель сказал Петру: если ты любишь Меня, паси овец Моих (Ин. 21, 16), а любовь к ближнему имеет плодом своим хранение заповедей, то истинно сказано: в сию обою заповедю весь закон и пророцивися» [10]. Иными словами, истинная любовь к ближнему возможна лишь в Боге.

Не случайно стихотворение завершает образ «мертвого знака», который является аллюзией спасительного крестного подвига Христа: «...Если пшеничное зерно, пав в землю не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Именно к такому пути призывает Спаситель своих учеников и последователей: «Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою

в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Ин. 12, 25).

Таким образом, обзор ранней лирики А. Блока не оставляет сомнений в том, что поэт, невзирая на специфическую творческую манеру символизма, весьма точно передает в своих произведениях не только кризисное мироощущение, свойственное обществу на рубеже XIX и XX столетий, но и глубокое личное постижение сути православного вероучения. В связи с этим особый интерес представляет сопоставление образа Христа в рассмотренных ранее лирических произведениях с финальным образом в поэме «Двенадцать», получившим множество разнообразных трактовок в литературной критике, а также трудах философов и богословов:

...Вперед – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Вперед – Иисус Христос [11].

Религиозный философ П.А. Флоренский утверждал, что «Двенадцать» – «предел и завершение блоковского демонизма», что автор подменил «идеал мадонны» «идеалом содомским», и это выразилось, в том числе, и в искажении имени: «Исус» вместо «Иисус». То есть перед нами Антихрист, тоже духовная сущность, но со знаком «минус». С П.А. Флоренским согласен в оценке смысла финала поэмы профессор Московской духовной академии М.М. Дунаев. Он тоже обращает внимание на пародийный характер образа Христа и его «красных апостолов»: крест подменяется «кровавым флагом», а сами двенадцать «апостолов», несущие «винтовочки стальные», под влиянием страха и тоски стреляют в Христа [6, с. 331].

В свою очередь, советские критики и искусствоведы стремились обосновать исключительно революционный пафос поэмы и ее финала. Так, А.В. Луначарский в статье «Александр Блок» писал: «...В поэме «Двенадцать» А. Блок хотел дать точное изображение подлинно революционной силы, бесстрашно указать на ее антиинтеллигентские, на ее буйные, почти преступные, силы и вместе с тем благословить самым большим бла-

гословием, на которое он был только способен» [12].

Весьма популярной является точка зрения, согласно которой в поэме представлен некий синкретический, компилятивный образ, воплощающий духовный идеал А. Блока. Однако, на наш взгляд, будет точнее сказать, что данный образ отражает духовное бремя, заблуждение автора. Не случайно атеистически настроенная советская критика восприняла блоковского «Иисуса» как «символ ведущей их правды» и подчеркивала, что поэту удалось «увидеть первое сияние грядущей красоты в отталкивающих картинах современности» [13]. Абсурдность подобных трактовок очевидна, поскольку в них происходит опасное смешение добра и зла, света и тьмы, что противоречит истине, о которой напоминает нам Иоанн Богослов: «Бог есть свет и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1, 5).

На наш взгляд, художественное своеобразие поэмы с ее полифонией, множеством попеременно звучащих голосов убеждает в том, что автор не ставил своей задачей отразить собственную точку зрения на революционные события. А. Блок занимает позицию независимого наблюдателя, свидетеля исторического процесса, а не его участника, что было свойственно многим представителям русской интеллигенции начала прошлого века, например, Б. Пастернаку. В этом убеждают нас и публицистические произведения поэта. Так, в статье «Интеллигенция и революция» (9 марта 1918 г.) А. Блок писал: «Дело художника, обязанность художника – видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух». Что же задумано? Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью» [14].

Чрезвычайно важна для понимания смысла финала поэмы логическая связь глав 10 и 11. Их объединяет, прежде всего, мотив идущих красноармейцев и разыгравшейся вьюги, которая «пылит им в очи дни и ночи напролет». Патрульные, в прямом и переносном смысле, идут вдаль, не разбирая дороги, даже не видя друг друга. Физическое и духовное ослепление достигает кульминации в главе 11: «...И идут без имени святого Все

двенадцать – вдале. Ко всему готовы, ничего не жаль...» В этом контексте абсурдно звучит последняя фраза данной главы: «Вперед, вперед, рабочий народ!» Для заблудших душ не имеет значения направление движения: сбитые нравственные настройки не только не позволяют им видеть истинный путь, но и лишают способности отличать добро от зла. Именно такое опасное смещение черного и белого, греховного и праведного заключает в себе оксюморон, характеризующий духовное состояние красноармейцев: «черная злоба, святая злоба», «мировой пожар в крови... Господи, благослови!»

К двенадцати патрульным, которые представляют себя авангардом революционных масс, в полной мере применима евангельская аллегория: «Слепые вожди слепых, а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15, 14). Именно поэтому в финальной главе поэмы нарастают мотивы беспокойства, страха и агрессии. Если в главе 11 «в очи бьется красный флаг» и лишь начинается предчувствие опасности («вот проснется лютой враг»), то в главе 12 образ врага материализуется: «нищий пес голодный» – образ старого мира – превращается в оскалившегося «голодного волка», а это уже явная демоническая ассоциация. Образ красного флага возникает в этом эпизоде во второй раз, но теперь он в руках у невидимого призрака, который передвигается «беглым шагом, хорясь за все дома». Очень важным доказательством того, что красноармейцы лишены ясных представлений о добре и зле, правде и лжи, является тот факт, что незримый образ, держащий в руках красное знамя революции, пугает их, воспринимается ими как враждебный: «Эй, товарищ, будет худо, Выходи, стрелять начнем!». Однако их выстрелы не достигают цели, ибо сама эта цель ложная, мнимая. Поэтому закономерным ответом является эхо, которое «откликается в домах», и выюга, которая «долгим смехом заливается в снегах».

В последней строфе наблюдается явный повтор упомянутых ранее образов-символов. Так, «державный шаг» патрульных символизирует их принадлежность к новой власти, стремящейся создать свою державу: «...Мы наш, мы новый мир построим, – Кто был никем, тот станет всем» [15]. «Голодный пес»

позади – символ не покидающего прошлого, связь с которым не удается разорвать. «Впереди с кровавым флагом» («кровавым», а не просто красным!) движется невидимый для красноармейцев образ «Исуса Христа», в котором узнаются, во-первых, свойства пугающего призрака, мерещившегося им раньше («за выюгой невидим и от пули невредим»), а во-вторых, подчеркнуто выделяются женственные черты, резко контрастирующие с кровавым флагом: «нежная поступь», «жемчужная россыпь», «венчик из роз».

Внутренняя противоречивость, неуместность образа «Исуса Христа» была очевидна и самому А. Блоку, который в записной книжке 18 февраля 1918 г. (вскоре после написания поэмы) писал: «Что Христос идет перед ними – несомненно. Дело не в том «достойны ли они его», а страшно то, что опять Он с ними, и другого пока нет; а надо Другого – ?» (Записная книжка № 56. 18 февраля 1928 г.) [16]. 20 февраля того же года похожая запись: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы «недостойны» Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой» (Запись от 20 февраля 1918 г.) [16]. В этих незаконченных заметках есть два ключевых вопроса: что означает «опять», и кто такой «Другой»? Несомненно, «Другой» – это Антихрист, предсказанный в Священном Писании Нового Завета, который должен явиться в мир перед его концом. И революционные события начала прошлого века многими людьми воспринимались как явления, предшествующие кончине мира.

Ответом на вопрос, что означает слово «опять», может служить евангельское пророчество Спасителя: «...Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24, 24). Данные строки прямо указывают на неоднократное явление на землю лжехристов, один из которых, несомненно, изображен в поэме несущим «кровавое знамение революции». Вместе с тем сам автор не осознает до конца истинной природы описанного им образа, о чем свидетельствует фраза «другого пока нет». Утонченные и нежные черты призрака указывают на то, что его опасность недооцени-

вают прельщенные им люди. Однако, наблюдая его метаморфозы на протяжении поэмы, мы можем констатировать прямую связь данного образа с 12 стихом 12 главы Откровения Ионанна Богослова: «Итак, веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени». Подобное совпадение названия поэмы с номером главы и стиха «Апокалипсиса» вряд ли можно рассматривать как случайность. Таким образом, финал «Двенадцати» приобретает еще один аллегорический смысл: стихия разрушения, снежного вихря, породившая «нежный» образ лжехриста, на самом деле таит смертельную опасность для человеческой души. Сатана и его ангелы начали активно действовать на земле, ибо у них появилась для этого власть, но действовать они будут не прямо, а через нечестивых и духовно слабых людей, которые утратили в сердце образ святости («идут без имени святого»), и поэтому Бог допустит, чтобы через них действовал Антихрист. Характерным признаком отмены Божественного закона любви является внутреннее ощущение вседозволенности, которое испытывают лжеапостолы: «ко всему готовы, ничего не жаль».

М.М. Дунаев проводит прямую аналогию между духовным состоянием автора и представленных в поэме персонажей. Исследователь отмечает: «Характер прелестного видения, пародийность лика, являющегося в конце поэмы «Иисуса» (отметим разрушение спасительного имени) предельно убедительно доказывает состояние страха, тоски и беспричинной тревоги «удостоившихся» такого видения. Этот «Иисус Христос» появляется, как разрешение чудовищного страха, нарастание которого выражено девятикратным окриком на призрак и выстрелами, встреченными долгим смехом вьюги. Страх, тоска и тревога – существенный признак бесовидения, указываемый святоотеческой литературой...» [6, с. 332]. При этом, ссылаясь на воспоминания поэта Г. Иванова, М.М. Дунаев утверждает, что поэма «Двенадцать» стала роковым заблуждением, приведшим к гибели ее автора: «За создание «Двенадцати» А. Блок расплатился жизнью... А. Блок понял ошибку «Двенадцати» и ужаснулся ее непоправимости...»

Перед смертью он бредил об одном и том же: требовал отыскать все экземпляры поэмы и уничтожить ее» [6, с. 333].

Спустя столетие со времени написания поэмы становится ясно, в чем же заключалась непоправимая ошибка «Двенадцати». Воспитанный на богатейшей духовной культуре православия, но вовлеченный в круговорот революционных событий, А. Блок не избег искушения безбожного века, поставив под сомнение Божественную природу Спасителя. Подтверждением тому служит запись в дневнике поэта, в которой излагается замысел пьесы о Христе: «Грешный Иисус... Иисус художник. Он все получает от народа (женственная восприимчивость). «Апостол» брякнет, а Иисус разовьет. Нагорная проповедь – митинг... Иисус задумчивый и рассеянный, пропускает их разговоры сквозь уши: что надо, то в художнике застрянет» (Запись от 7 января 1918 г.) [16]. Не оправдывая роковых заблуждений поэта, следует отметить, что подобные попытки «спустить Христа на землю» были характерны для многих авторов в первые годы советской власти (С. Есенин, В. Маяковский, Д. Бедный и др.).

Непреодолимое стремление к обновлению, сопровождающее любые революционные преобразования, стало частью массового сознания в начале прошлого столетия. При этом вектор общественного движения в подобной ситуации всегда направлен в сторону, противоположную устоявшимся традициям и нормам. Прошлое, в том числе богатый духовный и культурный опыт, начинает восприниматься в негативном свете, что находит отражение в искусстве. Не удивительно, что православие, на протяжении многих столетий являвшееся духовным стержнем русской национальной культуры, подверглось яростной атаке сторонников «нового мира». Образ Христа Спасителя, как и в евангельские времена, стал тем «камнем, который отвергли строители». Однако потребность в духовной пище осталась, поэтому сердца, отвергшие Бога, стали обиталищем духов зла.

Вместе с тем многие исследователи отмечают в финале поэмы предчувствие чего-то светлого, обновляющего, что ассоциируют именно с образом «Иисуса Христа», идущего перед революционным патрулем. Однако на самом деле природа этого неуловимого

ощущения связана не с тем, что наблюдается на земле, а с небесными обителями. В процитированном выше фрагменте Откровения Иоанна Богослова подчеркивается контраст: «Веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море!» Несмотря на неисчислимы бедствия, которым подвергнется род людской, соблазненный диаволом, власть последнего не безгранична, ибо «немного ему остается времени». Александр Блок, обладающий тонким поэтическим слухом и духовным зрением, несмотря на собственные заблуждения, с потрясающей точностью изобразил в своей поэме апокалиптические настроения своей эпохи, нравственную пустоту людей, сотворивших себе кумира из ложной идеи.

Спустя столетие после революционных событий современный читатель имеет возможность разглядеть подлинный духовный смысл финала поэмы. Ушел в прошлое безбожный государственный строй, принесший многочисленные кровавые жертвы на алтарь революции, и Небеса, действительно, возрадовались целому сонму новомучеников и исповедников Церкви Русской. Истинное учение Христово снова свободно проповедуеться в нашей стране, но предупреждение о лжехристах и лжепророках остается актуальным и в наш век, когда враг рода человеческого находит все более изощренные способы воздействия на людские души. И потому следует всегда помнить о наставлении первоверховного апостола Христова Петра: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5,8).

Список литературы

1. Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 8. Литературная критика 1918–1921. М., Терра, 2004.
2. Кондаков Н.С. Образ Иисуса Христа в лирике А. Блока. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-iisusa-hrista-v-lirike-a-bloka> (дата обращения: 23.10.2017).
3. Блок А. Полное собрание стихотворений: в 3 т. М., 2009. Т. 1.
4. Лермонтов М.Ю. Стихотворения; Поэмы; Маскарад; Герой нашего времени. М.: Худож. лит., 1985.
5. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987.
6. Дунаев М.М. Православие и русская литература: Учебное пособие для духовных семинарий / под общ. ред. В.Л. Шленова. Сергиев Посад: Москов. духовная академия, 2009.
7. Языкова И.К. Богословие иконы. М.: Изд-во Общедоступного Православного университета, 1995.
8. Ильинская Н.И. Концепт «Русский Христос» в стихотворении А. Блока «Вот Он – Христос – в цепях и розах...» // Литературный процесс: историческое и современное измерения. Магнитогорск, 2015.
9. Блок А. Собрание сочинений: в 6 т. / сост. и примеч. Вл. Орлова. Л.: Худож. лит., 1982. Т. 1.
10. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. URL: <http://bible.optina.ru> (дата обращения: 29.10.2017).
11. Блок А.А. Двенадцать. URL: <http://rustih.ru> (дата обращения: 20.06.2017).
12. Луначарский А.В. Собрание сочинений: в 8 т. Литературоведение. Критика. Эстетика. Т. 1. Русская литература, доклады, речи (1903–1933). URL: <http://ruslit.traumlibrary.net> (дата обращения: 22.08.2017).
13. Коган П.С. Александр Блок и революция. Памяти поэта. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net> (дата обращения: 20.08.2017).
14. Блок А.А. Интеллигенция и революция. URL: <http://dugward.ru> (дата обращения: 05.06.2017).
15. Потье Э. (перевод – А.Я. Коц) «Интернационал» – международный пролетарский гимн; гимн коммунистических партий, социалистов и анархистов, официальный гимн РСФСР (1918–1944), СССР (1922–1944). URL: <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=intern> (дата обращения: 23.05.2018).
16. Блок А.А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. Дневники. М.: Гослитиздат, 1962.

Поступила в редакцию 23.08.2018 г.

Отрецензирована 24.09.2018 г.

Принята в печать 24.10.2018 г.

Информация об авторе

Грудина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, проректор по научной работе. Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: evgrudinina@mail.ru

Для цитирования

Грудинина Е.В. Трансформация образа Иисуса Христа в творчестве А. Блока: от ранней лирики к поэме «Двенадцать» // Неофилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 54-64. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-16-54-64.

DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-54-64

**JESUS CHRIST'S IMAGE TRANSFORMATION IN THE WORKS BY A. BLOK:
FROM EARLY WORKS TO THE POEM "THE TWELVE"**

Elena Valeryevna GRUDININA

Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church
3 Maxim Gorky St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: evgrudinina@mail.ru

Abstract. We present the analysis the image of Jesus Christ in the early lyric poetry and the final chapters of the poem "The Twelve" by A. Blok from the point of view of Orthodox spiritual thought. The study allows us to conclude that the poet, despite the specific creative manner of symbolism, very accurately conveys in his early works not only the crisis perception of the world, typical of society at the turn of the 19th and 20th centuries, but also a deep personal insight into the essence of Orthodox faith. As a result of comparing the image of Christ in the analyzed lyric works with the final image in the poem "The Twelve", which received many different interpretations in critical literary practice, as well as the writings of philosophers and theologians, we conclude that Alexander Blok with his fine poetic ear and spiritual vision, astonishing accuracy portrayed the moral emptiness of people who had created an idol for themselves from a false idea. The element of destruction, the whirlwind of snow, which gave rise to the "tender" image of the false Christ, in fact poses a mortal danger to the human soul.

Keywords: Alexander Blok; early lyrics; the image of Christ; the poem "The Twelve"; artistic originality; the image-symbol; allegorical meaning; good and evil

References

1. Chukovskiy K.I. *Sobraniye sochineniy: v 15 t. T. 8. Literaturnaya kritika 1918–1921* [Collected Works: in 15 vols. Vol. 8. Critical Literary Practice 1918–1921]. Moscow, Terra Publ., 2004. (In Russian).
2. Kondakov N.S. *Obraz Iisusa Khrista v lirike A. Bloka* [The Image of Jesus Christ in A. Blok's Lyrics]. (In Russian). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-iisusa-hrista-v-lirike-a-bloka> (accessed 23.10.2017).
3. Blok A. *Polnoye sobraniye stikhotvoreniy: v 3 t.* [Complete Collection of Poems: in 3 vols]. Moscow, 2009, vol. 1. (In Russian).
4. Lermontov M.Y. *Stikhotvoreniya; Poemy; Maskarad; Geroy nashego vremeni* [Poems; Masquerade; Hero of Our Time]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1985. (In Russian).
5. Tyutchev F.I. *Polnoye sobraniye stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1987. (In Russian).
6. Dunayev M.M. *Pravoslaviye i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian Literature]. Sergiyev Posad, Moscow Dukhovnaya akademiya Publ., 2009. (In Russian).
7. Yazykova I.K. *Bogosloviye ikony* [Theology Icons]. Moscow, Public Orthodox University Publ., 1995. (In Russian).
8. Ilinskaya N.I. Kontsept «Russkiy Khristos» v stikhotvoreniy A. Bloka «Vot On – Khristos – v tsepyakh i rozakh...» [The concept 'Russian Christ' in A. Blok's poem *Here is Christ in Chains and Roses...*]. *Literaturnyy protsess: istoricheskoye i sovremennoye izmereniya* [Literary process: historical and modern dimensions]. Magnitogorsk, 2015. (In Russian).
9. Blok A. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works in 6 vols.]. Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1982, vol. 1. (In Russian).
10. Ioann Zlatoust. *Besedy na Evangeliye ot Matfeya* [Conversations on the Gospel of Matthew]. (In Russian). Available at: <http://bible.optina.ru> (accessed 29.10.2017).
11. Blok A.A. *Dvenadsat'* [The Twelve]. (In Russian). Available at: <http://rustih.ru> (accessed 20.06.2017).

12. Lunacharskiy A.V. *Sobraniye sochineniy: v 8 t. Literaturovedeniye. Kritika. Estetika. T. 1. Russkaya literatura, doklady, rechi (1903–1933)* [Collected Works: in 8 vols. Literature Studies. Criticism. Aesthetics. Vol. 1. Russian Literature, Reports, Speeches (1903–1933)]. (In Russian). Available at: <http://ruslit.traumlibrary.net> (accessed 22.08.2017).
13. Kogan P.S. *Aleksandr Blok i revolyutsiya. Pamyati poeta* [Alexander Blok and the Revolution. To the Memory of the Poet]. (In Russian). Available at: <http://ruslit.traumlibrary.net> (accessed 20.08.2017).
14. Blok A.A. *Intelligentsiya i revolyutsiya* [Intellectuals and Revolution]. (In Russian). Available at: <https://dugward.ru> (accessed 05.06.2017).
15. Potye E. «Internatsional» – *mezhdunarodnyy proletarskiy gimn; gimn kommunisticheskikh partiy, sotsialistov i anarkhistov, ofitsial'nyy gimn RSFSR (1918–1944), SSSR (1922–1944)* [“The International” – international proletarian hymn; hymn of communist parties, socialists and anarchists, official hymn of the RSFSR (1918–1944), USSR (1922–1944)]. (In Russian). Available at: <http://www.sov-music.ru/text.php?fname=intern> (accessed 23.05.2018).
16. Blok A.A. *Sobraniye sochineniy: v 9 t. T. 7. Dnevnik* [Collected Works in 9 vols. Vol. 7. Diaries]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1962. (In Russian).

Received 23 August 2017

Reviewed 24 September 2018

Accepted for press 24 October 2018

Information about the author

Grudinina Elena Valeryevna, Candidate of Philology, Vice-Rector for Research. Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church, Tambov, Russian Federation. E-mail: evgrudinina@mail.ru

For citation

Grudinina E.V. Transformatsiya obraza Iisusa Khrista v tvorchestve A. Bloka: ot ranney liriki k poeme «Dvenadtsat'» [Jesus Christ's image transformation in the works by A. Blok: from early works to the poem “The Twelve”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 54–64. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-16-54-64. (In Russian, Abstr. in Engl.).

DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-65-72
УДК 82-1/-9

«АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ РОКК»: ГЛАВКОМ РККА С.С. КАМЕНЕВ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ В ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА»

Владимир Викторович КОЛЧАНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация. Описываются историко-политические прототипы, послужившие материалом для создания ярких и запоминающихся образов в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: А.С. Рокка (главком Рабоче-Крестьянской Красной армии С.С. Каменев), Полайтиса (маршал М.Н. Тухачевский), Шукина (А.И. Егоров), «рыжеусого шофера» (талантливый ученый-изобретатель, инженер III ранга П.К. Ощепков). Определяются театральные жанровые источники, повлиявшие на создание образов: мистерия, фарс, буфф, пантомима. Исследуется сатирическая, гротескная природа текста. В рамках фарса и буффа рассматривается Первый Московский процесс, в орбиту действия которого попадают прототипы. Затрагиваются вопросы композиции и жанра, ставится проблема атрибуции повести. К источниковедческой базе произведения добавляются: оккультный роман А. Кроули «Лунное Дитя», рассказы А. Шнитцлера «Рок», У. Аллена «Роковой опыт», Р. Маркети «Изобретение профессора Картера», Р. Пресбера «Последний пир последнего из Бирковичей», Б. Лавренева «Отрок Григорий». Используются отсылки к знаковым системам египетской «Книги мертвых» и сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Раскрываются игровые возможности модернистской прозы.

Ключевые слова: мистерия; мистификация; буфф; фарс; сказ; гротеск; С.С. Каменев; М.Н. Тухачевский; А.И. Егоров; И.В. Сталин

Окончание. Начало в т. 4, № 15.

Облачение маршалов выглядело смехотворным, таким же, как и их главкома. С одной стороны, «25-зарядный поясной пулеметик» выдавал в Полайтисе советского военного самокатчика, элитного воина с довольно редким вооружением – 25-зарядным автоматом Федорова, бывшим на вооружении спецвойск в 1920–1928 гг. и в 1940 г., с другой – немецкого мотоциклиста 1934–1938 гг. В 1934–1938 гг. универсальный германский пулемет G-34 (находящийся в массовом производстве с 1934 г. вплоть до окончания Второй мировой войны) в ручной модификации использовался с отдельными обоймами по 25 патронов в каждой. Если же посмотреть на такие детали облачения, как охотничий рожок и желтые гетры (советские самокатчики носили сапоги), то карикатура на «врагов народа» получалась исключительно блестящая – так выглядели фельдъегеря, военная полиция вермахта. А то, что немецкие фельдъегеря с «врагами народа» могли находиться в отношениях, что называется, на «ты», можно было не сомневаться – М.Н. Ту-

хачевский и А.И. Егоров бывали в должности командированных в Германию и принимали активное участие в военном сотрудничестве между странами.

«Врагами народа» тогда становились многие: военные, врачи, ученые, политики, но только формулировка «военно-фашистский заговор» могла усугубить степень вины подсудимого и привести к неминуемому расстрелу. Причины могли быть следующие. В условиях второй половины 1930-х гг. заговор осложнялся вхождением его представителей в группу создателей новой военной доктрины – теории «глубоких форм военных действий», варианта советского оборонительного блицкрига. В художественной литературе эта теория была великолепно отражена в довоенном романе Н.Н. Шпанова «Первый удар. Повесть о будущей войне» (1939) – осмысленном отражении идеи ведения крупномасштабной европейской войны. А это настораживало и даже пугало. Добавляло страха создание заградительной завесы под аббревиатурой ПВО (противовоздушная оборона): универсальной системы, состоящей из средств радиолокации, истребителей-перехватчиков,

зенитно-ракетного комплекса и прожекторов. Руководителем ракетных испытаний стал бывший подчиненный С.С. Каменева по Западному фронту, заместитель наркома обороны М.Н. Тухачевский, а вот командовать всеми подразделениями ПВО с 3 января 1936 г. по приказу наркома обороны пришлось бывшему главкому. Опыт, напомним, имелся – начиналась карьера С.С. Каменева с должности военрука заградительной завесы на Смоленщине. В обстановке строжайшей секретности на полигоне под Москвой и ее окраинах устанавливалась техника, завозились прожектора, аэростаты, размещались подразделения воздушного наблюдения, оповещения и связи, разбивались площадки для самолетов-перехватчиков, в образованном «Опытном секторе ПВО по разведке и наведению» велась активная работа по созданию первого советского радара.

В истории военной техники радар получил секретное название «Ревень» и начал разрабатываться инженером 3 ранга П.К. Ощепковым в границах пункта противовоздушной обороны Москвы под личным наблюдением начальника Управления ПВО командарма 1 ранга С.С. Каменева. Первоначально прибор состоял из трех ящиков (излучатель, приемник, устранитель помех) и антенны, мог переноситься одним–двумя людьми и принадлежал к однопунктным устройствам наведения. В августе 1936 г. С.С. Каменев неожиданно умер, «опытный сектор» передали в Техническое управление Рабоче-Крестьянской Красной армии, а П.К. Ощепкова в июле 1937 г. арестовали по «делу М.Н. Тухачевского» [1]. Насколько тяжелы были обвинения его в антигосударственной измене, можно было судить по тому факту, что реабилитирован он был «лишь заключением Прокуратуры СССР от 5 октября 1989 г., а также заключением Главной военной прокуратуры от 13 ноября 1992 г.»¹.

Где же мог располагаться трехкамерный прибор Каменева–Ощепкова? Не имея документальных данных и понимая, какой секретностью обладала военная операция по развертыванию новой системы обороны – средств ПВО, можно только предполагать и

догадываться. В чем нам и может помочь повесть М.А. Булгакова. Усадьба Шереметевка и деревня Концовка, куда привозят на грузовичке три камеры Персикова, в реальности находилась не в Смоленской области, а в Московской, точнее, на окраине Москвы. Мы имеем в виду усадьбу Шереметево в Останкинском районе, вошедшем в состав Москвы в конце XIX века. Доводы здесь следующие. Во-первых, Останкино является центром российской космонавтики, в нем до сих пор располагаются предприятия по производству ракетного оборудования. Во-вторых, усадьба графа Шереметева имеет пруд, оранжереи и теплицы, где в старину выращивались цветы и различные экзотические фрукты. В-третьих, деревня Концовка у М.А. Булгакова, как писателя-модерниста, по смыслу производится из названия: Останкино = останки + но = Концовка. И наконец, в-четвертых, Шереметевский дворец славился тем, что он был построен по проектам лучших театров XVIII века, – его владелец Н.П. Шереметев создал уникальный музыкальный театр-усадьбу. Безусловно, М.А. Булгаков, завзятый театрал, не представляющий театра без музыки, не мог не оценить такого архитектурного шедевра. Кстати, первая музыкальная пьеса, опера «Зельмира и Смелон, или Взятие Измаила» (1795) на слова П. Потемкина и музыку О. Козловского, воспроизводила историю счастливой любви полковника Смелона и красавицы-турчанки, – и заканчивалась общими танцами русских, турок и турчанок. Чем не пародировала эту всеильную любовь шутовская пара – Рокк и задуманная в зарослях у пруда Маня (по сути в парке усадьбы Шереметева)? В черную шутку, тот же музыкальный жанр – опера – и танцевальный жанр – вальс – сопровождали теперь ее трагический конец.

Велика сила театра. Когда писались «Рокковые яйца», еще не были забыты поиски символистами театра-храма, дарующего преобразование человека по законам религиозного действия, теургов, способных изменять ход человеческой истории. Первая мировая война и революции разрушили эти надежды. Театр, как средство преобразования человечества в постсимволизме, перестал существовать. Поэтому открытие, совершенное Персиковым, превратилось в экзерсис символистской

¹ Ощепков Павел Кондратьевич. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ощепков,_Павел_Кондратьевич (дата обращения: 22.03.2018).

идеи: профессор стал не теургом, а «лукавым демиургом», автором «противосотворения» мира» «с пагубными последствиями» [2, с. 124], и он же разбудил старый античный рок в лице советского Рокка, трикстера, закаляющего прочность нового государственного строя шутовской жертвой.

Александр Семенович и вести себя в Шереметевке стал по-новому, – неузнаваемо преобразился внешне и внутренне. Он снял старую одежду, в которой был – черную кожаную двубортную куртку с зелеными штанами и красноармейскими штиблетами (какую должен был носить С.С. Каменев в качестве военного руководителя Невельского района Западной завесы), оставил допотопный маузер (ввиду его ненужности в новых стратегических условиях) и попытался преобразить мир магическими средствами – игрой на флейте и снесением экзотического яйца.

Но вместо преображения вышло «великое освобождение» – выход подземного мира на поверхность. В повести этот выход имеет все намеки на мистерию освобождения, свершающуюся в египетской «Книге мертвых» и ее сказочной версии из «Тысячи и одной ночи».

С египетской «Книгой мертвых», следует сразу отметить, связан персонаж Птаха-Поросюк. Птаха-Поросюк – чиновник, которому принадлежит незавидная роль оккультного манипулятора в деле с импортными яйцами. По первой части его фамилия является аллюзией на бога древнего Египта Птаха. Во времена, предшествующие культу Озириса, этот подземный бог правил бал в пространстве подземного мира – в ритуале погребения. В египетской «Книге мертвых», которую получило в духовное наследие современное человечество, его спутниками являлись огромные змеи, крокодилы и страусы, то есть те же самые рептилии и птицы, которые делали кладки в «Роковых яйцах». Причем змеи, встречающие новоиспеченную душу, являлись самыми опасными существами. Они могли ужалить, а еще страшнее – проглотить, что останавливало покойника на его пути к бессмертию.

В «Роковых яйцах» змеи, крокодилы и страусы, вылупляющиеся из яиц, воссоздают

панораму книги древней цивилизации², а первая, самая крупная змея анаконда, встреченная Рокком и проглотившая его жену, очень напоминает «огромного змея Ререку, который жил в самой темной части Потустороннего Мира... имел множество обличей и множество имен, но самая ужасная из его форм называлась Апеп» (глава XXXIX). Стоит предположить, что в раме египетской магии именно Апеп является Персикову из сообщений газет:

«Персиков, разноцветный, иссиня-бледный, с сумасшедшими глазами, поднялся с табурета и, задыхаясь, начал кричать:

– Анаконда... анаконда... водяной удав! Боже мой! – в таком состоянии его еще никогда не видали ни Иванов, ни Панкрат.

Профессор сорвал одним взмахом галстук, оборвал пуговицы на сорочке, побагровел страшным параличным цветом и, шатаясь, с совершенно тупыми стеклянными глазами ринулся куда-то вон. Вопль разлетелся под каменными сводами института.

– Анаконда... анаконда... – загремело эхо.

– Лови профессора! – взвизгнул Иванов Панкрату, заплывавшему от ужаса на месте. – Воды ему... у него удар».

А теперь посмотрим на зоологическое описание этого вида змеи. Оно поможет нам лучше увидеть не только точность, с какой описывается охотничье поведение змеи, но и ощутить царящий в стране ужас, принимающий в повести характер литературной фантазмагии:

«Подобно всем удавам, анаконда неподвижно поджидает добычу, а когда та приблизится, хватает ее молниеносным броском и душит, обвив кольцами тела (вопреки распространенному мнению, анаконда, как и другие удавы, не раздавливает жертву и не ломает ей кости, а сжимает ее и не дает дышать, и та погибает от удушья). Как и все без исключения змеи, анаконда заглатывает добычу целой, сильно растягивая при этом пасть и глотку»³.

И еще:

---

² Подробнее о древнеегипетских представлениях о мире мертвых см.: [3] и другие издания.

³ Анаконда. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Анаконда> (дата обращения: 22.03.2018).

«Анаконда может извергнуть уже проглоченную пищу очень быстро, если ей угрожает какая-либо опасность или кто-либо нарушает ее покой, сообщает Digital Journal. В первое время после принятия пищи змея неповоротлива, а освобождение от «тяжести в животе» поможет ей вновь стать мобильной и быстро уползти»⁴.

Так булгаковский гений соединял в повести insult, экстраординарное видение, герпетологию, историческое лицо и египетскую инициацию. Не только прототип профессора Персикова (В.И. Ленин), но и другие прототипы: Рокка (С.С. Каменев), жены Рокка Мани (подвергшаяся репрессиям жена С.С. Каменева), Полайтиса (М.Н. Тухачевский), Шукина (А.И. Егоров), шофера, привезшего ящики (П.К. Ощепков), – все испытали на себе эти удушливые объятия змеино-партийной удавки И.В. Сталина.

Поэтому опыт с яйцами в показательном совхозе мог стать для его посвященного читателя, с одной стороны, аллегорией исправления политических ошибок, искупления политической и воинской вины, смыаемых собственной кровью и кровью своих семей (в образе Мани), с другой – злой карикатурой на троцкистский реванш, на еще одну попытку навязать идею мировой революции, с которой вновь пришлось бороться сообща – и армией (возглавляемой с 1925 по 1940 г. наркомом К.Е. Ворошиловым), и усилиями Первой Конной во главе с С.М. Буденным («конной громадой», «ставшей изнемогать» к концу 1930-х гг. в результате технической модернизации), и магией «Морозного бога на машине» – И.В. Сталина, уже в далеком 1920 г. сколотившего альянс – в то время с руководителями Первой Конной – С.М. Буденным и К.Е. Ворошиловым: все трое в польской войне пошли вразрез с указаниями Л.Д. Троцкого и С.С. Каменева.

С египетской «Книгой мертвых» Александр Семенович Рокк состоит в тесных отношениях не только через крокодилово-змеиную тематику – искусство быть растерзанным или проглоченным: в жизни его прототип таковым и стал. Сама память о нем и его деятельности, как мы сказали, подлежала уничтожению – искусству растаптывания и

стирания, а аллегорией растаптывания и стирания мог выступать страус из «Книги мертвых».

Кроме того, сказочной стороной страус мог ассоциироваться с «птенцом гигантского рока (руха, арруха)»⁵ из средневековых европейских легенд и сборника арабских сказок «Тысячи и одной ночи» (который упоминался выше). В 405-й ночи («Рассказ о яйце птицы рухх») съеденное мясо птенца, находящегося в гигантском яйце рока, возвращало старикам молодость и силы, а в 556-й ночи (из Пятого путешествия Синдбада) убийство такого зародыша служило причиной гибели мореплавателей от клювов взрослых особей; эти аллюзии, возможно, создавались мифологической памятью писателя-модерниста и увеличивали в повести мистериально-жертвенное начало.

Но самой интересной историей, связанной с птицей рок, можно считать сказку, рассказанную Шахерезадой в течение 543–545 ночей (Рассказ о втором путешествии Синдбада). В ней Синдбад, привязанный веревкой от тюрбана к ноге рока, попал в долину «горы алмазного камня», в место охоты птицы на «огромных змей с большим телом». Именно с этим эпизодом замечается наибольшее сходство булгаковского повествования. И изменения на солнце случаются схожие, и змеи на острове попадают размером с анаконду, и реакция от встречи с ними напоминает булгаковскую. Мы выделим те места в сказке Шахерезады, которые, по нашему мнению, являются важной составляющей «Роковых яиц». И хотя история путешествия Синдбада-морехода имеет национальные корни и уходящие в старину народные, прамусульманские представления арабов об аде и рае, она дает нам возможность взглянуть на содержание повести глазами того неповторимого страха и ужаса, каким наполнена волшебная сказка:

«Роковые яйца»:

«Сероватое и оливковое бревно начало подниматься из их чаши, вырастая на глазах. Какие-то мокрые желтоватые пятна, как показалось Александру Семеновичу, усеивали бревно. Оно начало вытягиваться, изгибаясь и шевелясь, и

⁴ Как анаконда за полторы минуты свою жертву выплевывала. URL: <http://news.ukrhome.net/content/17206073/> (дата обращения: 22.03.2018).

⁵ См. «Эфиопскую легенду о сыне Соломона и царице Савской» в [4].

вытянулось так высоко, что перегнало низенькую корявую иву... Затем верх бревна надломился, немного склонился, и над Александром Семеновичем оказалось что-то напоминающее по высоте электрический московский столб. Но только это что-то было раза в три толще столба и гораздо красивее его благодаря чешуйчатой татуировке. Ничего еще не понимая, но уже холодея, Александр Семенович глянул на верх ужасного столба, и сердце в нем на несколько секунд прекратило бой. Ему показалось, что мороз ударил внезапно в августовский день, а перед глазами стало так сумеречно, точно он глядел на солнце сквозь летние штаны <...>

Рокк видел совершенно отчетливо: Маня стала желто-белой, и ее длинные волосы как проволочные поднялись на пол-аршина над головой (выделено мною. – В. К.).

«Рассказ о втором путешествии Синдбада:

«...и вдруг солнце скрылось, и воздух потемнел, и солнце загордилось от меня. И я подумал, что на солнце нашло облако (а это было в летнее время), и удивился и поднял голову, и, посмотрев в чем дело, увидел большую птицу с огромным телом и широкими крыльями, которая летела по воздуху, – и она покрыла око солнца и загордила его над островом <...>

И вся эта долина была полна змей и гадюк, каждая из которых была как пальма, и они были так велики, что если бы пришел к ним слон, они бы, наверное, проглотили его <...>

И я осмотрелся в пещере и увидел огромную змею, которая лежала посреди нее на яйцах, и тут волосы встали дыбом у меня на теле, и я поднял голову и вручил свое дело судьбе и предопределению (выделено мною. – В. К.)»⁶.

С одной из таких сказочных историй коннотирует, видимо, и «капитан дальнего плавания и сотрудник газеты «Вестник промышленности» при совете народных комиссаров» В.М. Степанов; настоящая, массовая гибель его партии старых большевиков-мореплавателей от клюва, когтей и крыльев гигантского рока обыгрывается М.А. Булгаковым в 7-й главе, с характерным названием «Рокк». В ней писатель гротескно-аллегорически маркировал историческую работу «чрезвычайной комиссии по борьбе с куриной чумой», «переименованную в чрезвычайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства в республике».

⁶ Рассказ о втором путешествии, 542–546 ночь // Тысяча и одна ночь. URL: <https://besedinpawel.ru/rasskaz-o-vtorom-puteshestvii-542-546-noch/> (дата обращения: 21.03.2018).

чайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства в республике», «пополняющуюся новой чрезвычайной тройкой, в составе шестнадцати товарищей». Для введения в заблуждение советской цензуры полицейский подтекст М.А. Булгаков затушевывал – «шестнадцатью товарищами» в 1925 г., в год первой публикации повести, называлось «Общество шестнадцати», объединившее художников «разных направлений» после распада объединения «Мир искусства» в 1922 г., тем более, что в 1925 г., после трехлетнего функционирования нового общества, советская печать подчеркивала его полную идеологическую аморфность⁷. А вот во второй половине 1930-х гг. относительно нового состава «шестнадцати товарищей» вряд ли кто из советских людей мог заблуждаться. В метафоре «чрезвычайная тройка» содержался явный намек на «дело Троцкого–Зиновьева–Каменева», а «состав шестнадцати товарищей» намекал на самый громкий процесс, связанный с разгромом сталинской оппозиции.

Дело в том, что 19–24 августа 1936 г. произошла первая глобальная, образцово-показательная волна чисток партийных рядов, названная в истории политических репрессий в СССР Первым Московским процессом, или процессом «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». И касалась она самых «подлых убийц» и «гадин», «шпионов», «агентов Троцкого» и «гестапо», давно «пригревшихся» в партии Ленина–Сталина: Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева и других членов этого «центра». Это был первый открытый процесс, устроенный перед иностранными журналистами, как его тогда называли – «процесс 16-ти», сфабрикованный из ложных показаний и обвинений Прокуратуры СССР («чрезвычайной комиссии по борьбе с куриной чумой»), передавшей 15 августа 1936 г. дело «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР («переименованной в чрезвычайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства в республике»). В СССР процесс освещали официальные газе-

⁷ «Физиономия общества пестра. – Писал тогда журнал «Красная панорама». – Программа его еще не зафиксирована никакими декларациями» (Общество шестнадцати // Красная панорама. 1925. № 1. С. 9).

ты «Правда» и «Известия», да так, что «мороз пробежал по коже»: чудовищная вакханалия, поток лжи и клеветы захлестнули информационное пространство страны и мира. Сталинский натиск был настолько мощным и обескураживающим, что напрямую соотносился с аллегорической ситуацией в «Роковых яйцах». Вот как, например, описывается «процесс 16-ти» в исследовании В.З. Роговина:

«С этого дня (15 августа. – В. К.) в печати стали публиковаться многочисленные статьи и резолюции «митингов трудящихся», в которых не только говорилось о вине подсудимых как неоспоримо доказанной, но и фактически предreshался приговор над ними. «Смрадом бандитского подполья дышит на нас дело Троцкого–Зиновьева–Каменева. – Писала «Правда». – Гадина подползает к тому, что для нас дороже всего... Раскрыта связь зиновьевцев с заграничной контрреволюционной организацией Троцкого, систематическая связь с германской фашистской охранкой (гестапо)... Нет пощады, нет снисхождения для врагов народа, пытавшихся отнять у народа его вождей. Слово принадлежит закону, который знает только одну меру для преступлений, совершенных троцкистско-зиновьевской бандой». Подобная фразеология присутствовала и в «откликах» на сообщение о предстоящем процессе известных писателей, ученых, артистов и «знатных людей из народа».

<...> Суммируя наблюдения, содержащиеся в статьях присутствовавших на суде зарубежных журналистов, Л. Седов писал:

«Старики сидели совершенно разбитые, подавленные, отвечали приглушенным голосом, даже плакали. Зиновьев – худой, сгорбленный, седой, с провалившимися щеками. Мрачковский харкает кровью, теряет сознание, его выносят на руках. Все они выглядят затравленными и вконец измученными людьми. Молодые же... ведут себя бравадно-развязно, у них свежие, почти веселые лица, они чувствуют себя чуть ли не именинниками. С нескрываемым удовольствием рассказывают они о своих связях с гестапо и всякие другие небылицы» [5].

Конечно, как пронизательный и тонкий сатирик, находящийся под покровительством развязавшего этот процесс, М.А. Булгаков мог передать его только эзоповым языком, и вряд ли кто мог догадываться, что произведение, написанное якобы в 1924 г., кодировало сатиру на современность, тем более, что и те «неистовые ревнители пролетарской чистоты», уловившие антисоветские тенден-

ции в творчестве писателя и развязавшие кампанию травли в 1920-е гг. против него, готовились уже уходить, по образу и подобию М. Берлиоза из «Мастера и Маргариты», «в небытие»: Л. Авербах, Г. Лелевич, М. Лиров.

Все «16» участников «троцкистско-зиновьевского центра» во главе с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым были расстреляны по приговору 25 августа, и в тот же день, по странному стечению обстоятельств, бывший главком РККА С.С. Каменев умер от инфаркта, а буквально на следующий день, пренебрегая трехдневным сроком погребения, его тело кремировали и захоронили в колумбарии кремлевской стены.

Но история «типа» Рокка на этом не закончилась. Ввиду его символичности следует сказать несколько слов об одном небезызвестном деятеле ЧК – В.Н. Меркулове. Через два года, в сентябре 1938 г., из ЦК партии Грузии В.Н. Меркулов был вызван Л.П. Берией в Москву и принят на должность заместителя начальника ГУГБ СССР, в феврале 1941 г. стал народным комиссаром государственной безопасности СССР. После смерти И.В. Сталина его как пособника Л.П. Берии признали виновным в государственных преступлениях и расстреляли. Причем отношение к нему государственных органов не изменилось и в наши годы: Военной коллегией Верховного суда РФ от 29 мая 2002 г. Берия Лаврентий Павлович и Меркулов Всеволод Николаевич были признаны не подлежащими реабилитации⁸.

К повести «Роковые яйца» он не имел бы никакого отношения, если бы не одно «но». В истории советской драматургии В.Н. Меркулов оставил две пьесы, – одну, написанную в 1927 г., – о борьбе американских рабочих, вторую – «Инженер Сергеев» (о подрыве ГЭС в первые месяцы войны), созданную в 1941 г. под псевдонимом Всеволод Рокк⁹. Насколько случаен сам факт совпадения его литературной фамилии с фамилией нашего

⁸ Выписка из определения Военной коллегии Верховного суда РФ № бн-00164/2000 от 29.05.2002. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1021932/158/Suhomlinov_Kto_vy%2C_Lavrentiy_Beriya%3F_Neizvestnye_stranicy_ugolovnogo_dela.html (дата обращения: 21.03.2018).

⁹ Меркулов Всеволод Николаевич. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Меркулов,_Всеволод_Николаевич (дата обращения: 21.03.2018).

персонажа Александра Семеновича – судить сложно. Местонахождение текста первой пьесы в связи с его расстрелом и сменой власти в КГБ не установлено, время появления псевдонима выяснить невозможно.

Таким образом, тени главнокомандующего РККА С.С. Каменева и его ближайших сподвижников А.И. Егорова и М.Н. Тухачевского легли на весь дочерний сюжет, связанный с деятельностью протагониста А.С. Рокка в повести. Командармы, еще со времен Гражданской войны разошедшиеся во взглядах с И.В. Сталиным, стали прототипами персонажей булгаковской повести «Роковые яйца» и одновременно эстетическим заказом вождя.

Уничтожение политической оппозиции в лице их армейских представителей в 1930-е гг. потребовало нивелировки их военных заслуг и стирания памяти в сознании современников, чему послужили возможности сатирического искусства. Такими возможностями обладала скрытая карикатура, сотканная из театральных жанров фарса и буффа. Огромный литературный и мифологический контекст, фантастическая фабула, свернутый хронотоп перегрузили сознание читателя, создали текст суггестивного типа и способствовали хронологической мистификации.

Для писателя, состоявшего в прошлом в членах Белого движения, такой поворот дел оказался благоприятным фактором для сведения счетов со своими давними противниками, восхождения на литературный олимп и поправки своего материального положения.

Список литературы

1. *Голотюк В.* Ученый, конструктор, изобретатель... Он работал на «оборонку» даже в «шаражке» // Военно-промышленный курьер. 2008. 9 июля.
2. *Элиаде М., Кулиано И.* Словарь религий, обрядов и верований (Миф, религия и культура). М.: Рудомино; СПб.: Университетская книга, 1997. 415 с.
3. *Бадж Уоллис Е.А.* Путешествие души в царство мертвых. Египетская книга мертвых. М.: Изд-во Царева В.П., 2000.
4. *Веселовский А.Н.* Мерлин и Соломон: Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. М.: ЭКСМО-Пресс; СПб.: Terra Fantastica, 2001. С. 383-390, 796.
5. *Роговин В.З.* 1937. URL: <https://profilib.net/chtenie/139760/vadim-rogovin-1937-lib-10.php> (дата обращения: 21.03.2018).

Поступила в редакцию 20.04.2018 г.
Отрецензирована 15.05.2018 г.
Принята в печать 29.07.2018 г.

Информация об авторе

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Для цитирования

Колчанов В.В. «Александр Семенович Рокк»: главком РККА С.С. Каменев и его окружение в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Нефилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 65-72. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-65-72.

**“ALEKSANDR SEMENOVICH ROKK”: CHIEF COMMANDER OF THE WORKERS’
AND PEASANTS’ RED ARMY S.S. KAMENEV AND HIS SURROUNDINGS
IN THE NOVEL BY M. BULGAKOV “THE FATAL EGGS”**

Vladimir Viktorovich KOLCHANOV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Abstract. The historical and political prototypes are the material for the creation of bright and memorable images in the novel by M.A. Bulgakov “Fatal eggs” are described: A.S. Rokk (chief commander of the Workers' And Peasants' Red Army S.S. Kamenev), Polaitis (Marshal M.N. Tukhachevsky), Shchukin (A.I. Egorov), “red-moustached driver” (a talented scientist-inventor, engineer of III rank P.K. Oshchepkov). We determine theatrical and genre sources that influenced the creation of images: mystery, farce, buffo, pantomime. The text satirical and grotesque nature the is investigated. In the framework of the farce and buffo the First Moscow process where the prototypes are is considered. The composition and genre issues are touched upon, the problem of attribution of the story is raised. To the source base of the work are added: occult novel by A. Crowley “Moonchild”, stories by A. Schnitzler “Rock”, U. Allen “Fatal Experience”, R. Market “Invention of Professor Carter”, R. Presber “Last Feast of the Last of Birkovich”, B. Lavrenev “The Child Gregory”. References to the iconic systems of the Egyptian “Book of the Dead” and the collection of Arab fairy tales “One Thousand and One Nights” are used.

Keywords: mystery; mistification; buffo; farce; narration; grotesque; S.S. Kamenev; M.N. Tukhachevskiy; A.I. Egorov; I.V. Stalin

References

1. Golotyuk V. Ucheniy, konstruktor, izobretatel'... On rabotal na «oboronku» dazhe v «sharazhke» [Scientist, constructor, inventor... He works for “defense” even in shady business establishment]. *Voенно-promyshlenniy kur'er* [Military and Industrial Courier], 2008, June 9. (In Russian).
2. Eliade M., Kuliano I. *Slovar' religiy, obryadov i verovaniy (Mif, religiya i kultura)* [Dictionary of Religion, Rituals and Beliefs (Myth, Religion and Culture)]. Moscow, Rudomino Publ., St. Petersburg, “Universitetskaya kniga” Publ., 1997, 415 p. (In Russian).
3. Badzh Uollis E.A. *Puteshestvie dushi v tsarstvo mertvykh. Egipetskaya kniga mertvykh* [Spiritual Wandering in the Underworld. Egyptian Book of the Dead]. Moscow, Tsarev V.P. Publ., 2000. (In Russian).
4. Veselovskiy A.N. *Merlin i Solomon: Slavyanskie skazaniya o Solomone i Kitovrase i zapadnye legendy o Morol'fe i Merline* [Merlin and Solomon: Slavic Stories about Solomon and Centaur and West Legends about Morolf and Merlin]. Moscow, EKSMO-Press Publ., St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2001, pp. 383-390, 796. (In Russian).
5. Rogovin V.Z. *1937*. (In Russian). Available at: <https://profilib.net/chtenie/139760/vadim-rogovin-1937-lib-10.php> (accessed 21.03.2018).

Received 20 April 2018

Reviewed 15 May 2018

Accepted for press 29 June 2018

Information about the author

Kolchanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

For citation

Kolchanov V.V. «Aleksandr Semenovich Rokk»: glavkom RKKa S.S. Kamenev i ego okruzhenie v povesti M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» [“Aleksandr Semenovich Rokk”: chief commander of the Workers’ and Peasants’ Red Army S.S. Kamenev and his surroundings in the novel by M. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 65-72. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-65-72. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ПОЭТИКА «ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ» В РОМАНЕ Б. ШЛИНКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

Наталья Леонидовна ПОТАНИНА, Ксения Юрьевна ГОРЯЧЕВА
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Аннотация. Новизна и актуальность исследования обусловлены тем, что в ней проведен поэтологический анализ романа «Возвращение» современного немецкого писателя Б. Шлинка в ракурсе проблемы «вставных конструкций» как принципа организации художественного текста в романе новейшего времени. Сформулирована актуальная задача исследования творчества Б. Шлинка в свете проблем неклассической художественности, а также в связи с необходимостью выявления особенностей художественного осмысления важных социально-политических процессов современной эпохи. В результате проведенного анализа показана новая поэтологическая значимость «вставных конструкций», ставших существенным элементом текстовой организации романа «Возвращение». Установлено, что нарратив и «вставные конструкции» не просто наслаиваются друг на друга в тексте романа, но взаимопроникают и взаимодействуют друг с другом, порождая тем самым новые оттенки и новые сочетания смыслов, – что позволяет художественно выразить сложность и калейдоскопичность современного мира. Тем самым обоснована включенность современного немецкого романа в общий для искусства процесс выработки адекватных поэтологических средств, направленных на отражение изменившихся представлений о человеке и мире.

Ключевые слова: Б. Шлинка; роман «Возвращение»; «вставная конструкция»; жанровая парадигма; «память жанра»; неклассическая художественность; интеллектуальный фашизм

Одной из характерных особенностей современной прозы является тенденция к обновлению способов конструирования художественного текста, что связано с новым пониманием взаимоотношений между искусством и действительностью, автором и читателем. Действенным способом выражения этих новых взаимоотношений становится конструирование текста по принципу свободного «рассказывания». В таком повествовании, как и в жизни, возможны отвлечения от основного сюжета, введение новых рассказчиков, а значит, и новых точек зрения, спонтанное припоминание рассказчиками новых сюжетов и их подробностей, смешение и/или смещение временных и пространственных пластов и т. п. Эти актуальные сегодня возможности нарратива реализуются благодаря использованию с новым функциональным назначением приема «текст в тексте». Новизна приема проявляется в том, что вставленный текст (или «вставная конструкция») в современной прозе перестает быть вспомогательным элементом, но постепенно обретает ведущую роль, концентрируя в себе важней-

шие идеологические смыслы и сюжетные функции.

В традиционном понимании текст в тексте «...представляет собой целиком или частично включенный в основное повествование, автономный по сюжету и/или жанру другой текст, который в своем полном виде способен к самостоятельному существованию вне пределов произведения, в которое он включен» [2, с. 32]. При этом он может выполнять «задачу описания или написания другого текста» [7, с. 308], не будучи только «...элементом эрудиции автора и чисто внешним украшением. Взаимодействие текстов может быть в высшей степени сложным, оригинальным и особенно значимым для сюжета, композиции произведения и особенно его смысла» [1, с. 102].

«Текст в тексте» не является исключительно принадлежностью современной литературы. Однако сегодня данная модель обретает иные функции, чем ранее. В этом новом качестве вставной текст служит «опознавательным знаком» современной неклассической прозы [3, с. 213].

Обновление принципов функционирования «вставных конструкций» в современном романе описано в монографии С.Г. Исаева и Н.Г. Владимировой «Актуальная поэтика: смена художественной парадигмы» (2017) [3]. Как убедительно показано в этой монографии, герой, рассказывающий свою историю, функционирующую в романе как вставной текст, является одним из персонажей этого романа, а не его автором. Это обстоятельство служит дополнительным фактором верификации повествования, указывающим как на его неординарность, так и на несомненную подлинность рассказанного. Вследствие этого возникает новый уровень взаимодействия «внутреннего» и «внешнего» текстов, формируется более сложная смысловая атмосфера художественного произведения. С точки зрения такого подхода, «рассказанные истории» придают «вставным конструкциям» иное значение. Их включение в текст связано со стремлением культуры последних десятилетий отыскать и скорректировать утраченные ранее границы между иллюзией искусства и действительностью. «Новый конфликт в сфере восприятия связан с желанием пересмотреть границу между искусством и обыденной, тривиальной реальностью, и благодаря этому обновить жизнестроительные тенденции культуры», – справедливо замечают С.Г. Исаев и Н.Г. Владимировой [3, с. 213]. «Вставные конструкции» формируют внутреннюю диалогичность текста, указывают на наличие коммуникации «автор – читатель». Характер «вставных конструкций» определяется процессами «взаимного влияния и перестройки как «памяти жанра», вторгающегося в повествование, так и основного романного текста» [3, с. 180]. Явление «памяти жанра» в данном случае не замыкается в пределах жанра «иноного», включенного текста. В момент инкорпорации текста иной жанровой природы в парадигму жанра «принимающего» запускается процесс, в ходе которого, по мысли Ю.М. Лотмана, «принципы одного жанра перестраиваются по законам другого» [4, с. 185]. При этом вставленный в повествование текст не только гармонично вписывается в структуру произведения, но и «сохраняет память об иной системе кодирования» [3, с. 180].

Цель настоящей статьи заключается в определении поэтологических особенностей «вставных конструкций» в романе Б. Шлинка (р. 1944) «Возвращение» (нем. “Die Heimkehr”, 2006). Многие произведения автора написаны в традиции классического социально-психологического романа. При этом писатель продуктивно использует приемы включения в традиционную жанровую парадигму текстовых конструкций иной жанровой природы. Гипотеза статьи состоит в том, что поэтологическая специфика «вставных конструкций» в романе Б. Шлинка связана с принципиальной для автора установкой на фрагментарность художественного текста, отражающую концептуальное представление о калейдоскопичности современного мировосприятия.

Функциональность «вставных конструкций» в романе Б. Шлинка обусловлена двумя основными факторами: их собственной жанровой природой и жанровой природой «принимающего» текста. В жанровом отношении эти «вставные конструкции» несут в себе «память» мемуаров, легенды, притчи, приключенческого романа, «черной комедии», письма, публицистической статьи. При этом жанровая парадигма романа, в который они инкорпорируются, оказывает на них свое воздействие, частично изменяя их собственные характеристики.

Инкорпорирование «вставных конструкций» в структуру романа совершается разными способами. Во-первых, это способ «двойного кодирования» [6, с. 416]. Истории, рассказанные герою его дедом, даются как первоначально воспринятые ребенком, а потом «перекодированные» сознанием взрослого человека, живущего в конце XX столетия. Разновидностью этого способа является перекодирование в сознании разных персонажей – уже взрослого Петера Дебауера или его отца Фонландена-де Баура – «чужих» сюжетов и жанров: мифа об Одиссее и «черной комедии».

Второй способ внедрения «вставных конструкций» в художественную ткань романа состоит в использовании известного приема «найденных рукописей» и их прямом цитировании. Так обстоит дело в случаях с «приключенческим романом», «статьями» и «письмом» Фолькера Фонландера.

Рассмотрим подробнее некоторые из этих случаев. Один из них – мемуары, написанные дедом центрального героя. Как и подобает мемуарам, они насыщены биографическими подробностями. В них, опять же по законам этого жанра, угадывается как лирическая интонация, так и движение времени, общего для целого поколения. Вместе с тем в этом вставном тексте отчетливо ощущается иной, чем в начале прошлого века, ритмический строй, иной способ «подачи» жизненного материала. Это звучит голос нашего скоростного времени, голос «внука», читающего и одновременно «транслирующего» читателю-современнику воспоминания своего «деда». Биографические факты следуют один за другим. Страны и континенты сменяют друг друга. В одном абзаце умещается несколько десятилетий. Глобально, профессионально и лично значимые события даются в одном быстро меняющемся ряду, с некоторой отстраненностью, заставляющей вспомнить об эпической природе романа. Налицо характерное для романа многоголосие (М.М. Бахтин): интенции автора мемуаров вступают в диалог с интенциями центрального героя (Петера Дебауера), трактующего эти мемуары, а также с собственными интенциями адресанта и адресатов – последние подключаются к этому диалогу в процессе чтения.

В текст романа включено и несколько «вставных конструкций», восходящих к жанру «рассказанных историй». Речь здесь идет об увлекательных историях, рассказанных дедом центральному герою, Петеру Дебауеру, в годы его детства: «Ни одна прогулка, ни одно путешествие, ни один пеший поход не обходился без рассказов о событиях из швейцарской и немецкой истории, и в особенности – из истории войн» [8, с. 17]. Анализируя рассказанные дедом истории о военных событиях, Петер Дебауер познает особенности восприятия мира, обусловленные национальной ментальностью, а истории о судебных ошибках в дальнейшем помогают герою осознать свою (пусть и противоречивую) связь с потерянным отцом.

Рассказы о военных действиях, в которых принимали участие предки главного героя, раскрывают истоки аксиологических представлений Петера Дебауера. «Аксиология национальной памяти в этих «вставных

конструкциях» вступает в диалог с ее сегодняшним восприятием. На этой основе возникают коллизии общего и индивидуального, эпического и лирического, возвышенного и обыденного» [5, с. 32]. Таким образом, «рассказанные истории» о героических битвах оказываются соотношенными с собственными представлениями героя о долге, чести, морали. Он размышляет над поступком рыцаря, пославшего своим врагам стрелу с предупреждением о наступлении: «Разве это не предательство? Разве предательство не принизило подвиг швейцарцев?» [8, с. 18]. Дедушка отвечает на это суждением, исполненным здравого народного смысла: «Рыцарь был свободным человеком. Он не обязан был держать сторону австрийцев, а мог встать на сторону швейцарцев или не вставать ни на чью сторону. <...> Если правильный поступок приходится совершать тайком, он от этого не становится неправильным» [8, с. 18].

В историях, услышанных героем от деда, автор особо акцентирует те, которые наиболее ярко отражают народную ментальность: взгляды, поведенческие особенности, отношение к себе и другим. Таковы истории о «битве при Моргартене», «битве при Земпахе», «битве при Санкт-Якобе-на-Бирсе». Каждая из них преподает некий важный урок. Например, о том, что «...избежать ошибок не может никто. Однако никто не обязан повторять одну и ту же ошибку. ...Полезный урок надо извлекать не только из своих поражений, но также из одержанных тобою побед» [8, с. 19]. Рассказанные дедом истории играют большую роль в обрисовке характера главного героя. Анализируя эти истории, Петер Дебауер постепенно осознает основы собственной идентичности.

Не менее важную роль в романе «Возвращение» играют «вставные конструкции», повествующие о судебных ошибках. В текст романа включены услышанные героем от деда истории о судебном процессе графа фон Шметтау против мельника Арнольда и суде над Орлеанской девой – Жанне д'Арк. Обращение к истории, по мнению И. Рогановой, «привносит гармонию и классичность» в роман, а также «противостоит страху утраты идентичности» [6, с. 357]. Вопросы права в общем идеологическом пространстве романа становятся «объектом напряженной рефлекс-

сии» [5, с. 32]. Рассказ о судебном процессе графа фон Шметтау представлен на страницах немецких учебников по истории. Он также именуется «Мифом о немецком порядке». Он призван утвердить идею о справедливости прусского короля Фридриха Великого, выступившего в качестве защитника права и неприкосновенности судей. Однако в реальности прусский правитель вовсе не был таким справедливым, каким его представляют учебники, а судьи, осмелившиеся защищать права обычного человека, отнюдь не остались неприкосновенными. Желая показать себя в качестве главной опоры справедливости, Фридрих Великий неоднократно допускал непоправимые ошибки. Доказательством этого и является история о судебном процессе между графом фон Шметтау и мельником Арнольдом. Не разобравшись в деле, правитель встает на сторону слабого и наказывает не только графа, но и судей, вынесших решение не в пользу мельника, тем самым снискав себе одобрение народа. Однако мельник на самом деле был сутяжником и аферистом, а не беззащитным страдальцем – как казалось королю. Выяснить, кто же на самом деле виновен, и оправдать тех, кто был ошибочно осужден, удалось только после смерти Фридриха Великого. Но в памяти народа все же осталась не история с несправедливой карой, а рассказ о праведном короле, который печется о равенстве всех перед судом.

Во всемирно известной истории Жанны д'Арк несправедливость суда в итоге привела к более трагическим последствиям. Обвиняемая в колдовстве и вероотступничестве, а также во множестве других преступлений, невинная девушка, когда-то возглавлявшая французскую армию, была приговорена к сожжению. Но несмотря на все обвинения, Орлеанская дева запомнилась народу своей отвагой и самопожертвованием и стала символом освобождения и силы духа французского народа.

Смысл рассмотренных историй заключается не в допущенной несправедливости, а в указаниях на справедливые последствия, к которым, как это ни парадоксально, могли привести судебные ошибки. «Ведь, несмотря на то, что отличительным признаком судебной ошибки является несправедливость, зна-

менитые судебные ошибки зачастую приобретали историческое значение, далеко выходящее за пределы несправедливости решения» [8, с. 20]. Таким образом, случай с графом и мельником, как и трагическая судьба Орлеанской мученицы, приобрели историческое значение. «Как без мельника Арнольда не существовало бы прусское правовое государство, так без Жанны не состоялось бы освобождение Франции» [8, с. 22]. Как видим, в данном случае «вставные конструкции» передают народные представления о праве и справедливости, долге и чести, верности и предательстве, а тем самым – участвуют в выстраивании общей идеологической концепции романа. Кроме того, они являются действенным средством изображения характера главного героя в его развитии. Очевидно, что особенности его мировосприятия, в известной степени, были заложены уже тогда, когда он слушал рассказанные дедом истории. Кажущаяся простота и безыскусственность этих историй выражается в примитивности их лексики и синтаксического строя. Но глубокомысленность выводов, которые следуют из этих историй, свидетельствует о том, что они сформулированы уже на уровне зрелого сознания, из перспективы взрослого героя, живущего в конце XX века.

Поражение Германии во Второй мировой войне обусловило пристальный интерес ее граждан к историческому прошлому, к причинам возникновения нацизма и его последствиям, к путям воздействия националистической идеологии на повседневную жизнь. Б. Шлинк принадлежит к поколению, представителей которого нередко называют «детьми Третьего рейха». Значительная часть «вставных конструкций» отражает размышления автора об опасности «возвращения» нацизма и о способах противостояния ему в современном мире. Ключевыми здесь становятся вставные тексты, авторство которых приписывается одному из персонажей романа – Фолькеру Фонландену. Наиболее объемный из них, «приключенческий роман о Карле», является, безусловно, и самым существенным для понимания общего смысла и всей художественной структуры романа «Возвращение», а потому его анализ должен стать предметом отдельной работы. Кроме него, в роман включены «статьи» нацистско-

го преступника Фонландена и его же письмо к девушке, относящееся ко времени Второй мировой войны. Одна из «статей» названа «Железное правило». В сюжетном отношении она служит одной из значимых вех на длинном пути поисков отца центральным героем романа Петером Дебауером. В статье хладнокровно оправдываются зло, насилие и ксенофобия национал-социалистов. Основная идея статьи состоит в следующем: «Право основано не на золотом правиле, а на правиле железном. Причиняй другим то, что по силам вынести тебе самому. <...> Той опасности, которой ты готов подвергнуть себя, ты имеешь право подвергнуть и других, тем, чем жертвуешь ты, должны жертвовать и другие. Из этого правила рождается авторитет, рождается Вождь <...> Там, где я готов пойти на смерть, я тоже имею право убивать» [8, с. 141].

«Вставные конструкции», содержащие в себе рассуждения нациста Фонландена, «демонстрируют преступную изощренность псевдоинтеллектуального «оправдания» фашизма, ксенофобии, антисемитизма и изуверской жестокости по отношению к народам, подвергшимся военной агрессии фашистской Германии» [5, с. 32]. Их автор, скрывавшийся в первые послевоенные десятилетия и в конце XX века по-прежнему исповедующий идеологию нацизма, ничуть не раскаивается в совершенных преступлениях. Напротив, завоевав авторитет в научной сфере, он, в 1990-е гг. ставший профессором Калифорнийского университета Джоном де Бауром, во всеуслышание заявляет о возможности оправдать жестокость и насилие над человеком. Он презрительно отзывается о требования честности, так как считает ее бесполезной и нецелесообразной. «Бедность и нищета способствуют прогрессу и развитию культуры, насилие обеспечивает мир, невинные жертвы способствуют успеху в справедливой войне», – утверждает де Баур [8, с. 259]. Теория успешного и влиятельного профессора Джона де Баура, справедливо именуемая «интеллектуальным фашизмом», активно распространяется им в студенческой среде начала 90-х гг. XX века. Поняв, что его идеи вызвали публичное осуждение, нацист мастерски подвергает свои тексты «показательной деконструкции», тем самым пытаясь

избежать ответственности за распространение фашистской идеологии. Так в романе обосновывается проблема опасности возвращения фашизма в его наиболее изощренной – «псевдоинтеллектуальной» – форме, а значит, и повторения тех событий, которыми отмечена трагическая история XX века.

Показательна полемика о «добре» и «зле», которую Петер Дебауер ведет со своим отцом. В связи с этим в текст романа включается «вставная конструкция», представляющая собой изложение сюжета пьесы «Мозаика», которую обсуждают приглашенные на дружеский ужин у профессора де Баура. Жанровое обозначение пьесы – «черная комедия» – говорит само за себя. «Сюжет комедии был построен по образу и подобию экспериментов социального психолога Стенли Милграма, во время которых испытуемый должен задавать вопросы другому человеку, участвующему в опыте, и за неправильные ответы наказывать отвечающих ударами тока, причем увеличивать силу тока, пока человек не закричит от боли, не станет молить о пощаде и наконец не умолкнет...» [8, с. 254]. Несмотря на «сглаживание» исходных жанровых характеристик вследствие приспособления пьесы к романной стихии, драматическая жанровая природа этого вставного фрагмента существенно изменяет строй дальнейшего повествования. Это один из тех случаев, когда отмеченная выше внутренняя диалогичность романа становится эксплицитной. Это проявляется в том, что следующий текстовый период романа строится как драматический диалог. Студенты живо обмениваются репликами, обсуждая описанный в пьесе психологический эксперимент. Они высказывают разные точки зрения, но лишь одна из них побуждает профессора де Баура активно вмешаться в дискуссию. Эта точка зрения такова: «Ведь невозможно... нельзя, чтобы экспериментировали с живыми людьми!» В этот момент профессор решительно возражает: «Нельзя? Испытуемые у Милграма говорили об этом иначе. Для них этот эксперимент был возможностью лучше узнать себя и, – он сделал небольшую паузу, – узнать, что такое страх» [8, с. 256]. За этим следуют без ремарок очередные реплики. О том, кто их произносит, не говорится, и читатель, подобно тому, как это

бывает во время спектакля, должен сам распознавать говорящего: «Но ведь эксперимент не был благом. Людей обманывали и использовали, заставляли их делать нечто, чего бы иначе они не стали делать. Вы хотите, чтобы с Вами так обошлись?» [8, с. 256]. Читателю, пристально следящему за полемикой, очевидно, что эта реплика принадлежит Петеру Дебауэру – главному идейному оппоненту де Баура. «Де Баур поднял руки, словно защищаясь, снова опустил их и засмеялся: – Разве нужно, чтобы я хотел? Разве недостаточно того, что я готов предположить, что способен на это – ради науки и прогресса?» [8, с. 256]. В этой точке сюжета совершается *возвращение* к той самой идее «железного правила», нацистской по своей сути, которая еще в годы фашистской Германии была сформулирована в статье Фолькландера-де Баура. Сын сразу распознает ее в словах отца. «Золотое правило вам кажется слишком мягким? Не желаете ли установить более жесткое, железное правило?» [8, с. 256] – формулирует он то, что было недосказано сегодняшним Фолькландером-де Бауром.

В ракурсе нашей проблемы важно подчеркнуть, что здесь драматологический эпизод (о пьесе «Мозаика») не только сам изменяет свои жанровые характеристики, включаясь в парадигму романа, но и порождает изменения в следующем за ним тексте. Этот дальнейший текст тоже организуется драматологически: как серия диалогов профессора де Баура и студента Дебауэра. В них первый развивает свои представления об общественном праве и личной ответственности, о тотальном преобладании зла и о его так называемой «доброй стороне», будто бы заключающейся в том, «что зло можно поставить на службу добру» [8, с. 259]. По мнению де Баура, идея правового общества ложна, так как происходящее в условиях глобализации крушение национальных устоев не приводит ко «всеобщему братству», но заставляет людей объединиться на основе «права сильного». Позиция Джона де Баура по-прежнему основана на нацистских идеях, только поданных в модернизированной, а потому еще более изощренной и опасной форме.

Таким образом, роман Б. Шлинка «Возвращение» убедительно демонстрирует насущную потребность современной литерату-

ры в обновлении способов художественной изобразительности, что связано с радикальными изменениями в картине мира современного человека и усложнением представлений об отношениях искусства и действительности.

Эти новые черты современной литературы проявляют себя в конструировании текста романа Б. Шлинка «Возвращение» по принципу свободного «рассказывания», что сообщает особую поэтологическую значимость «вставным конструкциям» (вставным текстам). Эти конструкции несут в себе жанровую «память» мемуаров, легенды, притчи, приключенческого романа, «черной комедии», письма и публицистической статьи. Поэтика «вставных конструкций» в романе «Возвращение» обусловлена как их собственной жанровой природой, так и жанровой парадигмой «принимающего» романа, которая, изменяясь сама при их включении, вместе с тем, изменяет и их природу. Инкорпорирование «вставных конструкций» в структуру романа обуславливает образование многослойной текстовой организации, в которой все составляющие взаимопроникают и взаимодействуют друг с другом, порождая тем самым новые оттенки смыслов и новые их комбинации, что способствует художественному осмыслению мировосприятия современного человека.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003.
2. Геращенко А.М. Типологизация вставных текстов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 54. С. 35-43.
3. Исаев С.Г., Владимирова Н.Г. Актуальная поэтика: смена художественной парадигмы. Великий Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2017. 482 с.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
5. Потанина Н.Л. Актуальные способы конструирования текста в современном западноевропейском романе // Неофилология. Тамбов, 2018. Т. 4. № 13. С. 30-38.
6. Роганова И. Немецкая литература конца XX века и актуализация постмодернистской парадигмы. М.: Рудомино, 2007. 416 с.

7. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.	Поступила в редакцию 20.08.2018 г. Отрецензирована 26.09.2018 г.
8. Шлинка Б. Возвращение. СПб.: Азбука-классика, 2010. 320 с.	Принята в печать 24.10.2018 г. Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Потанина Наталия Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Горячева Ксения Юрьевна, магистрант по направлению подготовки «Филология». Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ksusha.gorya@mail.ru

Для корреспонденции: Потанина Н.Л., e-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Для цитирования

Потанина Н.Л., Горячева К.Ю. Поэтика «вставных конструкций» в романе Б. Шлинка «Возвращение» // Нефилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 73-80. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-73-80.

DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-73-80

POETICS OF “INSERTED CONSTRUCTIONS” IN THE NOVEL BY B. SCHLINK “HOMECOMING”

Natalia Leonidovna POTANINA, Ksenia Yurievna GORYACHEVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Abstract. The novelty and relevance of the research are as it contains a poetic analysis of the novel “Homecoming” of the modern German writer B. Schlink in the perspective of the issue of “inserted constructions” as a principle for organizing an artistic text in the contemporary novel. We form the current task of researching B. Schlink’s work in the light of the problems of non-classical artistry, and also with the need to identify the characteristics of understanding in the novel of the important social and political processes of the modern era. As a result of the analysis we show a new poetic significance of “inserted constructions”, they become an essential element of the textual organization of the novel “Homecoming”. On this basis we establish that narrative and “inserted constructions” not only overlap, but also interpenetrate and interact on each other in the text of the novel, so they generate new shades and new meaning combinations – this enables to artistically express the complexity and kaleidics of the modern world. This justifies the modern German novel inclusion in the general art process of adequate poetic tools development aimed at reflecting the changed ideas about the man and the world.

Keywords: B. Schlink; the novel “Homecoming”; “inserted construction”; genre paradigm; “memory of the genre”; non-classical artistry; intellectual fascism

References

1. Valgina N.S. *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow, Logos Publ., 2003. (In Russian).
2. Gerashchenko A.M. Tipologizatsiya vstavnykh tekstov [Typologisation of inserted texts]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2008, no. 54, pp. 35-43. (In Russian).

3. Isayev S.G., Vladimirova N.G. *Aktual'naya poetika: smena khudozhestvennoy paradigmy* [Current Poetics: the Change of the Artistic Paradigm]. Velikiy Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2017, 482 p. (In Russian).
4. Lotman Y.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [In the Thoughtful Worlds. Human – Text – Semiosphere – History]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996, 464 p. (In Russian).
5. Potanina N.L. Aktual'nye sposoby konstruirovaniya teksta v sovremennom zapadnoevropeyskom romane [Current methods of the text constructing in the modern West European novel]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 30-38. (In Russian).
6. Roganova I. *Nemetskaya literatura kontsa XX veka i aktualizatsiya postmodernistskoy paradigmy* [German Literature of late 20th Century and Postmodernism Paradigm Actualization]. Moscow, Rudomino Publ., 2007, 416 p. (In Russian).
7. Rudnev V.P. *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of Culture in 20th Century]. Moscow, Agraf Publ., 1997, 384 p. (In Russian).
8. Schlink B. *Vozvrashcheniye* [Homecoming]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2010, 320 p. (In Russian).

Received 20 August 2018

Reviewed 26 September 2018

Accepted for press 24 October 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Potanina Natalia Leonidovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Goryacheva Ksenia Yurievna, Master's Degree Student in "Philology" Programme. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: ksusha.gorya@mail.ru

For correspondence: Potanina N.L., e-mail: tatulia_tmb@mail.ru

For citation

Potanina N.L., Goryacheva K.Y. Poetika «vstavnykh konstruktsiy» v romane B. Shlinka «Vozvrashcheniye» [Poetics of "inserted constructions" in the novel by B. Schlink "Homecoming"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 73-80. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-73-80. (In Russian, Abstr. in Engl.).

DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-81-84
УДК 82-1/-9

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С.Г. ИСАЕВА, Н.Г. ВЛАДИМИРОВОЙ
«АКТУАЛЬНАЯ ПОЭТИКА: СМЕНА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ»
(Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017. 482 с.)**

Наталья Леонидовна ПОТАНИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Аннотация. Представлен аналитический обзор научной монографии, посвященной осмыслению глубинных изменений в художественной литературе второй половины XX – начала XXI века. Обоснованы новизна, актуальность и теоретическая значимость монографии, определяемые созданием целостной типологии неклассической художественности на основе мультидисциплинарного подхода к проблеме ее зарождения и функционирования, а также специфическим сочетанием эстетического и литературоведческого анализа текстов, позволившим сделать типологические обобщения. Подтверждена значимость и научная перспективность вклада авторов монографии в исследование проблемы неклассической художественности, в формирование новых представлений о современной теоретической поэтике и связанных с этим особенностях литературоведческого анализа современных художественных текстов.

Ключевые слова: актуальная поэтика; историческая поэтика; теоретическая поэтика; художественная модальность; смена художественной парадигмы; неклассическая художественность

Монография известных российских ученых, университетских преподавателей Натальи Георгиевны Владимировой и Сергея Георгиевича Исаева примечательна уже тем, что в ней рассмотрены актуальные проблемы неклассической художественности в западноевропейской и русской литературах второй половины XX – начала XXI века. Это сделано целенаправленно, основательно, в высшей степени профессионально и современно, ярко и убедительно. Потребность в такой фундаментальной разработке этой проблемы давно назрела.

Круг произведений, помещаемых в центр исследовательского интереса, затрагивает как значительные новейшие, так и классические тексты той эпохи, которая характеризовалась художественной модальностью. На материале этих последних показаны истоки зарождения неклассической художественности.

Новая концепция «открываемого условного мира» [1, с. 18], состоящая в его «непротивопоставленности реальному и действительному» [1, с. 18], представлена в монографии ее соотношении с философскими, эстетическими, этическими концепциями, имеющими долговременную историю существования. В этом направлении анализируют-

ся произведения Г.Р. Державина, В.Ф. Одоевского, Д.С. Мережковского, Б. Пастернака, А. Вознесенского, А. Битова, В. Пелевина, Д.Г. Россети, М. Пруста, Г. Грина, Джона Фаулза, Джулиана Барнса, Дженет Уинтерсен, Дианы Сеттерфилд и др. С этой же целью привлечен и широкий философско-эстетический, теоретический материал, формирующий литературоведческие представления о неклассической художественности, целостности, игре, вариативности (труды Г. Гердера, А. Шопенгауэра, М. Хайдеггера, Ю. Кристевой, Р. Барта, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Женетта, В. Шкловского, Н. Бердяева, М. Бахтина, Ю. Лотмана, М. Гаспарова и др.).

На этой основе авторы монографии очерчивают свою четкую линию в понимании принципов художественности и целостности в контексте категорий актуальной поэтики. Это придает исследованию необходимую концептуальную глубину в решении сложных и неоднозначных проблем, связанных с совершающимися на наших глазах переменами в художественной литературе.

Следующее несомненное достоинство рецензируемой монографии – в убедительном и впервые предложенном теоретическом обосновании феномена «событие текста».

Последовательно, в диахронии и синхронии, охарактеризованы наиболее значительные из его модификаций (или «конфигураций»): «лабиринт», «круг», «домино», «сдвиг», «возвращение» – впервые вводимые в обиход отечественного литературоведения.

В лучших традициях современного литературоведения авторы монографии рассматривают проблемы актуальной поэтики с привлечением широкого спектра концепций, оценок и суждений отечественных и зарубежных ученых. Значительное место в монографии занимает их подробное изложение и комментирование, что позволяет Н.Г. Владимировой и С.Г. Исаеву в итоге убедительно представить собственную концепцию «актуальной поэтики» как отражения смены художественной парадигмы.

Хочется особо приветствовать стремление авторов монографии к согласованию сложившегося в литературоведении XX века научного аппарата с новейшими обретениями самого искусства. При этом заслуживает самой высокой оценки взвешенное отношение авторов к выбору адекватных путей в решении этой сложной задачи. Как справедливо отмечено в монографии, «очевидной представляется необходимость тщательной балансировки новых терминов и понятий, добытых самой поэтикой в ее неустанном труде» [1, с. 3].

Монография включает в себя двадцать одну главу. Приведем названия некоторых – ведь и они свидетельствуют о многосложности поставленных проблем: *Глава первая.* Неклассическая художественность. *Глава вторая.* Художественность и целостность. *Глава третья.* Игра как модальная основа поэтики возможного. *Глава четвертая.* Случайность как алгоритм поэтики <...> *Глава шестая.* Текст как вещь: мифология и экфрасис <...> *Глава девятая.* Палимпсест – память текста и его порождающее устройство <...> *Глава девятнадцатая.* От науки к литературе: художественный дискурс в литературоведческом тексте. Концептуальные Введение и Заключение удачно обрамляют основное содержание монографии, сообщая завершенность и стройность общей композиции.

Широкий охват в монографии произведений теоретической и художественной ли-

тературы способствует достижению двух целей. Первая из них мотивирована успешно решаемой задачей выработки представлений о едином теоретическом пространстве, в которое вписываются и русские мыслители, занимая в нем достойное место наряду с прославленными и признанными европейскими теоретиками. Вторая, посвященная исследованию зарождения и развития представлений о «событии текста», позволяет не только раскрыть наиболее важные поэтологические особенности, свидетельствующие о смене художественной парадигмы («лабиринт», «принцип домино», «герменевтический круг», оригинальные формы интертекстуальности, экфрасиса, палимпсеста, визуальной, сенсорной поэзии, новых проявлений интердискурсивности), но и представить их с типологической точки зрения.

В монографии отчетливо прорисовано движение научного сюжета, богато иллюстрированное внимательным анализом обширного, но при этом тщательно отобранного в соответствии с решаемой литературоведческой задачей материала художественных произведений русской и западноевропейской (английской и французской) литературы.

Научная новизна монографии определяется как мультидисциплинарным подходом к проблеме зарождения и функционирования неклассической художественности (особенно в разделах, посвященных интертекстуальности, интермедальности, палимпсесту, экфрасису, интердискурсивности), так и сочетанием эстетического и литературоведческого анализа текстов, что позволяет сделать типологические обобщения.

Результатом такого анализа неклассической художественности становится формирование новых представлений о современной теоретической поэтике и определяемых ее категориальным аппаратом особенностях литературоведческого подхода к анализу современных художественных текстов и порождающего их «устройства» [1, с. 192].

На основе широкого и разнообразного материала в монографии С.Г. Исаева и Н.Г. Владимировой создана целостная система типологии неклассической художественности – что свидетельствует о несомненной ценности проведенного исследования.

К величайшему сожалению, один из авторов этой книги, Сергей Георгиевич Исаев, известный в России и за ее пределами ученый, специалист по теории литературы, автор многих значительных научных трудов, на исходе 2017 года ушел из жизни. Светлая память талантливому ученому и прекрасному человеку.

Можно с уверенностью сказать, что результатам последнего фундаментального труда профессора С.Г. Исаева, осуществленного в соавторстве с профессором Н.Г. Владимировой (супругой, коллегой, другом, единомышленницей), предстоит долгая жизнь. Сразу после публикации книга «Актуальная поэтика: смена художественной парадигмы» оказалась широко востребована в среде преподавателей русской и зарубежной литературы, филологов, культурологов, студентов бакалавриата и магистратуры, аспирантов и широкого круга читателей. Многие идеи авторов монографии уже стали основанием для научных публикаций, докладов и диссертаций.

Представляется убедительно обоснованным итоговый вывод о том, что актуальная поэтика нашей эпохи претворяет в себе черты никогда не прерывавшейся выразительной традиции, которая базируется на рефлексии и саморефлексии. Однако нельзя не со-

гласиться и с тем, что «кардинальное преобразование этих форм и их функций во второй половине XX столетия <...> говорит о смене эстетической парадигмы, вне которой представить себе сложный мир современного человека невозможно» [1, с. 443].

Совершенно очевидно, что в этой книге достигнута цель, чрезвычайно плодотворная для нашей науки. Обоснована органическая связь классического литературоведения с современной литературной теорией, и показано, как использовать новый специализированный инструментарий филологии в качестве методологического средства при решении сегодняшних исследовательских задач. Тем самым открыты новые перспективы для дальнейшего исследования проблем, стоящих перед гуманитарным сообществом XXI столетия.

Список литературы

1. *Исаев С.Г., Владимировая Н.Г.* Актуальная поэтика: смена художественной парадигмы: монография. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017. 482 с.

Поступила в редакцию 21.06.2018 г.

Отрецензирована 25.07.2018 г.

Принята в печать 26.09.2018 г.

Информация об авторе

Потанина Наталия Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Для цитирования

Потанина Н.Л. Рецензия на монографию С.Г. Исаева, Н.Г. Владимировой «Актуальная поэтика: смена художественной парадигмы» (Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017. 482 с.) // Неофилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 81-84. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-81-84.

**REVIEW OF THE MONOGRAPH BY S.G. ISAEV, N.G. VLADIMIROVA
“CURRENT POETICS: THE CHANGE OF ARTISTIC PARADIGM”
(Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2017, 482 p.)**

Natalia Leonidovna POTANINA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Abstract. An analytical review of the scientific monograph devoted to the comprehension of profound changes in the fiction of the second half of the 20th century and the early 21st century is presented. The novelty, relevance and theoretical significance of the monograph, determined by the creation of a holistic typology of nonclassical artistry based on a multidisciplinary approach to the problem of its origin and functioning, as well as a specific combination of aesthetic and literary analysis of texts, which allowed typological generalizations, are substantiated. The significance and scientific prospects of the contribution of the monograph authors to the study of the problem of nonclassical artistry, to the formation of new ideas about modern theoretical poetics and related features of the literary analysis of contemporary art texts have been confirmed.

Keywords: actual poetics; historical poetics; theoretical poetics; artistic modality; change of artistic paradigm; non-classical artistry

References

1. Isaev S.G., Vladimirova N.G. *Aktual'naya poetika: smena khudozhestvennoy paradigmy* [Current Poetics: the Change of the Artistic Paradigm]. Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2017, 482 p. (In Russian).

Received 21 June 2018

Reviewed 25 July 2018

Accepted for press 26 September 2018

Information about the author

Potanina Natalia Leonidovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

For citation

Potanina N.L. Retsenziya na monografiyu S.G. Isaeva, N.G. Vladimirovoy «Aktual'naya poetika: smena khudozhestvennoy paradigmy» (Veliky Novgorod: Izd-vo NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2017. 482 s.) [Review of the monograph by S.G. Isaev, N.G. Vladimirova “Current Poetics: the Change the Artistic Paradigm” (Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2017, 482 p.)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 81-84. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-81-84. (In Russian, Abstr. in Engl.).

РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ Ю.М. ПОЛЯКОВА «ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ РУССКИМ»

Максим Михайлович ГУТАРИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: gutarin.maksim@yandex.ru

Аннотация. Представлено изложение анализа публицистической статьи под названием «Желание быть русским» Ю.М. Полякова. Отмечены аргументированные авторские достоинства статьи при решении актуальной проблемы о месте и роли русского человека в нашей огромной многонациональной стране, что требует коренного пересмотра «русского» вопроса на общегосударственном уровне. Обращено внимание на тот факт, что неприоритетное и приниженное положение русских в России существовало на протяжении многих столетий. Во времена царской власти и особенно в эпоху СССР в нашей стране вопросы, посвященные рассмотрению «русской» проблемы, описывались фрагментарно. Подчеркнуто, что у большинства народов России была возможность к открытой этнической самоидентификации, но у русских людей ее в полной мере не было, нет и сейчас. Установлено, что Ю.М. Поляков, как «русский заботник», беспокоится о том, что «...в России русским во всеуслышание быть как-то неловко». Доказано, что современного писателя беспокоят способы решения национальных вопросов, в числе которых выделяется: почему русские испытывают некий дискомфорт в России? В связи с этим поднимается вопрос о появлении такой важной дисциплины, как этническая этика.

Ключевые слова: национальное чувство; русский этнос; россияне и русские

Писатель Ю.М. Поляков, автор публицистической статьи под названием «Желание быть русским» («Литературная газета» № 15, 17-23, 25-30 2018 г.), размышляет о проблеме этнической самоидентификации русских. В первой ее части «Заботники и алармисты» он предлагает читателям осмыслить его жизненную позицию: «...я все чаще ловлю себя на желании быть русским. Видимо, это возрастное, почему-то свою племенную принадлежность мы острее чувствуем на закате жизни».

Думается, что большинство русских молодых людей по разным причинам не ощущает причастность к великой нации, но чем старше мы становимся, тем яснее осознаем, какую роль играет Родина в нашей жизни.

«В нашем многоплеменном Отечестве русский – это тот, кто считает себя русским, не россиянином, а именно русским. Точнее сначала русским, а потом россиянином». Вроде бы понятная и легко выводимая истина, которую, как главную мысль, Ю.М. Поляков вкладывает в содержание статьи. Речь идет о том, что русский человек – это не тот, кто имеет исконно русских предков, а тот, кто ощущает себя таковым.

Автор поднимает весьма актуальный вопрос: «Помогает ли мне кто-нибудь быть русским?». И сам же отвечает на него: «Вот уж точно – не помогают». Он приходит к важному выводу: «...чем меньше в стране будет граждан, ощущающих себя русскими, тем больше вероятность того, что Российская Федерация разделит судьбу Советского Союза». Это ни в коем случае не должно произойти. Что же делать? На этот вопрос и попытался ответить известный современный писатель.

Ю.М. Поляков, называя себя «русский заботник», выражает свое беспокойство о том, что «...в России русским во всеуслышание быть как-то неловко». По его мнению, признавать себя нерусскими категорически не желали даже важные исторические персоны. Так, почти чистокровный немец Александр III считал себя русским. И.В. Сталин, обожая кавказскую малую родину, морщился, когда ему напоминали, что он грузин. Л.Д. Троцкий приходил в ярость, когда кто-то напоминал ему, что он Бронштейн. Что же это значит? Скорее всего, этим политикам хотелось быть причастными к народам России, именно к русским, так как они понимали

важность и значимость русского народа в нашей многонациональной стране.

Размышляя о статусе русского языка в современном мире, Ю.М. Поляков подчеркивает, что в Латвии и Украине начали «изводить» русский язык, «...в Прибалтике и Польше изгоняют все, связанное с Россией и нашей общей историей. В Риге, например, запретили вешать доску на доме, где жил Валентин Пикуль: оккупант, понимаешь ли!» Почему же русских так не любят и боятся? «Почему межнациональная политика у нас... замешена на некоей странной «русобоязни»?»

Отдельные политики считают русский народ завоевателем и эксплуататором. Об этом, например, свидетельствует выдержка из статьи «О национальной гордости великороссов» В.И. Ленина, который пишет: «Экономическое процветание Великороссии требует освобождения страны от насилия великороссов над другими народами». Между тем, русские зачастую оказывались в затруднительном положении. В эпоху СССР их «как бы превращали в «этнический» эфир, заполняющий пустоты между иными племенами». Но русские «своему государству, как и богу, прощают все, кроме улыбочивого бесилия». Уцелевшие после репрессий, наученные горьким опытом, русские «предпочли стать русскими по умолчанию».

В период существования Советского Союза появились понятия «советский человек», «советские люди». Они одержали победу в самой кровопролитной войне, освободили Европу и Азию от фашистских захватчиков. В настоящее время враги советского строя забывают об этом или не хотят вспоминать. Даже Украина, ставшая влиятельным государством благодаря СССР, сейчас, видимо, вычеркнула это из своей памяти и ведет информационную и политическую борьбу против России, не признавая справедливое и правомочное возвращение Крымского полуострова в состав Российской Федерации («передача «Крыма Украине» произошла в 1954 г. в эпоху правления Н.С. Хрущева»).

Понятие «советский народ», подразумевавшее национальное единство, ушло в прошлое, в девяностые годы прошедшего века. Распад СССР вновь обострил проблемы национальных отношений. Ю.М. Поляков пи-

шет, что в СССР «русские заботники» боролись за то, чтобы РСФСР имела «...свою коммунистическую партию, академию наук, министерство культуры, свои творческие союзы...». И такая коммунистическая партия существовала – Русская партия (1991–1996 гг.), но она была уничтожена, так и не включившись в полноценную работу, «...тогда погибли сотни «русистов», включая лидеров, а тысячи лишились свободы или работы».

«Почему вождь увидел в «русской партии» угрозу государству?» Причин было много. Это были и организационные трудности, и боязнь дальнейшего отказа от русского донорства, сосредоточение на собственных проблемах. Компартия РСФСР могла спасти СССР от развала, но процесс зашел слишком далеко, и партия была создана слишком поздно. Однако и самому безропотному терпению приходит конец. «Русские больше не могли держать на своих плечах державную ношу, политика коммунистической власти, носившая антирусский характер (сначала – открыто, потом – завуалированно), бесповоротно подорвала русскую мощь. Освобождение от такого государства интуитивно ощущалось русскими единственной возможностью национального спасения...» «Жестко, но зато честно...», – так отзываясь Ю.М. Поляков о цитате из монографии В. Соловьева под названием «Кровь и почва русской истории». В итоге «страна затрещала по швам союзных границ».

«А был ли у многонациональной страны шанс?» «Думаю, да», – считает автор статьи. Если бы «в Москве в конце 1980-х у руля оказался умный, волевой, патриотичный лидер», то ситуацию можно было бы изменить и СССР сохранить.

Ю.М. Поляков обращает внимание читателя и на следующий вопрос: «Почему «в новой России» в 1990-е гг. все делалось не для того, чтобы укрепить дух народа, а совсем наоборот? Александр Невский объявлялся ордынским прихвостнем; Иван Грозный – садистом и психопатом, М.И. Кутузов – трусливым старым маразматиком...». «Думаю, это связано, прежде всего, с тем, что развал СССР задумывался как начало далеко идущих геополитических пертурбаций, потом последовал «парад суверенитетов», и вел он прямой дорогой к расчлене-

нию Российской Федерации на пару дюжин уютных самостоятельных государств...». Но теперь это в прошлом. Ю.М. Полякова больше заботит то, что в 1991 г. «...русские вообще не воспринимали себя народом, имеющим отдельные этнические интересы, все свои устремления связывая с многонациональной страной. Так их воспитала история, церковь и власть, не только советская». «Увы, попытка создания новой исторической общности на одной шестой суши, выкрашенной на карте в оптимистический розовый цвет, не удалась».

Писатель обращает внимание и на то, что русские сегодня «самый многочисленный разделенный народ в мире». Но с этим теперь ничего поделать нельзя, ведь СССР в современных условиях практически невозможно восстановить.

Попытаемся ответить на вопрос: почему не любят «русистов». Обращаясь к этому вопросу, Ю.М. Поляков недоволен тем, что биографию Александра III, с которого надо бы брать пример как с миротворца, включили в серию «Жизнь замечательных людей (ЖЗЛ)» самым последним. Объяснением может служить тот факт, что «...у царя был один серьезный изъян: он не без успеха ввел моду на все русское, и сам всегда подчеркивал свою русскость не по крови, конечно, а по духу».

В анализируемой статье отмечается, что «...журналисты <...> бесились, если кто-то произносил в эфире само слово «русский». «Это же прилагательное, – кривились они. – А настоящий народ – существительное!». Ю.М. Поляков в середине девяностых принимал участие в телевизионном эфире на НТВ, «...и ведущий по фамилии Лобков аж передернулся, когда в разговоре под камеру я произнес слово «русский». Оно в тогдашнем информационном пространстве воспринималось как антоним к понятию «интеллигентный». Слыть русским было неприлично. А ведь как раз со стеснения или боязни назвать свое племенное имя и начинается исчезновение народа».

Ю.М. Поляков формулирует для читателей очевидную мысль: «...телевидение, особенно центральное, обязано учитывать этническую структуру всего общества и в известной мере ее отражать». Надо учитывать ин-

тересы русских в России и уважать их. Русский народ не исчез!

В настоящее время сменивший Б.Н. Ельцина В.В. Путин имеет «...совсем другие виды на будущность Отечества. А ведь ситуация была аховая...». «Свинчивая державу, В.В. Путин не только укрепил спецслужбы и армию, ...он пресек явную русофобию, а точнее сказать «русофырканье», изменив государственную информационную политику». В статье В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» затрагиваются вопросы национализма, колоссальных миграционных потоков, гражданского патриотизма и роли русских в нашем огромном многонациональном государстве. Президент России подчеркивает, что русский народ является государствообразующим. «Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию». Владимир Путин отмечает, что наша «...цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности». И этот культурный код нам вместе надо питать, укреплять и беречь.

«Казалось бы, плевое дело, как себя называть. Может быть, вообще не стоит циклиться на племенной принадлежности? Такая точка зрения существует, особенно среди тех, кто затрудняется с самоидентификацией, испытывая раздвоение этнического сознания...». Ю.М. Полякова беспокоит и то, что понятие «русские» активно заменяется понятием «россияне»: «Если гражданину лишний раз не напоминать о его национальности, то чаемая российская политическая нация сложится быстрее и будет прочнее. Так ли это? Возможно...». Но! «Национальность ведь не в графе, а в сердце или голове. У кого как...». Но возникает противоречие: «...Объясните мне, на каких правовых основаниях у нас имеются автономии..?». Поэтому «...согласитесь, если для государства не существует национальности граждан, то почему для него должны существовать национальные субъекты? Откуда они взялись?» «Мне кажется, исчезновение графы «национальность» не может нравиться тем, кто ощущает полноценную связь со своим наро-

дом. Русских это касается в первую очередь...».

Ю.М. Поляков, побывав на 2000-летию древнего Дербента, приводит очень важные, «золотые слова» руководителя Дагестана Рамазана Абдулатипова. «Звучали они примерно так: очень хорошо, что у нас заботятся о самочувствии и благополучии народов и народностей нашей страны, но нельзя забывать, что стабильность и развитие державы в первую очередь зависит от самочувствия самого большого – русского народа, а про это у нас порой забывают...».

Тогда напрашивается справедливый вывод о том, что в нашей стране должны быть какие-нибудь структуры или органы, контролирующие проблемы русских как этноса. Но таких организаций нет. «Наши центральные властные структуры принципиально наднациональны, и это правильно». Но и русских как самый большой народ России нужно оберегать и опекать. Ю.М. Полякова больше всего волнует то, что «...безответственность перед своим народом стала свойственна даже образцовым русским...». Поэтому «...стертость национального самосознания становится для нас серьезной проблемой...», которую нужно решать всем вместе в ускоренном темпе.

В этом деле нам может помочь отечественная литература, которая воспитывает в людях гражданственность и патриотизм. И в двадцать первом веке Россия по-прежнему остается литературоцентричной страной, наш народ испытывает влияние художественного и публицистического слова лучших отечественных писателей. Однако явно разрушительное действие оказывает кинематограф, влияющий на становление нравственных ценностей молодого человека: «...если и появляется в отечественном кино на экране персонаж, настроенный патриотически, да еще озабоченный русским вопросом, в итоге он оказывается или мерзким расистом, или политическим авантюристом, или вором, прикрывающим риторикой свои махинации».

В связи с этим следует обратить внимание на такую дисциплину, как этническая

этика. Ю.М. Поляков считает, что ее азы, наряду с религиозными основами, следует преподавать в школе, в средних специальных и высших учебных заведениях. Тогда молодые люди в будущем будут принимать политические решения, учить и воспитывать детей, оглашать эфиры, снимать фильмы, писать книги. «Они должны знать и понимать: «...национальное чувство... – это объективная реальность, которую необходимо учитывать».

Попытаемся вместе с автором осмыслить главное – «желание быть русским». Это желание многими не одобряется, даже осмеивается, как нечто нелепое, недостойное современного человека. Ю.М. Поляков отмечает, что «...желание русского быть русским – совершенно естественное чувство, оно просто необходимо для дальнейшего существования крупнейшего народа нашей страны». Между тем, проявление этого чувства на сегодняшний день не является заметным. Это «...обстоятельство требует коренного пересмотра «русского вопроса» на общегосударственном уровне и создания специальных властных органов в центре и на местах...». И если этого не сделать, то денационализированные русские будут хуже выполнять функцию «соединительной ткани» федерального организма. «К тому же, в отличие от советских времен, у нас нет теперь мощной системы интернационального воспитания, мы имеем лишь систему лукавых уклонений от национальных вопросов, доходящую до нелепости».

Таким образом, статья современного писателя и публициста Ю.М. Полякова, посвященная размышлениям о причастности человека быть русским в многонациональной стране (не только по крови, но и по самоощущению), заставляет читателей задуматься над решением «русского» вопроса в современном обществе, об этнической самоидентификации русских.

Поступила в редакцию 13.07.2018 г.

Отрецензирована 27.08.2018 г.

Принята в печать 26.09.2018 г.

Информация об авторе

Гутарин Максим Михайлович, студент педагогического института. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: gutarin.maksim@yandex.ru

Для цитирования

Гутарин М.М. Рецензия на статью Ю.М. Полякова «Желание быть русским» // Нефилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 85-89. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-85-89.

DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-85-89

REVIEW ON THE ARTICLE BY Y.M. POLYAKOV “THE DESIRE TO BE RUSSIAN”

Maksim Mikhaylovich GUTARIN

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: gutarin.maksim@yandex.ru

Abstract. We analyze journalistic article “The Desire to be Russian” by Y.M. Polyakov. We notice that demand reconsideration on “Russian issue” on the state level. Non-priority and belittled position of Russians in Russia which existed for several centuries. In times of tsarist power and especially in the era of the USSR in the country there was no desire to deal with the “Russian” issue. It’s simply sought not to notice. Most of the peoples of Russia had the opportunity to open ethnic self-identification, but the Russian people do not have it in full now. It is stated that Y.M. Polyakov considers as “Russian caretaker” that “being Russian in our country publicly is somehow awkward”. The author is also concerned about national issues: why Russian experience some discomfort in Russia. So, the issue arises on such important discipline as ethnic ethics.

Keywords: national feelings; Russian ethnos; Russian citizens and Russian

Received 13 July 2018

Reviewed 27 August 2018

Accepted for press 26 September 2018

Information about the author

Gutarin Maksim Mikhaylovich, Student of Pedagogical Institute. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: gutarin.maksim@yandex.ru

For citation

Gutarin M.M. Retseziya na stat'yu Y.M. Polyakova «Zhelanie byt' russkim» [Review on the article by Y.M. Polyakov “The Desire to be Russian”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 85-89. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-85-89. (In Russian, abstr. in Engl.).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛ «НЕОФИЛОЛОГИЯ»

Научно-теоретический журнал «**Неофилология**» (Neophilology) зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-70137 от 16 июня 2017 г.

ISSN 2587-6953.

Индексируется CrossRef.

DOI 10.20310/2587-6953.

Издается с марта 2015 г. Выходят 4 номера в год.

Языки публикаций: русский, английский, немецкий, французский, китайский, казахский, узбекский, македонский, польский.

Информация об опубликованных статьях регулярно предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (договор № 663-10/2015).

Подписной индекс 80303 в каталоге АО Агентства «Роспечать».

Общие требования к научным статьям

Виды публикаций

Принимаются научные статьи, представляющие не опубликованные ранее оригинальные исследования, тематические аналитические обзоры, научные рецензии, краткие сообщения (персоналии, обзоры научных мероприятий).

При подготовке рукописи автору следует ориентироваться на профиль и рубрики журнала. В каждом номере представлены разнообразные рубрики, большинство из которых фокусируются вокруг современных проблем наук.

Основные рубрики журнала:

по направлению 10.00.00 – филологические науки

Русский язык

Языкознание

Ономастика

Литературоведение

Текстология

Русская литература

Межкультурные коммуникации
по направлению 24.00.00 – культурология
Языки и литература народов Российской Федерации

Межкультурные коммуникации

Культурология

Культурное наследие

Рецензия

Персоналии

Информационные материалы о научных мероприятиях

Обязательным условием публикации статьи в журнале является соблюдение публикационной этики журнала.

Доставка материалов

Авторы подают статьи, подготовленные к публикации, в соответствии с Правилами для авторов, устанавливаемыми редколлегией журнала. Рукопись может быть послана по почте по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33, редакция журнала «Неофилология» или по электронной почте vestnik1@tsu.tmb.ru, ilina@tsutmb.ru или главному редактору А.С. Щербак по электронной почте ant_scherbak@mail.ru. Авторы, проживающие в г. Тамбове, могут лично принести статью непосредственно в редакцию журнала (прием статей осуществляется по адресу: г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г). Статья должна быть подписана автором(ами).

Наряду с распечатанной, представляется электронная версия в виде отдельных файлов (Иванов-статья.doc; Иванов-аннотация+кл. сл.doc; Иванов-сведения об авторе.doc).

Требования к оформлению основного текста

Рукопись должна представлять готовый оригинал-макет на одной стороне белой бумаги формата А4. Объем статьи от 0,5 п.л. (20 тыс. знаков с пробелами) до 1,0 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Статья должна быть набрана в программе Microsoft Word, формат А4, поля по 2 см с каждой стороны. Шрифт Times New Roman.

Размер шрифта 14. Выравнивание по ширине. Межстрочный интервал полуторный (1,5). Абзацный отступ – 0,7. Переносы включены. Все страницы рукописи с вложенными таблицами, рисунками, подписями к рисункам, списком литературы должны быть пронумерованы. Шрифтовые выделения в самом тексте статьи допускаются в виде *курсива* или **полужирным** шрифтом. В тексте не допускаются подчеркивания и использование сносок.

На отдельном листе и отдельным файлом прилагаются **сведения обо всех авторах статьи** (фамилия, имя и отчество полностью), с указанием его (их) звания, ученой степени, должности, места работы (полное название организаций, к которым приписан автор, а не аббревиатура, почтовый адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), для аспирантов и докторантов – наименование специальности, почтового адреса (с индексом для доставки номеров журналов согласно подписке); номеров контактных телефонов (с кодом города) и контактного адреса электронной почты. Сведения об авторах указываются на русском и английском языках.

Рукописи на иностранных языках должны быть в обязательном порядке отредактированы носителем языка с указанием его ФИО и адреса электронной почты.

При подаче в редакцию статьи на языке, отличном от русского, необходимо убедиться, что были использованы векторные шрифты для иноязычного текста, конвертируемые в формат pdf/A при размещении журнала в системы приема обязательного электронного экземпляра Российской книжной палаты и Российской государственной библиотеки.

Структура статьи

В верхнем левом углу листа проставляется код **УДК** (<http://teacode.com/online/udc/>), который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (уточнить в научной библиотеке университета или города).

Далее по центру жирным шрифтом печатается **название статьи** (прописная буква только первая, не более 107 знаков с пробелами), ниже обычным шрифтом – **имя и отчество** (сначала! полностью), **фамилия ав-**

тора(ов), строкой ниже – **полное название организации с ее юридическим адресом** на русском и английском языке (данные об аффилировании авторов – author affiliation). Ниже через строку помещается текст аннотации на русском и английском языке.

Аннотация (150–200 слов) в обязательном порядке должна включать актуальность и цель исследования, методы, основные результаты (например, Обосновано..., доказано..., проанализировано..., сформировано... и т. п.), выводы. Аннотация должна отражать содержание и основные результаты статьи, но ни в коем случае не быть введением или заключением статьи. Затем приводятся ключевые слова на русском и английском языке (5–6 ключевых слов или словосочетаний, отражающих тему работы и служащих ключом при поиске соответствующей информации). Ещё через строку помещают основной текст статьи.

Политика открытого доступа

Научно-теоретический журнал «Неофилология» поддерживает концепцию открытого доступа (Open Access), предложенную Будапештской инициативой открытого доступа (БИОД). Статьи журнала доступны всем желающим с момента публикации, что обеспечивает свободный открытый доступ к результатам исследований и способствует увеличению глобального обмена знаниями. Все содержимое журнала доступно для пользователей бесплатно. Пользователям разрешается читать, скачивать, копировать, распространять, распечатывать, делать ссылки на полнотекстовые статьи, производить поиск роботами-индексаторами, вводить их как данные в программное обеспечение или использовать для других законных целей при отсутствии финансовых, правовых и технических преград без предварительного разрешения издателя и автора. При этом пользователи имеют право использовать материалы в своих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в журнале.

Журнал предоставляет открытый доступ к своему контенту в НЭБ (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64820), «КиберЛенинке» (<https://cyberleninka.ru/journal/n/neo-filologiya>) и на сайте журнала на русском и английском языках (раздел «Архив»).

Процесс рецензирования

Журнал проводит двухстороннее анонимное («слепое») рецензирование поступающих рукописей. Рецензенту предоставляется на рецензирование рукопись без указания фамилий авторов. Автор не знает фамилий рецензентов.

Плата за публикацию

Журнал следует политике Open Access Journals, доступ к опубликованным в журнале статьям – свободный для всех (без необходимости регистрации).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов. Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доводкой статей до необходимого научно-методического уровня. Журнал не предоставляет платных услуг.

Политика раскрытия и конфликты интересов

Неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, нельзя использовать в личных исследованиях без письменного согласия Автора.

Информация или идеи, полученные в ходе рецензирования и связанные с возможными преимуществами, должны сохраняться конфиденциальными и не использоваться с целью получения личной выгоды.

Рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из Авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

Заимствования и плагиат

Редакционная коллегия журнала при рассмотрении статьи производит проверку материала с помощью системы Антиплагиат. В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Представление статьи в журнал подразумевает, что:

- работа не была опубликована ранее в другом журнале;
- не находится на рассмотрении в другом журнале;
- все соавторы согласны с публикацией статьи;
- получено согласие – неявное или явное – организации, в которой исследование было проведено.

Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Лицензия и депонирование

Публикация материалов в журнале осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). Журнал предоставляет право читать, сохранять, копировать, распространять, распечатывать, искать и делать ссылки на полные тексты материалов с обязательным указанием их автора(ов) и названия «Неофилология». Правильная ссылка на конкретную публикацию помещена в конце каждой статьи журнала на русском и английском языках.

Автор имеет право архивировать (выгружать) размещенный на сайте журнала вариант статьи (PDF-файл) и загружать его на любые репозитории открытого доступа.

Юридический адрес редакции журнала:
392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Фактический адрес редакции журнала:
392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г

Телефон редакции:
8 (4752) 72-34-34 доб. 0440, 0442

Официальный сайт журнала на русском языке:
<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-about.html>

Официальный сайт журнала на английском языке:
<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html>

Адреса электронной почты:
vestnik1@tsu.tmb.ru, ilina@tsutmb.ru

